

ОСНОВАНИЯ
ОПЫТНОЙ ПСИХОЛОГИИ.

ОСНОВАНИЯ
ОПЫТНОЙ ПСИХОЛОГИИ,

СОЧИНЕНИЕ

ЗАКОНОУЧТЕЛЯ ЗАКАВКАЗСКАГО ИНСТИТУТА БЛАГОРОДНЫХЪ ДѢВЦЪ
И ПРОФЕССОРА ТИФЛИССКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ, МАГИСТРА,

АРХИМАНДРИТА ГАВРИИЛА.

САНКТПЕТЕРБУРГѢ

ВЪ ТИПОГРАФИИ АЛЕКСАНДРА ЯКОБСОНА

1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 26 февраля 1858 года.

Ценсоръ П. Новосильскій.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОСНОВАНІЙ ОПЫТНОЙ ПСИХОЛОГІИ.

Предисловіе	1
-----------------------	---

ОТДѢЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

О БЫТІИ, СВОЙСТВАХЪ И ДѢЙСТВІЯХЪ ДУШИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О ЧУВСТВУЮЩЕМЪ И ДВИГАЮЩЕМЪ НАЧАЛѢ ВЪ ЧЕЛОВѢКѢ.

§ 1. Содержаніе главы	7
А. Ощущеніе.	
§ 2. О зрѣніи	7
§ 3. Психологическій вопросъ	10
§ 4. О слухѣ	11
§ 5. Опять психологическій вопросъ	14
§ 6. О запахѣ	16
§ 7. О вкусѣ	18
§ 8. Объ осязаніи	18
§ 9. О томъ, что человѣкъ все чувствуетъ не внѣ себя, какъ ему кажется, а въ себѣ	20

§ 10. Физиологическіе факты, доказывающіе положеніе преды- дущаго §	23
§ 11. Описаніе нервной системы	25
§ 12. Устройство нервовъ	27
§ 13. Самый ли мозгъ должно признать чувствующимъ началомъ?	28
§ 14. Возраженіе	29
§ 15. Въ чемъ состоитъ ощущающее начало?	31

Б. О движеніи.

§ 16. Физиологическое описаніе главныхъ двигательныхъ ор- гановъ	34
§ 17. Зависимость движеній отъ мозга	35
§ 18. Гдѣ находится двигающее начало?	36
§ 19. О тождествѣ ощущающаго и мыслящаго начала	38
§ 20. Свидѣтельство Либиха	39
§ 21. Замѣчаніе о трехчастномъ составѣ челоуѣка	44
§ 22. Слова изъ физиологіи Г-на Жемчужникова	45
§ 23. Что такое жизнь?	46
§ 24. Имѣютъ ли животныя душу?	50
§ 25. Ощущенія не должно смѣшивать съ сердечными чувство- ваніями	51
§ 26. Заключение главы	52

ГЛАВА ВТОРАЯ.

АНАЛИЗЪ ДУШЕВНЫХЪ СПОСОБНОСТЕЙ.

§ 27. Содержаніе главы	54
§ 28. Раздѣленіе способностей души	54
§ 29. Объ основной силѣ, или способности души	55

А. О способностяхъ познавательныхъ.

§ 30. Вниманіе	56
§ 31. Сравненіе или сужденіе	58
§ 32. Размышленіе	60
§ 33. Воображеніе	61
§ 34. Умствованіе или умозаключеніе	62

§ 35. Память	64
§ 36. Понятіе	66

Б. О способностяхъ или силахъ дѣятельныхъ.

§ 37. Нужда	67
§ 38. Безпокойство	67
§ 39. Желаніе	68
§ 40. Страсти	68
§ 41. Надежда	68
§ 42. Воля или хотѣніе	69
§ 43. Самое дѣло или дѣйствованіе	69
§ 44. Мысль	70
§ 45. Сознаніе и самосознаніе	70
§ 46. Нравственное самосознаніе	72
§ 47. Какъ опредѣляется самосознаніе у другихъ Психологовъ?	72
§ 48. Можно ли раздѣлять способности души на высшія и низшія?	76

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О ПОЗНАНІИ.

§ 49. Содержаніе главы	78
§ 50. Ближайшій анализъ ощущеній	78
§ 51. Объ отношеніи нашихъ ощущеній къ самымъ явленіямъ .	80
§ 52. Возраженія противу подобнаго объясненія ощущеній . .	82
§ 53. Новая теорія чувственного наблюденія и ея разсмотрѣніе .	85
§ 54. Что человекъ пріобрѣтаетъ посредствомъ ощущеній? .	88
§ 55. Что мы узнаемъ посредствомъ осязанія?	89
§ 56. Слѣдствія изъ сказаннаго въ предыдущемъ §	91
§ 57. Что душа узнаетъ посредствомъ вкуса и осязанія? . .	93
§ 58. О томъ, какія впечатлѣнія и ощущенія рождаются въ ду- шѣ отъ органа зрѣнія?	94
§ 59. Что узнаетъ душа посредствомъ слуха?	95
§ 60. О совмѣстномъ дѣйствіи всѣхъ чувствъ	97
§ 61. О важности сихъ ощущеній	99
§ 62. Всякое сужденіе по своей сущности тождественно съ пред- ставленіемъ	101

§ 63.	Объ отношеніяхъ между представленіями и сужденіями	102
§ 64.	Объ отвлеченіи	104
§ 65.	Классификація	105
§ 66.	Въ чемъ состоитъ недостатокъ нѣкоторыхъ слабоумныхъ и помѣшанныхъ людей?	108
§ 67.	Что такое остроуміе?	109
§ 68.	О дѣятельности ума	110
§ 69.	Понятія	112
§ 70.	О субстанціяхъ	114
§ 71.	Понятіе о Высочайшей субстанціи	117
§ 72.	Краткое замѣчаніе о понятіяхъ отношеній	119
§ 73.	Какое участіе принимаютъ въ мышленіи память и вообра- женіе?	120
§ 74.	О дѣятельности воображенія	122

Б. ОВЪ АССОЦІАЦІИ ИДЕЙ.

§ 75.	Опредѣленіе ассоціаціи идей и ея вліяніе на мышленіе	123
§ 76.	Причины, производящія ассоціацію идей	124
§ 77.	Ассоціація идей производитъ большую часть симпатій и антипатій	125
§ 78.	Сны отчасти происходятъ отъ ассоціаціи идей	127
§ 79.	Участіе ассоціаціи идей въ мышленіи	128
§ 80.	Большая часть предразсудковъ и суевѣрій зависятъ отъ ассоціаціи идей	129
§ 81.	Вліяніе ассоціаціи идей на поступки наши	130

В. ОВЪ ОСНОВНЫХЪ ЗАКОНАХЪ МЫШЛЕНІЯ ИЛИ ПСИХОЛОГИЧЕСКІЯ ОСНОВАНІЯ ЛОГИКИ.

§ 82.	Что такое мышленіе вообще?	130
§ 83.	Почему мышленіе во всѣхъ людяхъ совершается по однимъ законамъ?	131
§ 84.	Откуда человѣкъ пріобрѣтаетъ познанія?	133
§ 85.	Ученіе Канта о происхожденіи познаній	134
§ 86.	Разсмотрѣніе сего ученія	135
§ 87.	Отъ чего происходитъ всеобщность и необходимость нѣко- торыхъ сужденій?	136

§ 88.	Всеобщность и необходимость принадлежать однимъ тождественнымъ представленіямъ	138
§ 89.	Есть ли различіе между сужденіями аналитическими и синтетическими?	139
§ 90.	Какъ хотѣли различать эти сужденія?	141
§ 91.	Можно ли математическія сужденія назвать синтетическими?	142
§ 92.	Какимъ методомъ душа пріобрѣтаетъ свои познанія?	145
§ 93.	Значеніе математическихъ аксіомъ	146
§ 94.	О верховномъ законѣ правильного мышленія	149

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О ДУШЕВНЫХЪ СОСТОЯНІЯХЪ.

§ 95.	Содержаніе главы, связь ея съ предыдущимъ и раздѣленіе	151
-------	--	-----

А. О СОСТОЯНІЯХЪ ДУШИ ПРІЯТНЫХЪ И НЕПРІЯТНЫХЪ.

§ 96.	Общій источникъ всѣхъ душевныхъ состояній	152
§ 97.	О пріятномъ и непріятномъ вообще	153
§ 98.	Радость и печаль	154
§ 99.	О наружныхъ признакахъ радости и печали	157
§ 100.	Зависть	159
§ 101.	Надежда и отчаяніе	160
§ 102.	Страхъ и мужество	161
§ 103.	Гнѣвъ со всѣми его степенями	162
§ 104.	Гордость	163
§ 105.	Презрѣніе	165
§ 106.	Стыдъ	166
§ 107.	Объ удивленіи	167

Б. О СТРАСТЯХЪ.

§ 108.	Опредѣленіе и отличіе страстей отъ прочихъ душевныхъ состояній	168
§ 109.	Любовь	168
§ 110.	Какія частныя страсти рождаются изъ любви?	169
§ 111.	Ревность	170

§ 112.	Ненависть	171
§ 113.	Объяденіе и пьянство	172
§ 114.	Страсть къ играмъ	173
§ 115.	Страсть къ зрѣлищамъ	174
§ 116.	Корыстолюбіе	176
§ 117.	Сластолюбіе	178
§ 118.	Честолюбіе	179
§ 119.	Замѣчанія о другихъ страстяхъ	179
§ 120.	Страсти предполагаютъ привычку къ нимъ	181

В. НѢКОТОРЫЯ ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ О ДУШЕВНЫХЪ СОСТОЯНІЯХЪ.

§ 121.	Какая сущность всѣхъ душевныхъ состояній?	181
§ 122.	О вліяніи на человѣка душевныхъ состояній	183
§ 123.	Слѣдствія нѣкоторыхъ душевныхъ состояній	185
§ 124.	О началѣ душевныхъ состояній въ человѣкѣ	186
§ 125.	О наслажденіи изящными предметами	188
§ 126.	О безкорыстныхъ чувствахъ	190

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О РЕЛИГИОЗНЫХЪ ЧУВСТВОВАНІЯХЪ.

§ 127.	Содержаніе главы	193
§ 128.	Религіозная радость	194
§ 129.	Религіозная печаль	195
§ 130.	О молитвенномъ чувствѣ	198
§ 131.	Милосердіе	199
§ 132.	Религіозная любовь	201
§ 133.	Христіанская ревность	203
§ 134.	Порокъ и добродѣтель суть явленія психологическія	204
§ 135.	О борьбѣ внутренней	206
§ 136.	Кому особенно нужно изучать сію борьбу?	208
§ 137.	О томъ, какъ необходимо приучать себя къ религіознымъ чувствамъ	209
§ 138.	Что еще объясняется этимъ приученіемъ души къ добру?	211
§ 139.	Заключеніе	213

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВОЛИ.

§ 140. Содержаніе главы	214
§ 141. Опредѣленіе понятія о свободѣ	215
§ 142. О побужденіяхъ къ дѣятельности	217
§ 143. О связи между побужденіями и дѣйствіями воли	219
§ 144. Внутренняя борьба — доказательство свободы	221
§ 145. О высочайшей свободѣ	222

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О СОВМѢСТНОМЪ БЫТІИ ДУШИ И ТѢЛА.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ОВЪ ОТНОШЕНІИ МЕЖДУ ДУШЕЮ И ЕЯ ОРГАНИЗМОМЪ.

§ 146. Содержаніе главы	227
§ 147. Когда можно наблюдать отношеніе между душею и организмомъ?	228
§ 148. Разсмотрѣніе сего ученія	232
§ 149. Объ основаніи такого ученія	236
§ 150. Отъ чего происходятъ такіа странная мнѣнія?	243
§ 151. Сущность отношенія души и организма	249
§ 152. О постепенномъ образованіи чловѣч. способностей	250

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

ОВЪ ОТНОШЕНІИ НЕРВНОЙ И ДРУГИХЪ СИСТЕМЪ КЪ ДУШЕВНОЙ ЖИЗНИ.

§ 153. Содержаніе главы и раздѣленіе	255
--	-----

А. Отношеніе къ душѣ нервной системы.

§ 154. Сущность сего отношенія	256
§ 155. Способъ дѣйствія нервовъ	257

§ 156.	Что собственно значить безсознательное мышление?	260
§ 157.	Объ общемъ чувствованіи	262
§ 158.	О дѣятельности собственно черепнаго мозга	263
§ 159.	Замѣчаніе о сущности души	266
§ 160.	Значеніе частей мозга	270
§ 161.	Слѣдствія изъ этого описанія частей мозга	273
§ 162.	О душевныхъ болѣзняхъ, какъ слѣдствіи разстройства нервной системы	274
§ 163.	О значеніи глаза и зрѣнія по отношенію къ душѣ	276
§ 164.	О значеніи слуха и звуковъ	278

**Б. О вліяніи другихъ органическихъ системъ на пред-
ставленія.**

§ 165.	Основаніе сего вліянія	280
§ 166.	Примѣры изъ Зоологіи, доказывающіе сіе отношеніе	280
§ 167.	Нѣкоторыя другія доказательства дѣйствія системъ на душу	282
§ 168.	Вліяніе кровеносной дѣятельности на умственные от- правленія	285
§ 169.	Физиологическіе факты, доказывающіе предыдущее	288
§ 170.	Вліяніе пищеварительной системы на умственную дѣя- тельность	289
§ 171.	О вліяніи на умственные отправленія другихъ органичес- кихъ системъ, какъ то дыхательной, лимфатической, от- дѣлительной и др.	291

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О ТЕМПЕРАМЕНТѢ И ХАРАКТЕРѢ.

§ 172.	Содержаніе главы	293
§ 173.	Различіе между темпераментомъ и характеромъ	294

А. ТЕМПЕРАМЕНТЪ.

§ 174.	О главныхъ видахъ темпераментовъ	295
--------	--	-----

а. О вліянні на темпераментъ мышечной системы.

§ 175. Физиологическія замѣчанія объ устройствѣ и назначеніи костной системы	297
§ 176. Какія рождаются въ душѣ состоянія отъ мышечной дѣятельности?	299
§ 177. Мышечныя движенія — какъ выраженія душевныхъ состояній	300

б. О вліянні на темпераментъ кровеносной системы.

§ 178. Предварительныя положенія	302
§ 179. Почему кровообращеніе производитъ душерасположеніе?	304

в. О вліянні на темпераментъ пищеварительной системы.

§ 180. Общее значеніе системы пищеваренія	306
§ 181. Физиологическія факты	307

г. Вліяніе на темпераментъ системы дыханія.

§ 182. Значеніе дыханія для организма и отраженіе его въ душѣ	308
§ 183. Ближайшее физиологическое изслѣдованіе сего соотношенія	310

д. Отношеніе лимфатической системы къ темпераменту.

§ 184. Основаніе сего соотношенія	311
§ 185. Физиологическія доказательства сказаннаго	312

е. Значеніе системы отдѣлительной.

§ 186. Физиологическое значеніе отдѣленій	313
§ 187. Доказательство сказаннаго	314
§ 188. Темпераментъ есть свойство собственно души	316

Б. О ХАРАКТЕРѢ.

§ 189. Опредѣленіе характера	317
§ 190. Отъ чего зависитъ различіе характеровъ?	318
§ 191. Вліяніе климата на образованіе характера.	319
§ 192. Вліяніе воспитанія на образованіе характера	320

§ 193. Вліяніє релігій на характер	322
§ 194. Вліяніє на характеръ образа правленія и гражданскаго устройства	323
§ 195. Врождены ли челоуѣку характеръ и темпераментъ? .	324
§ 196. Заключеніє главы	326

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, ПРИБАВОЧНАЯ.

О БЕЗСМЕРТІИ ДУШИ.

§ 197. Основныя доказательства безсмертія души	330
§ 198. Душа есть существо, непрерывно совершенствующееся .	332
§ 199. Нравственное доказательство	334
§ 200. О значеніи челоуѣка	335

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагая на судъ просвѣщенныхъ людей *Основанія опытной Психологіи*, считаемъ нужнымъ сказать слова два въ оправданіе метода, которому мы рѣшились слѣдовать при ихъ изложеніи.

Психологію немногіе считаютъ за опытную науку, и хотя есть сотни книгъ, носящихъ названіе опытной Психологіи, но въ нихъ, по справедливости говоря, весьма мало опытнаго; по крайней мѣрѣ, онѣ весьма еще далеки отъ метода истинно-опытныхъ, т. е. естественныхъ наукъ. Между тѣмъ, по здоровомъ размышленіи, мы должны согласиться, что Психологія не менѣе сихъ наукъ допускаетъ опытный методъ изслѣдованій; ибо душа человѣческая не есть какое либо отвлеченное представленіе нашего ума, которое можетъ быть изучаемо однимъ умозрѣніемъ, но есть субстанція, имѣющая дѣйствительное бытіе и обнаруживающая себя во многихъ явленіяхъ; слѣдовательно она, подобно всѣмъ другимъ субстанціямъ, можетъ и должна быть изучаема опытами и наблюденіемъ. Правда, душа есть существо невидимое, и ее нельзя наблюдать подобно всѣмъ

наружнымъ предметамъ внѣшними чувствами; но за то самыя эти чувства суть произведенія души. Слѣдовательно, изучая ихъ, мы изучаемъ самую душу. Весь нашъ организмъ есть орудіе души, которая постоянно проявляетъ себя въ его измѣненіяхъ и состояніяхъ; слѣдовательно, изучая эти состоянія организма, мы познаемъ свойства самой души. Далѣе и всякое душевное явленіе, всякій внутренній фактъ, независимый отъ организма, также можетъ быть предметомъ внутреннихъ наблюденій; ибо самосознаніе наше есть постоянный внутренній опытъ. Наконецъ всѣ душевныя силы и способности весьма легко могутъ быть наблюдаемы въ то время, когда онѣ находятся въ напряженіи, когда онѣ упражняются, дѣйствуютъ. Судя по всему этому, опытный методъ изученія предмета нигдѣ не можетъ имѣть такого обширнаго примѣненія, какъ въ Психологіи, и мнѣ кажется, что Психологія выиграла бы весьма много, еслибы, отбросивъ въ сторону бесплодныя умозрѣнія, обратилась къ строгому опыту, безпристрастнымъ наблюденіямъ, анализу явленій и фактовъ, словомъ обратилась къ тому превосходному методу, который сообщаетъ наукамъ естественнымъ столь завидную точность, занимательность и основательность.

Вотъ тѣ соображенія, которыя руководили нами при изложеніи *Основаній опытной Психологіи*. Мы старались основывать всѣ разсужденія о душѣ на фактахъ и явленіяхъ, вполне доказанныхъ и объясненныхъ въ физиологіи и физикѣ, и тѣмъ избѣгать всѣхъ бесполезныхъ теорій и гипотезъ.

Но приступая къ изложенію самой Психологіи, сообразно принятому съ давнихъ поръ обыкновенію, мы

должны бы съ точностію объяснить, что такое Психологія, какъ она раздѣляется, какое мѣсто занимаетъ въ ряду другихъ наукъ, какъ надобно излагать ее, и прочая и прочая. Въ особенности же, мы должны бы употребить всѣ усилія доказать, что Психологія есть наука весьма полезная во всѣхъ отношеніяхъ. Но да простятъ намъ отступленіе отъ принятаго обычая. Намъ кажется, что подобныя введенія въ науку излишни, бесполезны и даже отчасти смѣшны. Всѣ эти истины, доказываемыя во Введеніи, должны быть не началомъ, а конечнымъ результатомъ науки. Объяснять на первой страницѣ книги то, что должно быть выведено какъ слѣдствіе всѣхъ ея изысканій, значитъ тоже, что начинать строеніе дома съ крыши. Что Психологія есть ученіе о душѣ, это, безъ сомнѣнія, заранѣе извѣстно всякому, кто только возьметъ въ руки эту книгу. Съ какими науками она имѣетъ связь, это покажутъ послѣдствія; есть ли отъ нея польза, это долженъ рѣшить самъ читатель по прочтеніи всей книги.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

**О БЫТІИ, СВОЙСТВАХЪ И ДѢЙСТВІЯХЪ ДУШИ
ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ.**

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ОБЪ ОЩУЩАЮЩЕМЪ И ДВИЖУЩЕМЪ НАЧАЛѢ ВЪ ЧЕЛОВѢКѢ.

---

§ 1.

СОДЕРЖАНІЕ ГЛАВЫ.

Въ этой первой главѣ *Основаній опытной Психологіи* мы постараемся анализировать ощущенія и свободныя движенія человѣка, и посмотримъ къ чему приведетъ насъ точное познаніе устройства чувственныхъ и двигательныхъ органовъ и ихъ отправленій.

А. ОЩУЩЕНІЕ.

§ 2.

О ЗРѢНІИ.

Начнемъ анализъ ощущеній съ зрѣнія.

Органъ зрѣнія есть глазъ. Онъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей: спереди находится прозрачная, выпуклая и наполненная водянистою влагою, полукруглая поверхность, называемая *роговою оболочкою*. Она приле-

гаетъ заднею стороною къ плоской перегородкѣ, на подобіе стекла въ карманныхъ часахъ. Эта перегородка имѣетъ у человѣка и животныхъ различныя цвѣта, отчего и называется *радужною оболочкою*. Круглое отверстіе, находящееся въ срединѣ перегородки, служитъ для прохода лучей свѣта и называется *зрачкомъ*. Позади зрачка лежитъ мягкое, двойко-выпуклое тѣло — *кристаллиъ* или *хрусталинъ*. За кристаллиномъ находится влага, которая, по причинѣ сходства со стекломъ, называется *стекловидною влагою*. Она вся окружена тончайшею оболочкою, или мѣшечкомъ, коего внутренняя поверхность покрыта сѣткою, или развѣтвленіемъ зрительнаго нерва, соединяющаго глазъ съ мозгомъ.

Глазъ дѣйствуетъ слѣдующимъ образомъ. Лучи свѣта отъ наружныхъ предметовъ, падая на роговую оболочку, проходятъ чрезъ зрачекъ и преломляются въ кристаллиъ, какъ во всякомъ двойко-выпукломъ стеклѣ. Далѣе, проходя чрезъ стекловидную влагу, снова въ ней преломляется и, соединившись на задней свѣтчатой оболочкѣ глазнаго яблока, производятъ изображеніе предмета. Впечатлѣніе или раздраженіе, которое производитъ это изображеніе на развѣтвленіе зрительнаго нерва, этотъ нервъ переноситъ до того пункта черепнаго мозга, къ которому онъ примыкаетъ и которое называется *чертогомъ зрительнаго нерва*.

Итакъ органъ зрѣнія устроенъ сообразно строгимъ математическимъ законамъ распространенія и преломленія свѣтовыхъ лучей, и изображеніе предметовъ на задней оболочкѣ глаза есть простое физическое явленіе. Извѣстно, что физики составили изъ стеклъ искусственный глазъ, въ которомъ лучи преломляются и изобра-

женіе предметовъ получается точно также, какъ въ живомъ глазѣ. Но между живымъ глазомъ и искусственнымъ то существенное различіе, что въ послѣднемъ изображеніе предметовъ есть простое, механическое дѣйствіе, а въ первомъ оно сопровождается явленіемъ въ высшей степени замѣчательнымъ и важнымъ для Психолога, именно зрѣніемъ или сознательнымъ ощущеніемъ того предмета, которое произвело впечатлѣніе. Но спрашивается: гдѣ это зрѣніе или ощущеніе предмета? Иначе что или кто ощущаетъ цвѣта, фигуры, величины и другія свойства предметовъ? на это, по видимому, можно отвѣчать троякимъ образомъ: ощущеніе предметовъ, или зрѣніе, происходитъ либо въ самыхъ составныхъ частяхъ глаза, либо въ зрительномъ нервѣ, либо наконецъ въ мозгѣ.

Но физиологическіе факты неоспоримо доказываютъ: 1-хъ, что составныя части глаза имѣютъ назначеніе чисто механическое, именно преломлять лучи свѣта и составлять изображенія предметовъ, но сами не могутъ ощущать сихъ изображеній. Извѣстно, что если отдѣлить глазъ отъ мозга, перерѣзавъ гдѣ либо зрительный нервъ; то хотя бы глазъ и продолжалъ отражать предметы по прежнему, но ощущеніе, или зрѣніе исчезнетъ. Поэтому очевидно, что хотя человѣкъ видитъ предметы посредствомъ глаза, но видитъ ихъ не въ самомъ глазѣ.

2. Зрѣніе, или ощущеніе свѣта и предметовъ, происходитъ и не въ зрительномъ нервѣ. Зрительный нервъ назначенъ только къ тому, чтобы переносить впечатлѣніе предмета изъ органа къ центру, т. е. къ черепному мозгу. Это доказывается тѣмъ же самымъ фактомъ, какой мы привели сей часъ; ибо гдѣ бы мы ни перерѣзали зрительный нервъ, далѣе или ближе къ мозгу, все-таки

остальная его часть не будет чувствовать свѣта и сдѣлается мертвою.

3. Остается третье предположеніе, и всѣ факты увѣряютъ насъ, что ощущеніе дѣйствительно происходитъ въ мозгу. На самомъ дѣлѣ мы видѣли, что впечатлѣнія предметовъ на глаза переносятся къ мозгу; увидимъ далѣе, также, что и всѣ впечатлѣнія другихъ органовъ равно сосредоточиваются въ черепномъ мозгѣ; слѣдовательно другаго мѣста для ощущеній предположить не возможно.

§ 3.

Психологическій вопросъ.

Физиологъ, задача котораго состоитъ лишь въ томъ, чтобы опредѣлить назначеніе и отправленіе органовъ человѣческаго тѣла, можетъ остановиться на этомъ пунктѣ, потому что ему нѣтъ нужды идти далѣе; но Психологъ, желающій изучить невидимую сторону человѣка, съ этого именно пункта и долженъ начать свои изслѣдованія. Прослѣдивши впечатлѣнія свѣта до самаго мозга, увѣрившись изъ несомнѣнныхъ фактовъ, что ощущеніе бываетъ не въ глазѣ, и не въ нервѣ, а совершается въ мозгу, онъ долженъ предложить себѣ слѣдующій вопросъ: самая ли мозговая мякоть, самые ли нервные пузырьки мозга, ощущаютъ свѣтъ, звукъ и проч., или есть особое, независимое и отличное отъ мозга начало, которому надобно приписать эти ощущенія? Этотъ вопросъ очень важенъ и рѣшительнъ для опытной Психологіи. Но внимательное соображеніе всѣхъ физиологическихъ фактовъ и вѣрный анализъ устройства и дѣйствія всѣхъ органовъ при-

водятъ насъ къ такому слѣдствію. »Начало, или субстанція, которая въ человѣкѣ все ощущаетъ и движеть, совершенно отлична отъ мозга и вообще отъ всего организма. Это есть субстанція невещественная, духовная, основную силу которой составляетъ — ощущеніе. Мозгъ же есть только послѣдній и притомъ центральный органъ, куда собираются всѣ впечатлѣнія для того, чтобы окончательно отразиться въ видѣ разнообразныхъ ощущеній въ этой невидимой субстанціи.« Полное и всестороннее доказательство этого важнаго положенія будетъ цѣлью всѣхъ изслѣдованій этой главы. Мы надѣемся, что безпристрастный анализъ многочисленныхъ фізіологическихъ и физическихъ фактовъ, приведетъ насъ къ убѣжденію въ его истинности.

§ 4.

О слухѣ.

Физика научаетъ насъ, что внѣшняя причина звуковъ, или физическое явленіе, производящее въ насъ впечатлѣніе звуковъ, есть волнообразное движеніе воздуха. Частицы твердыхъ тѣлъ отъ взаимнаго столкновенія приходятъ въ сотрясательное движеніе. Это движеніе передается окружающей ихъ массѣ воздуха, и послѣдняя также приходитъ въ сотрясательное или волнообразное движеніе, которое, распространяясь во всѣ стороны съ извѣстною скоростію, доходитъ до органа слуха и производитъ въ немъ извѣстное впечатлѣніе, или церемѣну. Чтобы понять способъ этого впечатлѣнія, надобно познакомиться съ устройствомъ уха.

Устройство уха строго приравнено къ физическимъ законамъ движенія и отраженія воздуха. Органъ слуха состоитъ изъ трехъ главныхъ отдѣловъ: наружнаго, средняго и задняго.

Внѣшній отдѣлъ слуховаго органа заключаетъ въ себѣ наружное ухо и слуховой проходъ. Наружное ухо видимо всякому и не требуетъ описанія. Слуховой проходъ есть эллиптическій или воронкообразный каналъ, составленный сначала изъ хряща, а потомъ изъ черепной кости. На заднемъ краю онъ оканчивается перепончатою перегородкою (*барабанною перепонкою*), которая составляетъ глухую преграду, отдѣляющую наружное ухо отъ средняго.

Средній отдѣлъ уха состоитъ изъ продолговатой полости. На внутренней части ея находятся два отверстія, овальное и круглое, лежащія одно надъ другимъ; сверхъ того, эта полость заключаетъ внутри себя цѣпь маленькихъ косточекъ, которыя, по сходству своему съ извѣстными предметами, называются: *молотокъ*, *наковальня*, *стремя* и проч.

Послѣдній задній отдѣлъ уха состоитъ изъ цѣлаго лабиринта косточекъ и имѣетъ довольно сложное устройство. Замѣчательнѣйшія его части: *предверіе*, маленькая, продолговатая полость, занимающая средину лабиринта, и *полукруглые каналы*, загнутые въ видѣ подковы, и *улитка*.

Весь лабиринтъ, или все пространство задняго уха, наполненъ водянистою матеріею.

Наконецъ надобно замѣтить объ одной части уха, весьма важной, именно объ *эвстахіевой трубѣ*; это есть каналъ, который приводитъ въ сообщеніе задній отдѣлъ уха съ гортанью.

Наружное ухо назначено для получения и распространения во внутрь воздушных сотрясений.

Наружный слуховой ходъ — для проведения сихъ сотрясений къ барабанной перепонкѣ. Такъ какъ тѣла твердыя проводятъ сотрясенія лучше, то его стѣнки составлены отчасти изъ костей. Слуховой проходъ, сверхъ того, чрезъ отраженіе отъ своихъ стѣнокъ увеличиваетъ силу сотрясений.

Барабанная перепонка представляетъ превосходнѣйшее приравненіе къ законамъ акустики. Извѣстно, что сотрясеніямъ, происходящимъ въ воздухѣ, ни одна вещь такъ не отвѣчаетъ, какъ натянутая животная перепонка. Посему-то барабанная перепонка въ совершенствѣ воспринимаетъ всѣ получаемыя ею сотрясенія. Для принятія сотрясений отъ перепонки назначены слуховыя косточки. Такимъ образомъ чрезъ цѣпь косточекъ сотрясенія во всей чистотѣ должны достигать до лабиринта.

Но для этого недостаточно однѣхъ сотрясений перепонки: надобно, чтобъ барабанная полость заключала въ себѣ воздухъ. И онъ точно получается здѣсь изъ гортани чрезъ *эстахиеву трубу*. Не будь здѣсь постояннаго притока воздуха, косточки не приносили-бы пользы. Такъ, при устройствѣ простыхъ барабановъ, оставляютъ въ нихъ отверстіе для постояннаго притока воздуха.

Наконецъ физиологи, хотя и не объяснили въ точности назначенія всѣхъ частей задняго отдѣла, но, вообще можно сказать, что и онѣ воспроизводятъ и усиливаютъ получаемыя отъ первыхъ двухъ отдѣловъ сотрясенія.

Такимъ образомъ столкновения тѣлъ производятъ волнообразное движеніе воздуха. Оно передается слуховому аппарату, который воспроизводитъ сотрясеніе и передаетъ

ихъ слуховому нерву. Наконецъ слуховой нервъ переноситъ это впечатлѣніе до черепнаго мозга, или собственно до того мѣста въ мозгу, къ которому онъ примыкаетъ. Но гдѣ происходитъ самое ощущеніе звуковъ или слухъ? На это опять можно отвѣчать слѣдующимъ образомъ: ощущеніе звуковъ совершается или въ самыхъ частяхъ слуховаго аппарата, или въ слышательномъ нервѣ, или въ мозгу.

Но, вслѣдствіе ясныхъ и доказанныхъ физиологическихъ фактовъ, мы должны заключить, что слышаніе или ощущеніе звуковъ не происходитъ ни въ самомъ ухѣ, ни въ нервѣ слышательномъ. Ибо, если мы перерѣжемъ этотъ нервъ и такимъ образомъ отдѣлимъ ухо отъ мозга; то хотя въ немъ и будутъ отражаться сотрясенія по прежнему, но звуки исчезнутъ. Слѣдовательно хотя человѣкъ слышитъ посредствомъ уха, но слышитъ не въ ухѣ. Итакъ остается заключить, что ощущеніе звуковъ происходитъ въ мозгѣ.

§ 5.

Опять психологическій вопросъ.

Здѣсь, какъ при анализѣ зрѣнія, Психологъ долженъ спросить себя: самый ли мозгъ есть ощущающее начало? Здравое и безпристрастное соображеніе всѣхъ фактовъ убѣждаетъ насъ, что мозгъ есть только орудіе для окончательной передачи впечатлѣній слуха какому то невидимому существу, что хотя ощущеніе звуковъ происходитъ въ немъ, но не самая мозговая мякоть есть ощущающая субстанція. Полное доказательство тому будетъ предложено далѣе, а здѣсь сдѣлаемъ только нѣкоторыя частныя соображенія.

Въ 1-хъ, мозгъ есть простая органическая матерія, состоящая изъ тѣхъ же почти химическихъ началъ, какъ и всѣ органы тѣла, съ нѣкоторою только разностию касательно количества и расположенія атомовъ; но основательно-ли думать, чтобы матеріальныя частицы, хотя бы и органическія, могли имѣть такую чудную способность, какова способность ощущать? Не забудемъ, что видѣть какойнибудь предметъ, слышать звукъ — значитъ сознать явленіе, судить о феноменѣ.

2. Сравнивая устройство органовъ зрѣнія и слуха, и слѣдя за ходомъ впечатлѣній свѣта въ первомъ и звуковыхъ волнъ во второмъ, мы видимъ, что оба сіи впечатлѣнія, по своей сущности, весьма схожи; ибо какъ то, такъ и другое, есть нѣкоторое раздраженіе, или нѣкоторая переменна органа и нерва, доходящая до мозга. Но сравните самыя ощущенія зрѣнія и слуха: есть ли между ними какое либо сходство? Далѣе мозгъ весь, по химическому своему составу, одинаковъ; но возможно ли, чтобъ двѣ одинаковыя части матеріи способны были имѣть два столь совершенно различныя ощущенія: какъ цвѣтъ и звукъ?

3. Послѣдующее соображеніе еще болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, что зрѣніе и слухъ происходятъ въ какомъ то особомъ, невидимомъ существѣ. Нервъ зрительный примыкаетъ къ одному извѣстному пункту мозга, до котораго доходятъ впечатлѣнія свѣта, и который, какъ было выше сказано, называется *зрительнымъ черточкомъ*. Нервъ слышательный, безъ сомнѣнія, тоже имѣетъ свой заворотъ въ другомъ пунктѣ мозга, до котораго и доходитъ нервный токъ, возбуждаемый впечатлѣніемъ на этотъ органъ. Слѣдовательно, если слухъ и зрѣніе суть принад-

лежности, или способности самой мякоти; то выходитъ такъ, что одна часть мозговой матеріи слышитъ, а другая видитъ, т. е. слышитъ и видитъ въ насъ не одно и то же существо, а два разныя существа. Но это явная нелѣпость, ибо ясно, что въ насъ слышитъ и видитъ одно и то же нераздѣльное существо, одна какаѣ-то субстанція или монада (*), которая и сравниваетъ эти два ощущенія, и дѣлаетъ изъ этого сравненія надлежащіе выводы.

§ 6.

О запахъ.

Физика и Химія показываютъ намъ, что запахъ происходитъ отъ тѣхъ невидимыхъ малѣйшихъ частицъ, которыя, отдѣляясь отъ пахучихъ тѣлъ, доходятъ до органа обонянія и производятъ раздраженіе внутренней перепончатой его кожицы. Эти раздраженія, или впечатлѣнія, обонятельный нервъ переноситъ до мозга, общаго центра всей нервной системы.

Такимъ образомъ надобно положить, что самый *запахъ* или *ощущеніе* запаха совершается или въ носу, или въ обонятельномъ нервѣ, или же въ мозгу. Но что обоняніе или чувство запаха бываетъ не въ носу, и не въ обонятельномъ нервѣ, въ томъ мы можемъ совершенно убѣдиться изъ тѣхъ же самыхъ фактовъ, которые представили выше при анализѣ зрѣнія и слуха. Самый мозгъ есть только передаточный пунктъ впечатлѣнія, а не то существо, которое ощущаетъ и различаетъ запахи.

(*) Слово монада употреблено здѣсь въ смыслѣ нераздѣльности, простоты.

Въ этомъ мы окончательно убѣдимся тогда, когда познакоимся съ устройствомъ мозга. А здѣсь замѣтимъ пока слѣдующее: между ощущеніями запаха, слуха и зрѣнія мы чувствуемъ удивительное различіе. Что напр. есть общаго, или какое сравненіе можно найти между бѣлымъ цвѣтомъ, звукомъ колокола и запахомъ розы? Но впечатлѣнія или перемѣны, какія производятъ въ нашихъ органахъ свѣтъ, волнообразное движеніе воздуха и частицы пахучихъ тѣлъ не могутъ по сущности своей такъ рѣзко различаться, какъ цвѣтъ, звукъ и запахъ; ибо органы и нервы, которыя воспринимаютъ сіи впечатлѣнія, не представляютъ такого рѣзкаго различія. Еще болѣе поражаетъ насъ въ этомъ отношеніи слѣдующій физиологическій фактъ: всякое раздраженіе зрительнаго нерва производитъ въ насъ одно только ощущеніе свѣта, а раздраженіе слуховаго нерва раждаетъ въ насъ только одни звуки, обонятельнаго — одни запахи. Напр., пропуская чрезъ всѣ сіи нервы электрической токъ или просто прикасаясь къ нимъ пинцетомъ, мы получаемъ въ каждомъ изъ нихъ однѣ только упомянутыя ощущенія. Здѣсь всѣ три нерва раздражены одинаково, слѣдовательно и сами получаютъ одинаковыя впечатлѣнія, и на мозгъ дѣйствуютъ одинаково, и наконецъ самый мозгъ, по составу своему, вездѣ одинаковъ, но слѣдствія выходятъ разительно несходныя. Въ мірѣ матеріальномъ не существуетъ такого явленія: въ немъ равныя причины или силы производятъ равныя слѣдствія: напр. равныя толчки раждаютъ равныя движенія. Очевидно, что всѣ сіи три ощущенія происходятъ не въ мірѣ матеріальномъ.

§ 7.

О ВКУСѢ.

Органъ вкуса есть языкъ и вся элизистая поверхность внутри рта. Ощущенія вкуса происходятъ только при непосредственномъ соприкосновеніи сихъ органовъ съ тѣлами, способными возбуждать сіи ощущенія. Притомъ вкусъ происходитъ только отъ жидкихъ частей тѣла, а твердыя частицы неспособны возбуждать его. Нѣтъ нужды распространяться на счетъ рѣшенія вопроса, гдѣ происходитъ самое ощущеніе вкуса, послѣ того какъ анализъ трехъ предъидущихъ чувствъ показалъ намъ, что самый актъ ощущенія нельзя приписывать ни органу, ни нерву, ни даже мозгу. Здѣсь замѣтимъ только еще разъ, что одно только соображеніе удивительнаго различія между нашими ощущеніями можетъ уже привести къ той мысли, что онѣ принадлежатъ міру невидимому и нематеріальному. Въ самомъ дѣлѣ, трудно указать какую либо черту сходства между ощущеніями вкуса, зрѣнія, слуха и обонянія. Это суть три различные міра; а потому, говорю, нельзя думать, чтобъ всѣ онѣ происходили въ однообразныхъ, матеріальныхъ частицахъ.

§ 8.

ОБЪ ОСЯЗАНІИ.

Органомъ осязанія служитъ вся поверхность нашего тѣла, хотя оконечности пальцевъ на рукахъ и почтиаются преимущественно осязательными орудіями. Все

тѣло наше покрыто кожей, которая имѣеть, по своему устройству, способность принимать чрезъ соприкосновение съ внѣшними предметами впечатлѣнія отъ нихъ. Ощущенія, которыя мы получаемъ отъ осязанія, суть: жесткость, мягкость, теплота, холодъ, боль со всѣми ея видоизмѣненіями и проч.

Такъ какъ кожа назначена для осязательной чувствительности, а равныя поверхности не могутъ передавать всѣхъ оттѣнковъ осязаемаго тѣла; то она, сжимаясь различнымъ образомъ, производитъ складки и бороздки и проч. Далѣе, кожа состоитъ изъ нѣсколькихъ слоевъ, но самый мягкій, нѣжный слой, расположенъ на внѣшней поверхности, для того, чтобы онъ могъ удобно раздражаться отъ малѣйшаго впечатлѣнія. Наконецъ, надобно помнить, что вся поверхность нашего тѣла, посредствомъ развѣтвленія нервовъ, соединена съ головнымъ мозгомъ, дабы всякое впечатлѣніе переносилось къ нему.

Но какъ и гдѣ человекъ чувствуетъ тепло и холодъ, боль, твердость, мягкость и проч? Совершенно также, какъ и всѣ другія ощущенія. Впечатлѣніе или раздраженіе органовъ осязанія, полученное въ какой нибудь части тѣла, нервъ осязанія переноситъ до мозга, и здѣсь уже происходитъ самое ощущеніе, но происходитъ не отъ мозга. Уколите палецъ на ногъ; вы въ тоже мгновеніе почувствуете боль, но этого мгновенія уже было достаточно къ тому, чтобы раздраженіе, происшедшее отъ укола, достигло до мозга и отразилось опять въ ногъ въ видѣ боли. Доказательствомъ тому, что ощущеніе боли произошло не въ мѣстѣ укола, служитъ то, что отдѣленіе ноги, или всякаго другаго члена, посредствомъ

перерѣзки чувственнаго нерва отъ мозга, лишаетъ его всякой чувствительности. Какимъ же образомъ ощущение происходитъ не въ ногѣ, когда намъ кажется, что у насъ болитъ именно нога: это мы сей часъ увидимъ.

§ 9.

О томъ, что человекъ все чувствуетъ не внѣ себя, какъ ему кажется, а въ себѣ.

Сколько любопытнаго и замѣчательнаго представляется иногда уму приближаемъ изученіи самыхъ обыкновенныхъ и простыхъ явленій! Что можетъ быть, наприм., проще того, что мы ежеминутно видимъ, слышимъ, обоняемъ и проч.? Но, изучивши ближе эти простѣйшія явленія, мы открываемъ въ нихъ многое, чего прежде не думали и подозрѣвать, и что съ перваго раза, при всей несомнѣнности, можетъ показаться даже невѣроятнымъ.

Во всѣхъ пяти чувствахъ привычка, пріобрѣтенная измлада и обратившаяся какъ бы въ самую природу, заставляетъ насъ дѣлать такія сужденія, которыя, хотя не заключаютъ въ себѣ ничего ложнаго по ихъ отношенію къ сущности самыхъ вещей, внѣ насъ находящихся, но, между тѣмъ, показываютъ въ ложномъ свѣтѣ ихъ отношенія къ намъ и дѣйствіе ихъ на наши чувства.

Всякій знаетъ, что мы видимъ предметы по тѣмъ изображеніямъ, которыя они производятъ въ глазахъ. Слѣдовательно, мы видимъ ихъ въ себѣ, въ своемъ органѣ, а между тѣмъ воображаемъ, что видимъ ихъ на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ они находятся. Это происхо-

дять отъ привычки, приобрѣтенной въ самыхъ юныхъ лѣтахъ, въ то время, когда ни разсудокъ, ни понятія наши не были развиты. Извѣстно, что дѣти, не привыкшіе еще судить о разстояніи предметовъ, ловятъ рученками отдаленныя вещи у самыхъ глазъ, очевидно принимая глазное изображеніе оныхъ за самую вещь; но послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ они, мало помалу, догадываются о разстояніи вещей и приучаются различать ихъ отдаленность. Въ послѣдствіи это обращается имъ въ самую природу, такъ что взрослый человѣкъ, по впечатлѣнію предмета, такъ быстро судить о его разстояніи, что для него ощущеніе глазнаго изображенія неразрывно сопровождается механическимъ, безсознательнымъ пониманіемъ самага разстоянія предмета. Если къ этому прибавимъ столь же быстрое механическое дѣйствіе воображенія, которое мгновенно переносить, и какъ бы поставляетъ насъ подлѣ видимаго вдали предмета; то легко поймемъ почему мы такъ твердо увѣрены въ томъ, что видимъ предметы на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ они находятся. Эта увѣренность такова, что человѣку не изучившему физики и неумѣющему анализировать свои ощущенія покажется нелѣпостью мысль, что онъ видитъ предметы не тамъ, гдѣ они на самомъ дѣлѣ находятся, а въ себѣ, въ своемъ органѣ. Точно такова сила привычки и во всѣхъ другихъ впечатлѣніяхъ и ощущеніяхъ. Слушая человѣка, играющаго на скрипкѣ, мы воображаемъ, что эти звуки, эта гармонія, эти переделы тоновъ, находятся именно тамъ, подъ его смычкомъ. Намъ и въ голову не приходитъ сколько разстоянія, сколько средъ и измѣненій, должны были пройти волны воздуха, колеблемыя смычкомъ игрока, чтобъ отразиться

въ нашемъ сознаніи въ видѣ звуковъ. Мы и не воображаемъ, говорю, что смычекъ и струны производятъ лишь однѣ механическія явленія, а звуки слышатся въ нашемъ ухѣ, даже и не въ ухѣ, а еще далѣе. Но это заблужденіе, если только это можно назвать заблужденіемъ, происходитъ опять отъ привычки; ибо младенецъ, слыша звуки, сначала не обращаетъ головы въ ту сторону, откуда звуки происходятъ, но только въ послѣдствіи опытъ научаетъ его относить ощущенія звуковъ къ извѣстнымъ причинамъ.

Нюхая розу, мы воображаемъ, что этотъ прекрасный запахъ находится въ самыхъ листьяхъ розы. Вкушая какое-либо сладкое вещество, мы думаемъ, что сладость есть какъ бы составная часть вкушаемаго. Когда укололи руку или ногу, то боль чувствуемъ, по привычкѣ же, въ самомъ мѣстѣ укола. Но, наблюдая надъ дѣтьми, можно замѣтить, что они сначала не умѣютъ опредѣлить, гдѣ имъ бываетъ больно, а только въ послѣдствіи научаются относить боль къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ произошло впечатлѣніе. Словомъ, всѣ наши ощущенія то мы смѣшиваемъ съ физическою причиною, ихъ производящею (напр., звуки съ движеніемъ воздуха), то съ самымъ раздраженіемъ или впечатлѣніемъ органа (напр., боль съ раздраженіемъ отъ укола) (*).

Словомъ сказать, человѣку кажется, что онъ чувствуетъ, такъ сказать, внѣ себя, а на самомъ дѣлѣ онъ

(*) Замѣтимъ здѣсь, что привычка, описанная въ этомъ §, хотя вводитъ въ заблужденіе на счетъ способа нашихъ ощущеній, т. е., заставляетъ насъ думать, что мы чувствуемъ, такъ сказать, внѣ самихъ себя; но она весьма благотворна и даже необходима для жизни нашей, ибо въ слѣдствіе этой привычки мы увѣрены непоколебимо въ бытіи внѣшняго міра и изучаемъ

всѣ внѣшніе предметы ощущаетъ въ себѣ самомъ, т. е. онъ видитъ, слышитъ, чувствуетъ запахъ, боль, теплоту въ себѣ, хотя впечатлѣнія происходятъ отъ внѣшнихъ, дѣйствительныхъ предметовъ.

§ 10.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЕ ФАКТЫ, ДОКАЗЫВАЮЩІЕ ПОЛОЖЕНІЕ ПРЕДЪДУЩАГО §.

Люди, потерявшіе ногу, или руку, въ сознаниі своемъ сохраняютъ ощущеніе цѣлости сихъ членовъ. Такой обманъ встрѣчается не только у тѣхъ, кои потеряли часть руки или ноги, но и всю руку по плечо, и ногу по колѣно (*). Потерявшіе членъ не вполне движутъ имъ на равнѣ съ здоровымъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ это движеніе имѣетъ мѣсто, и въ сознаниі своемъ не отличаютъ, что поврежденный членъ не цѣлъ. Обманъ чувствъ открывается только послѣ бесполезно произведеннаго движенія. Люди, носящіе деревянную ногу, чувствуя свербѣніе въ отрѣзкѣ бедра, чешутъ деревяшку. Ходящіе на деревяшкѣ, хотя чувствуютъ мѣсто, гдѣ остатокъ бедра къ ней прикасается, все таки не могутъ въ сознаниі уничтожить ощущенія цѣлости ноги. Много было случаевъ, что люди объ одной ногѣ, отвязавъ деревяшку, во время занятій, вдругъ вскакивали и падали, и это не

внѣшніе предметы. Слѣдовательно природа устроила мудро, поставивъ насъ въ необходимость пріобрѣтать эту привычку.

(*) Всѣ эти факты, а также большая часть физиологическихъ наблюденій всего перваго отдѣла этой Психологіи, заимствованы изъ физиологіи Г. Жемчужникова, отчасти же изъ физиологіи Валентина.

одинъ разъ, и не отъ забывчивости. Во время занятій такіе люди чувствуютъ, что неполная ихъ нога находится въ томъ же положеніи, какъ и другая здоровая. Многимъ смачивали отрѣзь бедра холодною водою, и они чувствовали, что не бедро, а пальцы ихъ подвержены дѣйствию холодной воды. Обманъ становился еще разительнѣе, когда раздраженіе было направлено на какой нибудь нервъ. Напр., одному придавливали на отрѣзкѣ бедра мѣсто, на которомъ находится извѣстный нервъ, называемый *inchidiacus*, и ему казалось что у него *ходятъ мурашки* сперва въ большемъ пальцѣ ноги, потомъ — въ остальныхъ пальцахъ, далѣе — въ ближайшей части ноги, потомъ — въ подошвѣ, за тѣмъ съ особенною силою — въ пяткѣ, икрѣ и т. д.

Наконецъ, такой обманъ сознанія продолжается у людей, потерявшихъ члены не только въ поздніе, но и самыя ранніе годы, и продолжается во всю жизнь. Поэтому сознаніе цѣлости потеряннаго члена не есть слѣдствіе привычки дѣйствовать двумя членами, а имѣетъ основаніе въ самомъ центрѣ мозга.

Всѣ сіи факты, въ соединеніи съ предложеннымъ выше анализомъ пяти чувствъ, должны окончательно убѣдить насъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что мозгъ есть центръ и вмѣстилище нашихъ ощущеній, что всѣ наши ощущенія происходятъ именно въ немъ; т. е. мы, просто говоря, и видимъ, и слышимъ, и ощущаемъ боль и все въ мозгѣ, а не тамъ, гдѣ мы воображаемъ по привычкѣ. Но есть ли онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, самое чувствующее начало, это мы окончательно увидимъ изъ разсмотрѣнія устройства самаго мозга и нервовъ.

§ 11.

ОПИСАНІЕ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ.

Мозгъ раздѣляется на три главныя части, на *большой, малый и спинной*. Всѣ сіи три части имѣють пунктъ соединенія въ *продолговатомъ мозгѣ*, который находится въ началѣ спиннаго мозга. Если снять съ головы черепъ и другія оболочки, закрывающія мозгъ, и смотрѣть на него сверху; то онъ представляется въ видѣ сѣроватой овальной массы, раздѣленной бороздкою на двѣ части. Если посмотримъ на мозгъ съ затылка; то увидимъ, что изъ подъ этой главной массы выступаетъ новая меньшая масса, покрытая бороздками: это *малый мозгъ*. Спускаясь еще ниже къ отверстію, мы увидимъ, что изъ подъ малаго мозга выходитъ бѣловатый снурокъ и поступаетъ въ позвонки: это *спинной мозгъ*.

Если теперь перевернемъ мозгъ, и посмотримъ на него такимъ образомъ; то оба мозговья полушарія представляются раздѣленными на три уступа. По срединѣ эти полушарія сращены особымъ веществомъ, которому дано имя *мозголистаго*, и которое многіе считали резиденціею души. Если разрѣзать мозгъ около этой спайки, то въ немъ откроются *полости*, называемыя *мозговыми желудочками*. Въ то же время на внутренней его сторонѣ можно отличать болѣе овальное, довольно значительное возвышеніе: это *чертогъ зрительнаго нерва*. Кромѣ сего, есть также нѣсколько и другихъ частей, носящихъ разныя названія, между прочимъ *шлемковатая, кольцеобразная железа*, которая, подъ именемъ *grandula pinealis*, почиталась Геленомъ и Декартомъ ре-

зиденціею души. *Большой мозгъ и спинной* соединяются между собою и съ *малымъ мозгомъ* нѣсколькими связками.

Спинной мозгъ, или такъ называемая *становая жила*, начинается продолговатымъ мозгомъ и идетъ вдоль спины въ видѣ толстой струны, или дерева, обращеннаго вѣтвями внизъ. Чтобы узнать назначеніе отдѣльныхъ частей мозга, ихъ подвергали различнымъ опытамъ. Если спинной мозгъ отдѣлить отъ головнаго; то человекъ теряетъ всякое чувство и всякое движеніе во всѣхъ членахъ, и чѣмъ ближе къ черепу сдѣланъ разрѣзъ, тѣмъ явленіе это будетъ сильнѣе. Если же мы повредимъ или надрѣжемъ спинной мозгъ только на правой сторонѣ; то параличъ обнаружится по всей правой сторонѣ тѣла. Если же повредимъ мозгъ слѣва, тогда вся лѣвая часть тѣла перестанетъ двигаться и чувствовать.

Малѣйшее прикосновеніе къ продолговатому мозгу возбуждаетъ страшныя боли, а поврежденіе внутренней ея стороны производитъ конвульсіи и самую смерть. Между тѣмъ окружность этой части не обнаруживаетъ такихъ явленій. Въ большомъ мозгу нѣкоторыя мѣста обнаруживаютъ чувствительность, а другія нѣтъ.

Тоже самое и касательно движенія. Поврежденія большаго мозга парализируетъ всѣ члены тѣла, лишая ихъ способности двигаться. Если у животнаго вырѣзать одно полушаріе мозга; то половина его тѣла лишится движенія. При вырѣзкѣ половины, или всего малаго мозга, повторяются тѣже явленія, только въ меньшей степени.

Общій выводъ изъ всѣхъ подобныхъ опытовъ слѣдующій:

Продолговатый мозг назначенъ регуляторомъ всѣхъ невольныхъ движеній, а именно біенія сердца, дыханія и проч.

Малый мозгъ есть посредникъ въ дѣлѣ добровольныхъ движеній и положеній тѣла.

Большой мозгъ нижнею своею частію управляетъ двигательными мускулами и конечностями всего тѣла, а оставшая его часть есть мѣсто умственныхъ отправленій.

§ 12.

Устройство нервовъ.

Нервы суть тончайшія нити, которыми центральныя части мозга сообщаются со всѣми, даже самыми отдаленными частями тѣла. Всѣ части и органы тѣла, находясь въ непосредственномъ соприкосновеніи съ наружнымъ міромъ, приводятъ всѣ видимые предметы въ сообщеніе съ мозгомъ посредствомъ сихъ нервовъ. Нервы раздѣляются на два рода: на нервы чувствованія и нервы движенія. Число первоначальныхъ нервныхъ нитей, покрывающихъ всѣ оконечности, всѣ части тѣла, неизмѣрно велико; но всѣ онѣ сходятся въ мозгу, который, кажется, самъ есть ничто иное, какъ соединеніе и окончаніе этихъ самыхъ нитей.

Впечатлѣнія, переходящія отъ органовъ къ нервамъ, сии послѣдніе переносятъ къ мозгу. Это дѣйствіе совершается въ нихъ такъ называемымъ нервнымъ началомъ, чрезъ дрожаніе (*oscillatio*) волнообразно. Эта *oscillatio* дѣлаетъ кругъ въ своемъ движеніи. Раздраженіе,

получаемое въ данномъ мѣстѣ периферіи, переходитъ въ нервной центръ, и изъ него опять въ раздраженный пунктъ; но уже не въ видѣ боли, а въ видѣ движенія. Скорость этого круговаго движенія неимовѣрна и едва измѣрима. Уколъ булавкою пальца ноги сопровождается въ тоже мгновеніе отдергиваніемъ ея, но это движеніе, которое какъ бы сливается съ самымъ уколомъ, на дѣлѣ произошло послѣ того, какъ раздраженіе нерва дошло до мозга и оттуда обратно отразилось въ ногѣ. Впрочемъ нѣкоторые физиологи способъ дѣйствія нервовъ объясняютъ нѣсколько иначе, что увидимъ мы во второмъ отдѣленіи Психологіи.

§ 13.

Самый ли мозгъ должно признать чувствующимъ началомъ?

Безпристрастное соображеніе всего доселѣ сказаннаго заставляетъ насъ признать, что чувствующее начало, или существо, ощущающее свѣтъ, звукъ, запахъ и пр., не есть самый мозгъ. Главное и совершенно достаточное доказательство тому находимъ мы *въ единствѣ и простотѣ нашихъ ощущенийъ*, единствѣ и простотѣ столько противорѣчащихъ сложности мозга и всей нервной системы. Въ самомъ дѣлѣ, хотя наши ощущенія такъ между собою различны, что невозможно, напр., найти никакого сходства между свѣтомъ, звукомъ, запахомъ и пр.; но, между тѣмъ, очевидно до послѣдней степени, что всѣ эти ощущенія принадлежатъ одному, недѣлимому существу. Очевидно, что въ насъ и видеть, и слышать,

и вкушаетъ одно и тоже, а не различныя существа. Но такого единства не было бы въ томъ случаѣ, если бы ощущенія наши были свойствомъ самой мозговой матеріи, или какой нибудь другой жизненной силы; потому что, какъ мозгъ, такъ и всякая матеріальная сила, есть масса, состоящая изъ тысячи частей. Въ мозгъ нѣтъ такого пункта, который бы исключительно обнаруживалъ всѣ роды ощущеній: въ немъ однѣ мѣста чувствительны, другія назначены для движеній, третьи для — умственныхъ отправленій. Есть мѣста, поврежденіе которыхъ лишаетъ человѣка одной способности, напр. памяти. Есть такія мѣста, разстройство которыхъ производитъ ослабленіе другихъ способностей. Гдѣ же въ мозгу это дивное единство нашего сознанія и дѣйствія? Какимъ образомъ эти разныя и безконечно другъ отъ друга удаленныя части мозга могутъ слиться въ единствѣ ощущенія? Мы говоримъ безконечно удаленныя: ибо, въ сравненіи съ простотою ощущеній и мыслей, и малѣйшее разстояніе есть безконечно. Не очевидно ли, что надъ всѣми этими микроскопическими органами мозга господствуетъ какое то невидимое и простое существо, которое воспринимаетъ всѣ ихъ перемѣны въ видѣ ощущеній?

§ 14.

Возраженіе.

Но, скажутъ, мозгъ еще не изслѣдованъ окончательно: быть можетъ, въ немъ есть такой пунктъ, гдѣ сосредоточиваются окончательно всѣ нервы, и гдѣ слѣдовательно могутъ происходить всѣ ощущенія.

Предположимъ, что въ мозгѣ въ самомъ дѣлѣ есть такое мѣсто или пунктъ, гдѣ сосредоточиваются всѣ впечатлѣнія. Но это мѣсто, этотъ пунктъ, есть ли часть мозга, состоящая изъ нѣсколькихъ другихъ меньшихъ частей, или одинъ нераздѣльный атомъ мозга. Если онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, положимъ изъ 10-ти, то возникаетъ вопросъ: что составляетъ единство этихъ 10-ти частицъ? Какъ онѣ могутъ чувствовать столь согласно? И каждая ли изъ этихъ 10-ти частицъ ощущаетъ свѣтъ и звуки (что составить по 10-ти, такъ сказать, звуковъ и запаховъ), или всѣ онѣ вмѣстѣ ощущаютъ и сознаютъ одинъ звукъ? Словомъ, при этомъ предположеніи, единство душевной дѣятельности дѣлается не изъяснимымъ. Если же предположимъ, что этотъ пунктъ состоитъ изъ одного нераздѣльнаго атома, тогда это уже не будетъ мозгъ: ибо всякая малѣйшая частица мозга есть, какъ ниже увидимъ, тѣло химически сложное изъ нѣсколькихъ простыхъ атомовъ, кои до своего химическаго соединенія не похожи на мозгъ. Такимъ образомъ выйдеть, что, для объясненія ощущеній, мы невольно должны допустить существованіе чего-то, совершенно не похожаго на мозгъ. Но что такое собственно атомы? Это суть первоначальныя частицы матеріи, изъ химическаго соединенія которыхъ составлены всѣ тѣла. Но извѣстно, что эти атомы суть тоже матерія, съ тѣми же существенными свойствами. По этому совершенно невозможно допустить бытіе одного какого либо атома существенно не похожаго на всѣ другіе. Первоначальныя же атомы отличаются другъ отъ друга только фигурою и вѣсомъ, а во всемъ прочемъ они однообразны.

Химическій же составъ мозга есть бѣлокъ, фосфоръ, жиръ и еще нѣсколько другихъ частей. Никто не скажетъ, чтобъ бѣлокъ, фосфоръ и жиръ обладали способностью ощущенія и произвольнаго движенія. Но какое есть основаніе думать, чтобъ химическое ихъ соединеніе, образующее мозгъ, придало имъ это новое и чуждое имъ свойство? Что такое химическое соединеніе? Это такое явленіе, когда нѣсколько простыхъ тѣлъ, соединяясь въ извѣстныхъ пропорціяхъ, образуютъ новое тѣло. Какія измѣненія происходятъ при химическихъ соединеніяхъ? Измѣненія наружныя, напр. новый видъ, новая плотность, нѣкоторыя новыя химическія или физическія свойства, но допускать, чтобъ фосфоръ, бѣлокъ и жиръ при химическомъ соединеніи до такой степени измѣнились, что бы получили способность ощущать и произвольно двигать члены — это нелѣпо. Словомъ, какое мы ни сдѣлали бы предположеніе для доказательства того, что ощущеніе принадлежитъ мозгу, или какому либо другому матеріальному началу, всегда будемъ встрѣчать тысячи противорѣчій. Остается допустить, что ощущеніе принадлежитъ какому-то невидимому, непохожему ни на мозгъ, ни на какое другое тѣло, существу.

§ 15.

Въ чемъ состоитъ ощущающее начало?

Выше было сказано, что въ слѣдствіе привычки мы думаемъ, будто видимъ предметы именно тамъ, гдѣ они стоятъ, слышимъ звуки именно тамъ, гдѣ произошло движеніе воздуха, полагаемъ будто запахъ находится въ

самыхъ предметахъ, а боль ощущается тамъ, гдѣ произошло раздраженіе; но что собственно эти ощущенія происходятъ, какъ научаетъ насъ физиологія, со всѣмъ иначе. Для уразумѣнія души величайшую важность имѣть строгій анализъ нашихъ ощущеній, строгое отдѣленіе причины ихъ производящей отъ впечатлѣній ими производимыхъ, а впечатлѣній — отъ самыхъ ощущеній. Постараемся же еще разъ повторить вкратцѣ предыдущій анализъ чувствъ.

Зрѣніе. Физическая причина его — лучи свѣта, исходящіе отъ предметовъ. Физиологическая его причина — оптическое изображеніе, которое эти лучи составляютъ въ глазу. Это оптическое изображеніе есть впечатлѣніе, или раздраженіе, переходящее, при помощи нерва, въ мозгъ; но мы сей часъ видѣли, что и мозгъ неспособенъ имѣть ощущенія, — что же происходитъ въ мозгу? — Вѣроятно такое же раздраженіе или впечатлѣніе, какъ и въ начальныхъ органахъ: гдѣ же находится зрѣніе т. е. ощущеніе цвѣтовъ, фигуръ, величинъ и пр.? Такихъ ощущеній ни въ мозгу, ни въ нервахъ, ни въ глазу нѣтъ. Слѣдовательно это ощущеніе не есть явленіе ни физическое, ни физиологическое: *оно есть духовное явленіе.*

Слухъ. Столкновеніе тѣлъ производитъ волнообразное движеніе воздуха — это физическая причина звуковъ. Волнообразное движеніе воздуха воспроизводится въ органѣ слуха также въ видѣ движенія и раздраженія. Слышательный нервъ передаетъ это раздраженіе или впечатлѣніе мозгу, въ которомъ должно происходить также нѣкоторое впечатлѣніе или раздраженіе мозговыхъ пузырьковъ. Мы не знаемъ такое же ли это раздраженіе, какъ раздраженіе отъ впечатлѣній зрѣнія; не знаемъ въ чемъ

состоить собственно сходство и различіе этихъ обоихъ раздраженій или впечатлѣній, незнаемъ также сходства и различія впечатлѣній и другихъ органовъ, но очевидно, что всѣ онѣ суть нѣкотораго рода движенія, или перемѣны органовъ и нервовъ. Итакъ звукъ — *явленіе міра духовнаго*.

Къ тѣмъ же самымъ слѣдствіямъ приводитъ насъ разборъ другихъ ощущеній. Слѣдовательно существо, имѣющее способность ощущать, — есть духовная, не матеріальная субстанція.

Но скажутъ: эти самыя раздраженія мозга и суть ощущенія наши, а именно: раздраженіе мозга, происходящее отъ впечатлѣній, доставляемыхъ зрительнымъ нервомъ, есть ощущеніе зрѣнія, раздраженіе отъ впечатлѣній слуховаго органа есть самое ощущеніе звука и пр. Но нѣтъ никакого основанія допустить подобное смѣшеніе раздраженія съ самымъ ощущеніемъ. Весь предъидущій анализъ показалъ намъ, что первое есть дѣйствіе механическое, а второе не имѣетъ въ себѣ ничего похожаго на механическое движеніе; но при томъ, допустивъ это предположеніе, мы не могли бы объяснить единства нашихъ ощущеній, единства, которое разительно убѣждаетъ насъ, что не мозгъ есть ощущающее начало. Мы знаемъ наконецъ, и это всего важнѣе, что существо чувствующее дѣлаетъ изъ своихъ ощущеній свободное употребленіе, сравнивая ихъ между собою и дѣлая сужденія и умозаключенія, чего нельзя было бы дѣлать изъ чисто механическихъ раздраженій.

Предположенныя доселѣ доказательства еще болѣе усиливаются разсмотрѣніемъ свободнаго движенія.

В. О ДВИЖЕНИИ.

§ 16.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ГЛАВНЫХЪ ДВИГАТЕЛЬНЫХЪ ОРГАНОВЪ.

Всѣ органы движенія человѣка подчинены чистымъ механическимъ законамъ. Аппаратъ для движенія человѣка состоитъ : а) изъ множества разнообразно устроенныхъ и премудро-принаровленныхъ къ цѣлямъ рычаговъ, — *костей*, и б) веревокъ, которыми эти рычаги приводятся въ движеніе, и которыя называются *мускулами*. Завѣдываніе движеніемъ мускуловъ принадлежитъ нервамъ двигательнымъ.

Всѣ кости животнаго, взятыя вмѣстѣ, составляютъ *скелетъ*, или, правильнѣе, *остовъ*. Остовъ, какъ механическій приборъ составляетъ одно цѣлое, но разсматриваемый по частямъ, обнаруживаетъ многоразличныя принаровленія къ потребностямъ животной жизни. Такимъ образомъ онъ: а) служитъ стойкою, штафивомъ для организма, или, просто, вѣшалкою для мускуловъ, которые по ней протянуты и прикрѣплены въ различныхъ направленіяхъ, а сверху покрыты одною, общею кожею; б) образуютъ твердую защиту для главныхъ частей нервной системы, головной черепъ, напр. — для мозга и наконецъ с) составляютъ страдательный приборъ для движенія.

Мускулы составляютъ въ организмѣ то, что мы называемъ *мясомъ*. Мускулы, какъ мы сказали, служатъ дви-

гающею силою для рычаговъ — костей. Точками опоры для этихъ рычаговъ служатъ пункты прикрѣпленія мускуловъ; точками тяжести, или сопротивленія, — поднимаемый, наклоняемый и загибаемый пунктъ органа.

§ 17.

Зависимость движенія отъ мозга.

Всѣ члены нашего тѣла находятся въ строгой зависимости отъ головоспиннаго мозга, который управляетъ ими посредствомъ двигательныхъ нервовъ. Мы знаемъ, какъ легко и почти безсознательно двигаются всѣ наши члены; мы такъ привыкли двигаться, что воображаемъ, что рука наша сама въ себѣ заключаетъ двигающую силу, что нога двигается сама собою, и всѣ вообще члены въ себѣ заключаютъ свое движеніе, но источникъ ихъ движенія, толчекъ ихъ двигающій, выходитъ изъ мозга. Доказательствомъ тому служитъ то, что если отдѣлить какой либо членъ отъ мозга, перерѣзавъ двигательный нервъ, соединяющій его съ мозгомъ, то членъ этотъ перестаетъ двигаться.

Но физиологія научаетъ насъ, что мозгъ не одною своею частию управляетъ всѣми движеніями тѣла. Разные пункты мозга завѣдываютъ движеніями разныхъ органовъ. Поврежденіе правой стороны спиннаго мозга, какъ мы сказали еще прежде, производитъ параличъ на всей правой сторонѣ тѣла, а поврежденіе лѣвой стороны его парализируетъ лѣвую часть организма.

Если у животнаго вырѣзать совсѣмъ одно полушаріе большаго мозга, то за тѣмъ послѣдуетъ параличъ на про-

тивоположной сторонѣ тѣла. Тоже самое бываетъ и по вырѣзкѣ половины малаго мозга. Продолговатый мозгъ, какъ пунктъ соединенія всѣхъ частей мозгового центра, обнаруживаетъ тѣже явленія, только въ высшей степени. Поврежденіе одной половины его, съ нижняго конца, влечетъ за собою страшную боль и совершенный параличъ одной половины тѣла; перерѣзка всего продолговатаго мозга имѣетъ слѣдствіемъ быструю смерть.

§ 18

Гдѣ находится двигающее начало?

И такъ здѣсь, какъ и при разборѣ ощущеній, мы дошли до мозга, какъ источника, изъ котораго истекаетъ всякое движеніе человѣческаго организма. Но самый ли мозгъ производитъ свободныя движенія, или есть еще особое невидимое начало, которое чрезъ мозгъ общаетъ толчекъ тѣлу. Всѣ факты и соображенія убѣждаютъ, что мозгъ есть только посредствующій органъ въ движеніяхъ, первоначальный же источникъ, или первоначальная двигающая сила заключается не въ немъ, а въ особомъ невидимомъ существѣ. Доказательства тому слѣдующія:

1. Очевидно, что *двигающее* начало въ человѣкѣ тождественно съ *чувствующимъ*. Чувствованія и движенія имѣютъ въ насъ неразрывную связь. Внутреннее сознаніе увѣряетъ насъ, что члены наши двигаетъ тоже существо, которое получаетъ ощущенія. Въ человѣкѣ то ощущенія бываютъ причиною движеній, то нѣкоторыя движенія производятъ нѣкоторыя особыя ощущение.

нія. Когда я отдернулъ ногу, почувствовавъ въ ней боль, то очевидно, что это движеніе произвело тоже самое существо, которое почувствовало боль, оттого-то между этими двумя явленіями, т. е. болью и движеніемъ ноги, проходитъ столь малое время, что онѣ кажутся единовременными. Но если движущее начало тождественно съ ощущающимъ, то очевидно, что оно заключается не въ мозгу, ибо мы прежде доказали, что ощущающее начало не есть мозгъ.

2. Во всѣхъ тѣлесныхъ движеніяхъ нашихъ, не смотря на ихъ множество и разнообразіе, заключается удивительное единство и согласіе, что было бы невозможно; если бы движенія не имѣли другаго источника, кромѣ мозга. Мы видѣли, что движеніями тѣла завѣдываетъ не одинъ пунктъ мозга, а нѣсколько; что поврежденіе одной стороны большаго, или малаго или продолговатаго мозга, производитъ параличъ въ одной половинѣ тѣла, а поврежденіе другой стороны ихъ лишаетъ движенія другую часть тѣла. Но что приводитъ въ согласіе эти части мозга? Очевидно, что не сами онѣ взаимно себя согласуютъ, а есть какое то, особое невидимое существо, которое чрезъ нихъ согласно движетъ всѣми членами. Зададимъ себѣ слѣдующій простой вопросъ: одно ли и тоже существо двигаетъ наши правую и лѣвую руки? Сознаніе, внутреннее ощущеніе отвѣчаетъ намъ, что одно и тоже; но если мы, кромѣ мозга, не допустимъ особаго невещественнаго начала, то выйдетъ, что лѣвую руку двигаетъ одно существо, а правую — другое.

3. Наконецъ неоспоримѣ всего убѣждаетъ насъ въ невещественности и духовности двигающаго начала разумность и намѣренность нашихъ движеній. Движенія

членовъ человѣческаго тѣла тѣмъ отличаются отъ движеній всѣхъ прочихъ безжизненныхъ матерій, что здѣсь каждый членъ двигается съ намѣреніемъ, разсчитанно, слѣдовательно ихъ двигаетъ не слѣпая какая либо сила, а разумная. Поэтому надобно поневолѣ допустить, что источникъ движенія ихъ есть сила разумная, невидимая, духовная.

§ 19.

О тождествѣ ощущающаго и мыслящаго начала.

Еще болѣе убѣждаемся мы въ невозможности того, чтобъ мозгъ былъ способенъ къ ощущеніямъ, когда подумаемъ, что ощущенія наши суть зародыши мыслей и разсужденій, что существо ощущающее есть вмѣстѣ съ тѣмъ и мыслящее, что ощущеніе, мышленіе и сознаніе происходятъ въ одномъ и томъ же нераздѣльномъ существѣ. Не нужно много усилій къ тому, чтобы доказать тождество мыслящаго существа съ ощущающимъ. Наше сознаніе, наше внутреннее чувство, увѣряютъ насъ въ томъ; но еслибъ мы, не довѣряя нашему чувству, вздумали отдѣлить ощущенія отъ мыслей и приписать ихъ двумъ разнымъ субстанціямъ, то впади бы въ самое нелѣпое противорѣчіе. Это значило бы расщѣпить самую мысль на двѣ части: тогда бы выходило такъ, что предметы внѣшніе видитъ одно существо, а судить о нихъ совершенно другое. Но повторяемъ, это нелѣпо до послѣдней степени; ибо видѣть человѣка, слышать его рѣчь, значить уже судить о немъ. Здѣсь ощущеніе и сужденіе неразрывны между собою. Но

если мыслящее начало одно и тоже съ ощущающимъ, то допуская, что мозгъ имѣеть возможность ощущать, надобно признать и то, что онъ можетъ и мыслить. Вотъ на этомъ-то именно основывались многіе матеріалисты, когда отвергали въ насъ бытіе нематеріальной души; но если мы до сихъ поръ умѣли, какъ кажется, неоспоримо доказать, что мозгъ не можетъ ощущать, то еще легче и неоспоримѣ можно доказать, что онъ тѣмъ менѣе въ состояніи мыслить. Все то, что было сказано выше въ доказательство невозможности приписать мозгу способность ощущеній, приобретаетъ двойную и тройную силу, будучи сказано для доказательства того, что мозгъ не можетъ мыслить. Посему нѣтъ нужды, какъ намъ кажется, усиливаться доказать, что мозгъ и вообще матерія не въ состояніи мыслить. Мы питаемъ убѣжденіе, что при нынѣшнемъ развитіи естественныхъ наукъ и при тѣхъ опытахъ, какими теперь обогатилась физиологія, не будетъ уже повторяться заблужденіе, которое было возможно только при недостаточномъ ихъ развитіи, и въ этой мысли утверждаетъ насъ свидѣтельство знамени- таго Либиха, патріарха нынѣшняго естествовѣденія.

§ 20.¹⁾

Свидѣтельство Либиха (*).

Либихъ въ своей первой лекціи, сказанной въ Мюнхенскомъ Университетѣ, 1856 года, торжественно призналъ самобытность духовнаго надъ вещественнымъ въ

(*) Смотри Журналь «Русскій Вѣстникъ» за 1856 годъ, № 4-й. Смѣсь.

органическихъ существахъ. Въ словахъ знаменитаго ученаго мы увидимъ также и подтвержденіе всего, что было сказано доселѣ объ ощущеніяхъ нашихъ. Вотъ его слова: »Эти диллетанты (такъ называется Германскій ученый людей поверхностныхъ, занимающихся наукою мимоходомъ, для удовольствія), эти младенцы въ знаніи законовъ природы хотятъ убѣдить несвѣдущую и легко-вѣрную публику въ томъ, что они могутъ дать ей ясное понятіе объ образованіи въ насъ мыслей, о сущности и свойствахъ нашего духа. Духовный человѣкъ, по ихъ словамъ, есть только произведеніе своихъ чувствъ. Мозгъ однимъ вещественнымъ измѣненіемъ порождаетъ мысли, и его отношеніе къ нимъ такое-же, въ какомъ печень находится къ желчи. Какъ съ печенюю уничтожается желчь, такъ будто бы погибаетъ и духъ нашъ, съ разрушеніемъ мозга.«

Разоблачите выводы этихъ господъ отъ ихъ мишурныхъ блестокъ, которыя въ глазахъ серьезныхъ изслѣдователей не болѣе, какъ освѣщенный туманъ, и останется только то, что ноги даны человѣку для бѣганья, а мозгъ для мышленія, и что мышленію надобно учиться подобно тому, какъ дѣти учатся бѣганью; что безъ ногъ нельзя бѣгать, а безъ мозга — мыслить; что поврежденіе орудій движенія мѣшаетъ ходьбѣ, а поврежденіе орудій мысли измѣняетъ самое мышленіе. Но вѣдь мясо и кости, изъ которыхъ составлены ноги, сами собою не движутся, — ихъ двигаетъ причина, которая не есть ни мясо, ни кости; онѣ — только орудія силы; мыслить не мякоть, называемая мозгомъ, — она только орудіе причины, порождающей мысль. Мозгъ есть единственный внутренній органъ, на который человѣ-

ческая воля дѣйствуетъ непосредственно. Ни на движенія сердца, ни на дѣятельность желудка воля не имѣетъ прямого вліянія, но кстаті данная пощечина дѣйствуетъ даже подъ часъ и на уразумѣніе математической аксіомы. Не глазъ видитъ свѣтъ или тѣла, не ухо слышитъ музыку: они только орудія къ воспріятію волнъ свѣта и звука.

»Диллетанты утверждаютъ, что мысли суть произведенія перемѣнъ мозгового вещества, какъ желчь есть произведеніе вещественныхъ измѣненій печени.«

Но настоящая физиологія до сихъ поръ еще ничего не знаетъ объ отношеніяхъ желчи, какъ отложенія, къ вещественному измѣненію печени, какъ органа отложенія, а все, что выслѣдовано здѣсь химіей, доказываетъ, что стихійныя начала желчи не находятся ни въ какомъ отношеніи къ стихійнымъ началамъ печени. Духовный человѣкъ не есть произведеніе своихъ чувствъ, но дѣйствія чувствъ суть произведенія разумной воли человѣка.«

»Мы знаемъ, что измѣненіе вещества сообщаетъ силу паровой машинѣ. Дерево, угли сгораютъ или измѣняютъ свои первоначальныя свойства при соединеніи съ кислородомъ. Въ слѣдствіе этого сгаранія является теплота, превращающая воду въ пары, которые, производя давленіе на стѣны котла, приводятъ машину въ движеніе. Чрезъ измѣненіе вещества въ гальваническомъ столбѣ, чрезъ раствореніе металла въ кислотѣ, возникаетъ токъ электричества; проведите его въ металлическую проволоку, она сдѣлается магнитомъ; магнитъ имѣетъ свойство притяженія, которое, будучи превращено въ давленіе, тянетъ машину. Посему можно дога-

дываться, что и въ тѣлѣ животныхъ механическая сила, обусловливая произвольныя движенія членовъ, находится въ связи съ измѣненіемъ вещества, и именно въ мышечной системѣ, но самое отношеніе ихъ между собою намъ еще совершенно не извѣстно.»

»Одно только мы знаемъ положительно, что сила въ организмѣ возникаетъ не такъ, какъ въ паровой машинѣ, и ее нельзя объяснить изъ извѣстныхъ намъ законовъ электричества. Мы знаемъ, что измѣненіе вещества совершается во всѣхъ частяхъ тѣла, что трата механической силы имѣетъ вліяніе на всѣ орудія, на цѣлый механизмъ тѣла, что воля утомленнаго бѣгомъ или тяжкою работою человѣка теряетъ часть своей мощи надъ орудіемъ мышленія, мозгомъ; но объ измѣненіи мозгового вещества, будто бы раждающемъ мысли, естествознаніе ровно ничего не вѣдаетъ. Все, что мы знаемъ по этой части, сводится къ одной дюжинной истинѣ, что голова безъ мозга не могла бы ни думать, ни чувствовать.»

»Исслѣдователи, которые дѣйствительно желали изучить законы органической жизни, естественно обращали свое вниманіе на подмѣченныя въ ней химическія и физическія силы, какъ на предметъ знакомый имъ и изъ другихъ явленій. Они на время оставили въ сторонѣ вопросъ о жизненной силѣ съ цѣлю изслѣдовать, на сколько физика и химія способны объяснить жизнь и ея процессы; но тамъ, гдѣ это оказывалось недостаточнымъ, вездѣ являлось дѣйствіе новаго еще неизвѣстнаго начала, котораго объемъ и сущность старались тутъ же опредѣлить. Эта метода временнаго исключенія была многимъ неизвѣстна, многими непонята, и вотъ отъ че-

го многіе думали, будто естествоиспытатели отвергаютъ самобытность органической жизни, между тѣмъ какъ они старались только уяснить химическія и физическія условія этой жизни.»

»Но, чтобъ не быть несправедливымъ даже и къ проповѣдникамъ матеріализма, надобно сообразить, что взгляды ихъ въ сущности только крайніе результаты той реакціи, которую возбудили противъ себя различныя ученія, бывшія въ ходу еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Физиологія, построенная на выводахъ, такъ называемой, »философіи природы«, не имѣла въ основаніи своемъ точныхъ изслѣдованій, надежныхъ указаній опыта; всѣ процессы питанія, дыханія, движенія, объяснялись въ ней одною воображаемою причиною, которую называли жизненною силою; въ органическомъ тѣлѣ, полагали тогда, химическія и физическія силы нисколько не участвуютъ; тѣло само въ себѣ и по-своему порождаетъ и потребное ему желѣзо и теплоту. Точныя изслѣдованія доказали, что всѣ силы вещества принимаютъ дѣйствительное участіе въ органическомъ процессѣ, а крайняя реакція утверждаетъ теперь въ противоположность прежнему взгляду, что одними только химическими и физическими силами обуславливаются всѣ жизненныя явленія, что вообще нѣтъ ни какой другой силы въ тѣлѣ. Но какъ прежде натуральные философы не въ состояніи были доказать, что все производится одною ихъ жизненною силою, такъ и новѣйшіе матеріалисты не могутъ доказать, что все производится лишь не органическими силами и что достаточно ихъ однѣхъ для порожденія организма и самаго даже духа. Всѣ ихъ положенія основываются не на знаніи, а какъ и прежде,

на совершенномъ незнаніи дѣла. Истина же лежитъ въ срединѣ: чуждаясь односторонности, она признаетъ въ органической жизни образовательное начало, господствующую идею, которая проявляется не только вмѣстѣ съ химическими и физическими силами, но дѣйствуетъ и въ нихъ самихъ.»

Таковъ произнесенный устами великаго химика окончательный выводъ современной науки.

§ 21.

Замѣчаніе о трехчастномъ составѣ челоуѣка.

Прежде чѣмъ приведемъ еще другое свидѣтельство изъ физиологіи нашего отечественнаго ученаго, остановимся минуту на замѣчаніи Либиха о жизненной силѣ, которою въ XVIII столѣтіи объясняли всѣ отправления организма. Эта пресловутая жизненная сила имѣла и доселѣ продолжаетъ имѣть вліяніе на пишущихъ и учащихъ Психологію. До сихъ поръ во многихъ Психологіяхъ встрѣчается мысль, что челоуѣкъ состоитъ изъ трехъ началъ или существъ, а именно: тѣла, души и духа. Но подобное мнѣніе очевидно не можетъ быть допущено.

Причина, почему многіе вводили въ Психологію это среднее существо, или, лучше, раздробляли духовное начало челоуѣка на двѣ части, на душу и духъ, была, кажется, та, чтобы легче объяснить соединеніе въ челоуѣкѣ духовнаго и тѣлеснаго начала, между которыми душа, по мнѣнію ихъ, есть какъ бы посредствующее звѣно. Но этою хитрою теоріею не только не объяснили таинства природы, таинства никогда не объяснимаго,

но еще болѣе его запутали : ибо если прежде непонятно было какъ соединяются душа и тѣло между собою, то съ изобрѣтеніемъ новой теоріи, къ тому еще прибавилось другое затрудненіе — объяснить способъ соединенія души сначала съ тѣломъ, а потомъ съ духомъ.

Нѣтъ нужды доказывать невозможность этаго тройственнаго состава человѣка, но что сказать о тѣхъ Психологахъ, кои придумываютъ еще болѣе странныя дѣленія человѣка и толкуютъ о душѣ въ обширномъ значеніи, о душѣ въ тѣсномъ смыслѣ и о духѣ? Это уже болѣе чѣмъ смѣшно.

§ 22.

Слова изъ физиологіи Г-на Жемчужникова (*).

»Мы уже знаемъ, что тѣло животное отличается чувствованіемъ и движеніемъ, и что толчокъ, возбуждающій движеніе, сообщается нервами. Теперь спрашивается, что такое дѣйствуетъ въ нервахъ? Какимъ образомъ черезъ нихъ можно дѣйствовать и двигаться?»

»Ни одинъ нервъ, взятый отдѣльно отъ своего центра, не имѣетъ ни самостоятельной жизни, ни самостоятельной дѣятельности. Правда, въ первыя мгновенія, по отсѣченіи, обнаруживаетъ и то и другое, но послѣдующее омертвеніе ясно показываетъ, что въ немъ истощился запасъ того начала, которое оживляло и приводило его въ дѣятельность, и что оно само собою не можетъ вознаградить этого начала. Какое же это начало? Какъ

(*) Физиологія и Анатомія соч. Жемчужникова.

оно даетъ жизнь нервамъ и какъ возбуждаетъ ихъ къ дѣятельности.«

»Начало, оживляющее нервы и возбуждающее ихъ дѣятельность, не подлежитъ нашимъ чувствамъ : мы видимъ только вліяніе его на нервы, знаемъ, что безъ него нервы представляютъ мертвый механическій приборъ, машину безъ движущей силы.«

» На этомъ физиологія останавливается. Она приводитъ насъ путемъ опыта къ убѣжденію въ присутствіи въ нашемъ тѣлѣ души; раскрываетъ ея вліяніе въ частностяхъ отправленій нервной системы; но что такое душа сама въ себѣ? Этотъ вопросъ внѣ круга задачъ, рѣшеніемъ которыхъ физиологія занимается.«

§ 23.

Что такое жизнь?

Разсмотримъ здѣсь нѣкоторыя возраженія противу нашего способа воззрѣній. Изъ нихъ главное заключается въ томъ понятіи, какое многіе имѣютъ о жизни. Ни одно слово не играетъ такую важную роль въ естествознаніи и въ самой философіи, какъ слово жизнь. Понятіе, заключенное въ этомъ словѣ, до крайности не опредѣленно. Иногда ему приписываютъ многія, совершенно противоположныя значенія; но чаще всего оно, въ устахъ людей, не привыкшихъ отдавать себѣ отчета въ своихъ словахъ, означаетъ какую-то таинственную силу, коею старались объяснить все непонятное и темное въ бытіи существъ растительнаго и животнаго царства.

Растенія отъ многихъ почитаются живыми существа-

ми, и потому многіе допускали жизнь растительную, жизнь растеній и проч.

Но если основываться на томъ только, что до сихъ поръ извѣстно о возрастаніи, питаніи и вообще о бытіи растительныхъ существъ; то жизнь растительная есть ничто иное, какъ дѣйствіе однѣхъ только химико-механическихъ силъ. Это подтверждается тѣмъ, что всѣ явленія внутри растеній совершенно удовлетворительно объяснены одними химическими и механическими законами. Но приверженцы таинственныхъ силъ хотятъ допускать въ растеніяхъ нѣчто болѣе и выше, чѣмъ простыя механическія движенія, и въ подтвержденіе приводятъ нѣсколько явленій, будто бы доказывающихъ, что въ нихъ есть чувствительность и произвольное движеніе. Къ такимъ явленіямъ принадлежитъ движеніе нѣкоторыхъ растеній въ ту сторону, откуда идетъ къ нимъ свѣтъ, напр. луковицы въ темномъ подвалѣ пускаютъ отпрыски въ сторону свѣта, подсолнечникъ обращаетъ головку къ солнцу, многіе цвѣты закрываются вечеромъ и открываются днемъ и проч., но подобныя явленія не выходятъ изъ круга механическихъ силъ. Очевидно, что въ представленныхъ примѣрахъ дѣйствуетъ простое притяженіе солнечнаго свѣта, которое имѣетъ величайшее вліяніе на растительность. Вообще болѣе опытные испытатели природы никогда не допускали въ растеніяхъ ничего похожего на ощущеніе и произвольное движеніе.

Переходя отъ растеній къ животнымъ, многіе полагали, что чувствительность и произвольное движеніе въ сихъ послѣднихъ есть слѣдствіе какой-то органической жизни, или той особенной силы, которая, не будучи духовною, есть результатъ органической формы развитія

матеріи. Доказательство тому находили во многихъ явленіяхъ животнаго царства.

Если бы въ природѣ существовали одни высшіе классы животныхъ, имѣющихъ всѣ органы и всѣ признаки животной жизни, то не было бы никакихъ недоумѣній и споровъ касательно основнаго начала ихъ жизни; но въ ней встрѣчаются такія животныя, формы которыхъ, образъ жизни, способъ размноженія, питанія и прочія свойства, по видимому противорѣчатъ всѣмъ нашимъ понятіямъ о началѣ ощущеній и произвольныхъ движеній. Въ самомъ дѣлѣ нельзя не согласиться, что странныя явленія въ нѣкоторыхъ родахъ животныхъ могутъ привести мыслящаго человѣка въ недоумѣніе. Въ природѣ встрѣчаются существа, о которыхъ трудно сказать животныя ли они, или растенія: таковы, напримѣръ, зоофиты. Но это еще не важно. Многіе виды этихъ существъ представляютъ весьма странныя явленія, напр. если у полипа отрѣзать голову, у ней вырастаетъ другая, если гидру разрѣзать на нѣсколько частей, то изъ каждой части образуется новая гидра, мало того, есть особый видъ полиповъ, который можно искрошить на мелкія части и изъ каждой части снова произойдутъ новыя животныя подобныя прежнимъ. Наконецъ, при объясненіи жизни подобныхъ существъ, и то уже составляетъ величайшее затрудненіе, что въ нихъ не отыскали никакихъ орудій или органовъ для ощущеній и произвольнаго движенія, а между тѣмъ въ нихъ существуетъ движеніе, и какъ будто замѣтили, также, ощущенія. Эти самыя явленія и были причиною, которая заставила многихъ думать что ощущеніе и движеніе можетъ быть принадлежностію органической матеріальной массы. Не ста-

немъ отвергать важности подобныхъ возраженій, не станемъ также придумывать никакой гипотезы для согласенія ихъ съ нашими прежними положеніями, хотя попытка можетъ быть болѣе чѣмъ умѣстна, судя потому, какъ мало вообще извѣстно объ упомянутыхъ животныхъ. Но смѣло и съ полною увѣренностію на согласіе всѣхъ безпристрастныхъ умовъ скажемъ, что нѣтъ никакого благоразумія и послѣдовательности основать какіе либо психологическіе выводы на явленіяхъ столь загадочныхъ. Судить объ основныхъ свойствахъ жизни можно лишь на основаніи изученія тѣхъ животныхъ, кои достигли до извѣстнаго развитія и выказали всѣ свои принадлежности; но нѣтъ возможности узнать что либо вѣрное при изученіи такихъ существъ, которыя находятся какъ бы въ зародышѣ. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли основать какія либо сужденія на способѣ бытія такихъ существъ, о которыхъ еще не рѣшили, животныя ли онѣ, или растенія? Конечно нѣтъ! Истинныхъ свойствъ жизни надобно искать тамъ, гдѣ она вполнѣ развилась, а не тамъ, гдѣ она только зараждается. При изученіи особей неразвитыхъ, представляющихъ только *зачатки* животнаго, мы можемъ впасть во многія погрѣшности, что и оправдывается исторіею развитія естествознанія. Извѣстно, что многія мнѣнія, считавшіяся прежде истинными и протіворѣчившія основнымъ положеніямъ науки, напр. мысль о возможности зараженія животныхъ и растеній безъ сѣмени, вполнѣ опровергнуты послѣдующими открытіями.

И такъ, судя по всему, жизнь состоитъ лишь въ ощущеніи и произвольномъ движеніи и она никакимъ образомъ не можетъ быть принадлежностію собственно ма-

теріи. Гдѣ есть эти два признака, тамъ неизбѣжно должно предполагать присутствіе нематеріальнаго, духовнаго начала.

§ 24.

Имѣютъ ли животныя душу?

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что одно изъ величайшихъ заблужденій философовъ состояло именно въ томъ, что они часто отвергали бытіе души въ животныхъ. Одни, именно матеріалисты, съ намѣреніемъ старались поддерживать ту мысль, что животныя не имѣютъ души, а только жизнь или жизненную силу, которая есть свойство органической формы, одаренной чувствительностію. Цѣль ихъ была очевидна. Если существа, которыя не имѣютъ души, говорили они, при помощи одного дара ощущеній достигаютъ до понятливости изумительной и до соображеній, а во многихъ случаяхъ обнаруживаютъ даже силу умозаключенія (ибо изъ однихъ явленій заключаютъ о бытіи другихъ явленій): то человѣкъ, имѣя кромѣ этой силы ощущеній даръ слова, не нуждается уже въ какой-то нематеріальной душѣ. Но очевидно, что существенная ихъ ошибка состояла въ мысли, что матерія можетъ имѣть ощущенія. Другіе, напротивъ того, отнимали душу у животныхъ изъ опасенія унижить человѣка. Но здѣсь также является ложное сужденіе и предположеніе. Въ самомъ дѣлѣ, какое есть для человѣка униженіе допускать душу въ животныхъ?

Если въ мірѣ матеріальномъ мы видимъ предметы разительно несходные по совершенствамъ, напр. про-

стой камень и бриліантъ : то въ мірѣ духовномъ тѣмъ естественнѣе надобно предполагать многоразличныя степени.

Душа, какъ существо способное къ усовершенствованію, можетъ имѣть въ тысячу разъ болѣе степеней по своей сущности и совершенствамъ чѣмъ матерія. Душа животныхъ столько же ниже души человѣческой, сколько простой, дикій камень, ниже бриліанта. Если считали унизительнымъ для человѣка допустить душу въ животныхъ : то удивляюсь, почему за одно не стали доказывать и того, что животныя ничего не слышатъ, не видятъ, не понимаютъ, не имѣютъ памяти, привязанности, вѣрности и пр., ибо во всѣхъ сихъ случаяхъ они еще болѣе сходны съ людьми. Нѣтъ! не въ томъ состоитъ отличіе и достоинство человѣка, что онъ больше знаетъ нежели животныя, или имѣетъ душу нематеріальную, а животныя не имѣютъ ее. Величайшее преимущество человѣка, дѣлающее его существомъ высокимъ, безцѣннымъ — это его вѣра, его единеніе съ Творцемъ міра. Богъ открылъ себя только человѣку; мало того, что открылъ, Онъ соединилъ его непосредственно съ Собою. Вотъ что дѣлаетъ человѣка выше всей вселенной!

§ 25.

Ощущенія не должно смѣшивать съ чувствованіями сердечными.

Замѣтимъ здѣсь еще, что во многихъ Психологіяхъ способность ощущать или способность видѣть, слышать, осязать и пр. всегда почти смѣшивали съ такъ называ-

емыми сердечными чувствованіями, или душевными состояніями, каковы: печаль, радость, удовольствіе, грусть и пр. Но очевидно, что оба эти явленія совершенно различныя. Первыя суть зародышъ представленій и познаній, онѣ ясны и опредѣленны до послѣдней возможности: что можетъ быть, на примѣръ, яснѣе ощущенія свѣта, фигуры, величины и пр.? Напротивъ того, душевныя состоянія или чувства удовольствія и неудовольствія обыкновенно бываютъ темны и безотчетны.

§ 26.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ ГЛАВЫ.

Льстимъ себя надеждою, что приведенныхъ въ сей главѣ доказательствъ достаточно для убѣжденія всякаго безпристрастнаго человѣка въ той истинѣ, что ощущенія наши суть явленія міра духовнаго; что видѣть, слышать, ощущать запахъ, вкусъ, боль, холодъ и тепло, можетъ только существо духовное, нематеріальное; что слѣдовательно въ человѣкѣ есть нѣчто совершенно отличное отъ его организма, и слѣдовательно онъ имѣетъ душу, нематеріальную, духовную. Если же одна способность ощущеній достаточно убѣждаетъ въ невещественности души: то нечего уже говорить о способности разсуждать, умозаключать, имѣть свободу и пр. Эти высшія способности еще не оспори́мѣе убѣждаютъ въ томъ, но нѣтъ никакой нужды прибѣгать къ нимъ; достаточно доказать, что ощущать можетъ только духовное начало. Отсюда же видно и то, какъ важно и необходимо психологу стараться доказать

невозможность ощущенія внѣ міра духовнаго, но эта необходимость лучше всего открывается изъ исторіи происхожденія матеріализма XVIII вѣка и изъ тѣхъ основаній, на которыхъ она постоянно опирается. Кто знаетъ мнѣнія Волтера, Дидерота, Гельвеція, Даламберта и другихъ философовъ : тотъ легко могъ убѣдиться, какимъ путемъ дошли они до своихъ ложныхъ убѣжденій и чѣмъ обыкновенно защищали ихъ. Въ слѣдствіе недостаточнаго развитія физиологіи и химіи, тогда существовало мнѣніе, что способность ощущать принадлежитъ организму, что мозгъ есть единственное существо, которое видитъ, слышитъ, осязаетъ и пр. Отсюда стоило сдѣлать одинъ только шагъ, чтобы дойти до убѣжденія, что мозгъ и разсуждаетъ, и умозаключаетъ; ибо очевидно, что кто въ насъ видитъ, тотъ и умствуетъ о видѣнномъ. Точно тоже повторяется и съ нынѣшними матеріалистами. Кому случается встрѣтиться съ людьми, зараженными матеріализмомъ, тотъ легко можетъ замѣтить, что единственный опорный пунктъ ихъ заключается въ той мысли, что будто бы способность ощущенія принадлежитъ организму. Доказать такимъ людямъ, на основаніи физиологіи, что организмъ не способенъ къ ощущенію, значить поразить ихъ собственнымъ ихъ оружіемъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

АНАЛИЗЪ ДУШЕВНЫХЪ СПОСОБНОСТЕЙ (*).

---

§ 27.

СОДЕРЖАНІЕ ГЛАВЫ.

Въ предыдущей главѣ мы доказали бытіе духовнаго начала или души въ чловѣкѣ, а въ этой постараемся объяснить : какими одарилъ ее Творецъ способностями и силами. Для этого мы также будемъ пользоваться указаніями опыта; но опытъ, которымъ мы здѣсь станемъ руководствоваться, нѣсколько отличенъ отъ того опыта, который служилъ основаніемъ первой главѣ. Желая узнать, какими душа обладаетъ способностями, мы постараемся наблюдать ее въ то время, когда она обнаруживаетъ свои силы, именно когда она старается приобрѣтать познанія, или исполнить какое либо намѣреніе.

§ 28.

РАЗДѢЛЕНІЕ СПОСОБНОСТЕЙ ДУШИ.

Дѣйствія души бываютъ двоякаго рода : она или обращаетъ свои усилія къ приобрѣтенію какихъ либо

(*) По К . . . . . у.

познаній, или же къ удовлетворенію своихъ потребностей. Поэтому душа обнаруживаетъ двоякого рода способности : *познавательныя* и *желательныя* или, иначе, *дѣятельныя*. Такое раздѣленіе душевныхъ способностей основывается и на предъидущей главѣ : ибо тѣ два признака, которые послужили вѣрнѣйшимъ доказательствомъ бытія въ человѣкѣ нематеріальнаго начала, именно ощущеніе и движеніе, — суть два основанія душевныхъ способностей : первое — познавательныхъ, второе — дѣятельныхъ.

§ 29.

Объ основной силѣ, или способности душевной.

Изслѣдованія предъидущей главы показали намъ также и то, что основная сила души, коренная способность ея, есть способность ощущенія : ибо мы потому и доказали бытіе человѣка, нематеріальнаго существа, что это существо обнаруживало себя въ своихъ ощущеніяхъ. — Хотя способность свободнаго движенія также есть первоначальная ея сила, но очевидно, что она есть уже слѣдствіе чувствительности : ибо душа не приводила бы въ движеніе своихъ членовъ, если бы не была къ тому побуждаема ощущеніями. И такъ чувствительность, или способность ощущать, есть основаніе и зародышъ всѣхъ силъ и способностей души. Во 1-хъ, по времени, ибо всякій знаетъ, что по рожденіи младенца, въ первые дни его жизни, въ немъ не замѣтно никакихъ другихъ способностей, кромѣ чувствительности, и въ слѣдствіе уже чувствительности — движеній членовъ. Всѣ

прочія силы и способности появляются въ послѣдствіи и мало по малу. Во 2-хъ, сила ощущеній есть основная способность потому, что изъ нея, какъ изъ своего источника, истекають всѣ прочія способности души человѣческой.

А. О СПОСОБНОСТЯХЪ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХЪ.

§ 30.

ВНИМАНІЕ.

Когда я смотрю на множество предметовъ разомъ: то можно сказать, что ни одинъ изъ нихъ не вижу по надлежащему. Но если я хочу изучить ихъ какъ слѣдуетъ: то на каждомъ изъ сихъ предметовъ, хотя на нѣсколько мгновеній, я долженъ остановить глаза такъ, чтобы въ эти мгновенія я ничего болѣе не видѣлъ и ни о чемъ болѣе не думалъ, кромѣ разсматриваемаго предмета. Другой примѣръ: если я слышу множество голосовъ разомъ, то ощущеніе слуха бываетъ смѣшанное, неопредѣленное. Но если я хочу разобрать голоса, узнать кому или чему они принадлежатъ, то я долженъ къ каждому изъ доходящихъ до меня звуковъ прислушиваться отдѣльно. Еще одинъ примѣръ: положимъ, что я вхожу въ оранжерею, наполненную пахучими цвѣтами; обоняніе мое ощущаетъ разомъ множество запаховъ, и это ощущеніе бываетъ смѣшанное, неопредѣленное. Но если я хочу разобрать какой запахъ принадлежитъ каждому цвѣтку, то я долженъ каждый цвѣтокъ *обнюхивать* отдѣльно. Эта остановка глазъ на предметахъ, или *всматриваніе*,

это *прислушиваніе*, это *обнюхиваніе*, есть дѣйствіе души, или та ея способность, которая называется *вниманіемъ*. И такъ вниманіе есть то дѣйствіе души, когда она, изъ множества возникающихъ въ ней ощущеній, останавливается на какомъ нибудь одномъ, или на каждомъ по очередно. По отношенію же органа, вниманіе есть направленіе его къ тому, чтобы получить то самое впечатлѣніе, которое душа избираетъ предметомъ своего вниманія.

Очевидно, что вниманіемъ начинается всякое познаніе: ибо нельзя знать того, на что мы не обратили вниманія. Сила вниманія свидѣтельствуетъ о силѣ самой души, и не даромъ говорится, что геній есть глубина и сила вниманія. Но величайшая важность сей способности для Психолога заключается въ томъ, что она есть первое свободное дѣйствіе души. Душа въ своихъ ощущеніяхъ невольна: ибо она поневолѣ чувствуетъ то, что представляютъ впечатлѣнія органовъ. Она не можетъ не видѣть, когда открыты глаза; не можетъ не слышать, когда близко раздаются звуки; и притомъ она не можетъ иначе ощущать, какъ только пятью своими органами, но вниманіе есть свободное ея проявленіе.

Когда она видитъ много предметовъ: то отъ нея зависить остановить глаза на томъ или другомъ предметѣ, и остановить на такое или другое время. Когда она слышитъ много звуковъ: то отъ нея зависить прислушиваться къ тому или другому изъ нихъ. И притомъ чѣмъ съ большею энергію, чѣмъ съ большимъ напряженіемъ она пользуется этою силою, т. е. чѣмъ пристальнѣе обращаетъ вниманіе на что нибудь, тѣмъ большую обнаруживаетъ свободу; ибо для сего требуется значительное усиліе

воли. Бываетъ, что человекъ, засмотрѣвшись на одинъ какой либо предметъ, ничего болѣе не видитъ и не слышитъ; погружившись въ какую либо мысль, бываетъ, какъ говорятъ, слѣпъ и глухъ къ всему.

Но не всѣ способны къ такому напряженію вниманія, нѣкоторые не умѣютъ ни на чемъ долго остановиться: такіе люди называются *разсыянными* — и это названіе прекрасно выражаетъ ихъ недостатокъ: ибо они какъ бы блуждаютъ чувствами и вниманіемъ съ одного предмета на другой.

Если же эта способность такъ важна, что безъ нея невозможно никакое познаніе, а напряженіе ея свидѣтельствуешь о дарованіи и силѣ самой души: то не удивительно ли, что во многихъ Психологіяхъ, изданныхъ и издаваемыхъ въ нашемъ столѣтіи, объ ней не упоминается ни слова. Очевидно, что изученіе душевныхъ способностей должно начинаться съ вниманія: ибо сама душа всякую познавательную дѣятельность начинаетъ обращеніемъ вниманія на предметъ познаній.

§ 31.

СРАВНЕНІЕ ИЛИ СУЖДЕНІЕ.

Когда вниманіе души остановилось на какомъ либо предметѣ: то она тотчасъ замѣчаетъ его свойства и отличительные признаки, или, иначе, находитъ въ немъ извѣстныя принадлежности. Если предметъ бываетъ видимый, чувственный: то душа замѣчаетъ въ немъ цвѣтъ, фигуру, величину, положеніе между другими предметами, а потомъ, при болѣе внимательномъ наблюденіи, замѣ-

чаетъ и всѣ его физическія свойства. Если же душа обращаетъ вниманіе на какое либо отвлеченное представленіе, собственно въ насъ пребывающее, не имѣющее чувственныхъ свойствъ: то она замѣчаетъ, изъ какихъ признаковъ составлено это представленіе, какое имѣтъ оно отношеніе къ другимъ представленіямъ и пр.; словомъ, на видимый ли предметъ устремляется вниманіе, или на отвлеченное представленіе, душа всегда отыскиваетъ въ немъ какіе либо признаки. Если же она обращаетъ вниманіе на два предмета разомъ: то замѣчаетъ ихъ сходство или различіе и вообще ихъ взаимное отношеніе. Слѣдовательно обратить вниманіе на одинъ или два видимые или умственные предмета значить уже сравнить ихъ между собою; слѣдовательно, судить о нихъ. И такъ сравненіе есть вниманіе, обращенное на два предмета разомъ, или, что тоже, на одинъ предметъ и его качество. Эта самая сила души называется *разсудкомъ*, а дѣйствіе или обнаруженіе ея — *сужденіемъ*.

И такъ лучше судить тотъ, кто скорѣе находитъ свойства предмета и его сходство и отличіе отъ другихъ предметовъ. Поэтому очевидно, что достоинства и недостатки сей способности отчасти заключаются въ качествахъ вниманія, т. е. кто вѣрнѣе умѣетъ почувствовать отличительные свойства предметовъ, тотъ и судить вѣрнѣе. У нѣкоторыхъ бываетъ острый разсудокъ, т. е. способность скорѣе и вѣрнѣе находить сходство и различіе предметовъ, а у другихъ, напротивъ того, тупой, т. е. неумѣніе отыскивать черты сходства между вещами. Разсудокъ глубокій и сильный видитъ въ предметахъ такія свойства и отношенія, которыя непримѣтны для разсудка поверхностнаго. Свобода сужденія и его само-

стоятельность открывается изъ того, что оно исправляетъ часто впечатлѣнія чувствъ, напр. иногда звуки намъ слышатся не съ той стороны, откуда они приходятъ; иногда предметы далекіе представляются близкими и наоборотъ; иногда болѣзненное состояніе измѣняетъ цвѣтъ, вкусъ предметовъ и пр. Во всѣхъ сихъ случаяхъ разсудокъ не слѣпо приѣмлетъ впечатлѣнія, а исправляетъ ихъ.

§ 32.

РАЗМЫШЛЕНІЕ.

Душа можетъ постепенно переходить своимъ вниманіемъ отъ предмета къ предмету, отъ представленія къ представленію и, помѣрѣ переходенія, сравнивать многіе предметы, или части предметовъ, многія качества и явленія и, сравнивая, можетъ судить объ нихъ. Когда душа дѣлаетъ такимъ образомъ рядъ сужденій, она какъ бы отражается вниманіемъ своимъ отъ одной вещи къ другой, а потому это дѣйствіе души названо размышленіемъ (*reflexio*). Посему размышленіе есть ничто иное, какъ вниманіе отъ однихъ представлений переходящее къ другимъ и ихъ сравнивающее. Слѣдовательно, эта послѣдняя способность души вытекаетъ изъ вниманія какъ сіе послѣднее, въ свою очередь, изъ способности ощущенія. Но въ этой новой способности еще болѣе проявляется свобода и самостоятельность души, чѣмъ во вниманіи: ибо душа еще болѣе и легче можетъ управлять своимъ размышленіемъ, давая ему извѣстное теченіе, останавливаясь на однихъ предметахъ и понятіяхъ болѣе, на другихъ менѣе, по мѣрѣ надобности.

§ 33.

ВООБРАЖЕНІЕ.

Когда укрѣпившееся вниманіе запечатлѣло въ душѣ множество образовъ и чувственныхъ свойствъ предметовъ; когда душа уже получила и запомнила достаточное число ощущеній, замѣтила многія качества предметовъ и отношеніе ихъ между собою; въ особенности же, когда человѣкъ научился значенію и правильному употребленію словъ: тогда можно сказать, что о каждомъ предметѣ онъ составилъ уже представленіе, тогда всякое слово рождаетъ въ немъ *представленіе* того предмета, которое оно означаетъ. Это первая ступень воображенія, и она очевидно имѣетъ предметомъ своимъ образы міра дѣйствительнаго. Посему, собственно говоря, представленія можно имѣть только о чувственныхъ предметахъ. Но слово *представленіе* прилагается и къ отвлеченнымъ предметамъ, а также и невидимымъ существамъ, напр. представленіе объ Ангелахъ и пр. Человѣкъ все старается облечь въ чувственныя формы, и потому самые отвлеченные и невидимые предметы онъ представляетъ въ формахъ видимыхъ предметовъ.

Но вниманіе наше можетъ вдругъ устремиться на такіе предметы и образы, кои хотя находятся въ природѣ, но отдѣльно. И въ такомъ случаѣ душа соединяетъ въ одинъ образъ такія представленія, соотвѣтственные предметы коихъ существуютъ въ природѣ отдѣльно. Напр., оно можетъ отобразить отъ всѣхъ людей самыя лучшія ихъ качества: мудрость, геройство, милосердіе, красоту, любовь и пр. и соединить все въ одномъ лицѣ, что составитъ

такъ называемый идеалъ человѣка. Это дѣйствіе души зависитъ отъ способности *воображенія*. Его называютъ творческою способностію, и въ самомъ дѣлѣ, оно какъ бы творить предметы : ибо соединяетъ такія качества и свойства, кои въ природѣ существуютъ раздѣльно.

Высшая степень сей способности называется *фантазію*, и ей преимущественно принадлежитъ творчество. Въ фантазіи сильнѣе всего проявляется свобода души : ибо, при всѣхъ другихъ дѣйствіяхъ, она стѣсняется и ограничивается уже тѣмъ, что предметъ познанія есть нѣчто данное, и познаніе вполнѣ должно съ нимъ согласиться, а фантазія сама творить для себя новый міръ и новые предметы. Вотъ почему произведенія поэтовъ и художниковъ называются плодами свободного творчества.

§ 34.

Умствованіе или умозаключеніе.

Нѣкоторыя изъ сужденій, выраженныхъ словами, заключаютъ въ себѣ скрытно другія сужденія. Напр., когда я говорю : Петръ есть человѣкъ, то въ этомъ сужденіи заключаются еще другія сужденія : — Петръ смертенъ, Петръ имѣетъ душу и тѣло и пр. Ибо если я Петра назвалъ человѣкомъ, то тѣмъ самымъ приписалъ ему и все то, что прилично человѣку. Или если я сказалъ : камень тяжелъ : то этимъ самымъ сказалъ и то, что онъ будетъ падать внизъ, потому что въ понятіи тяжесть заключается понятіе о паденіи. Послѣднія сужденія суть слѣдствія первыхъ, и стоить только вывести изъ нихъ эти

слѣдствія, какъ явится новое сужденіе. Такое нахожденіе новыхъ сужденій, скрывающихся въ другихъ сужденіяхъ, и выводъ ихъ, называется *умствованіемъ*, или *умозаключеніемъ*. Дѣйствіе умозаключенія можно еще опредѣлить такъ: умозаключеніе есть способность повѣрять или, такъ сказать, измѣрять два предложенія третьимъ, связующимъ ихъ между собою. Такъ въ первомъ примѣрѣ два предложенія: Петръ есть человѣкъ — слѣдовательно Петръ смертенъ, повѣряются и измѣряются третьимъ предложеніемъ, истинность котораго очевидна, именно, человѣкъ смертенъ. Петру приписывается смертность отъ того, что ему приписывается понятіе человѣка, которому въ свою очередь, принадлежитъ смертность. Такимъ образомъ очевидно, что умозаключеніе есть дальнѣйшее развитіе вниманія, и оно имѣетъ зародышъ свой въ томъ общемъ источникѣ, изъ котораго истекаютъ всѣ наши способности.

Случается очень часто, что хотя одно сужденіе и заключается въ другомъ, но не такъ ясно, чтобы это можно было видѣть съ перваго раза; такъ что иногда, для открытія связи двухъ предложеній, надобно пробираться чрезъ цѣлый рядъ посредствующихъ предложеній, переходя всегда отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Чтобы употребить близкій примѣръ, возьмемъ слѣдующее предложеніе: человѣкъ имѣетъ душу нематеріальную. Оно заключается скрытно въ другомъ: человѣкъ имѣетъ способность ощущать. Или другое: ртуть стоитъ на извѣстной высотѣ въ барометрѣ, заключается въ слѣдующемъ: воздухъ тяжелъ. Но поелику связь между сими предложеніями не тотчасъ видна: то надобно употребить много посредствующихъ сужденій, чтобы открыть

ее. Такъ въ предъидущей главѣ мы привели цѣлый рядъ посредствующихъ предложеній, т. е. цѣлый разборъ всѣхъ пяти чувствъ, чтобъ открыть связь между двумя предъидущими предложеніями. Въ этомъ и состоитъ все искусство доказательствъ, искусство столь великое и необходимое въ наукѣ. Способность умозаключенія, или умствованія, у другихъ Психологовъ называется умомъ или разумомъ. Она есть высшее проявленіе познавательной дѣятельности души.

Сила ея дѣлаетъ человѣка глубокомысленнымъ и проникательнымъ : ибо что такое проникательность, какъ не умѣніе видѣть прямо и непосредственно связь такихъ предложеній, которыя для ума обыкновеннаго не имѣютъ никакого отношенія между собою. Глубокомысленный умъ прямо видитъ всѣ слѣдствія, какія заключаются во всякомъ сужденіи, всѣ отношенія, какія оно можетъ имѣть къ другимъ сужденіямъ. Словомъ, онъ прямо понимаетъ то, на что другому надобны объясненія и упорный трудъ.

§ 35.

Память.

Когда душа напрягаетъ вниманіе къ тому, чтобы возобновить въ себѣ всё бывшее въ ней прежде, т. е. всѣ ощущенія, представленія, умствованія, сужденія, словомъ, все приобрѣтенное способностями : то дѣйствіе ея называется *памятью*. Память составляется изъ слѣдующихъ трехъ частей : 1-е *воспріятія*, 2-е *удержанія*, или собственно *памяти*, и 3-е *воспоминанія*.

Чтобы память могла удержать все переданное ей на сохраненіе, для этого надобно, чтобы душа употребила надлежащую силу вниманія. Только то и сохраняется въ памяти твердо, на что было устремлено твердое и, такъ сказать, пристальное вниманіе души, а что только скользнуло по ней, что было предметомъ мгновеннаго вниманія: то никогда не можетъ поступить въ область памяти.

Собственно память есть та сила, которая сохраняетъ все бывшее въ душѣ для того, чтобы при первомъ требованіи обнаружить свой запасъ. Эту способность души, кажется, труднѣе всего понять. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ и какъ душа хранить такое множество именъ, вещей, сужденій, числъ, событій, образовъ, словомъ всего, что она видѣла и знала въ продолженіи многихъ лѣтъ? Въ какомъ видѣ сохраняется въ памяти все это, т. е. фактически ли, или только въ возможности возобновить снова все, что было въ душѣ. Рѣшеніе этого вопроса много занимало ученыхъ, которые дѣлали тысячи предположеній для объясненія сущности сей способности.

Навѣрное извѣстно только одно, что здоровое состояніе организма, въ особенности мозга, имѣетъ величайшее вліяніе на память. Сильныя болѣзни ослабляютъ ее, а малѣйшее разстройство мозга на долго ее уничтожаетъ. Въ особенности замѣчательно, что человѣкъ послѣ болѣзни иногда забываетъ часть своихъ представленій и часто однородныхъ; напр., представленіе чиселъ, или собственныя имена, или какой либо чужестранный языкъ и пр. Въ старости и отъ беспорядочной жизни память также ослабляется. Все это даетъ поводъ заключать, что мозгъ принимаетъ сильное участіе въ дѣятельности

сей способности; а потому физическая причина памяти, по мнѣнію нѣкоторыхъ, мнѣнію болѣе заслуживающему вѣроятія, есть навѣкъ мозга, или тѣ впечатлѣнія, тѣ слѣды, какіе идеи и мысли оставляютъ въ мозгу, и которые легко могутъ возобновляться при всякомъ удобномъ случаѣ. Болѣе подробный разборъ этого мнѣнія будетъ представленъ въ слѣдующей главѣ.

Самое дѣйствіе памяти называется *воспоминаніемъ*. Качества и достоинства его зависятъ отъ первыхъ частей памяти.

§ 36.

Понятіе.

Чтобъ объяснить значеніе понятія, какъ способности, разберемъ происхожденіе самаго слова *понятіе*. Оно произошло отъ славянскаго слова *понять*, которое первоначально означало, да и теперь на славянскомъ языкѣ означаетъ, — взять съ собою, присвоить, усвоить. Когда же это названіе усвоили душевной способности: то, безъ сомнѣнія, разумѣли нѣчто подобное этому дѣйствію. И на самомъ дѣлѣ понятіе означаетъ ту способность души, которою она усвоиваетъ себѣ всѣ познанія: слѣдовательно, оно есть какъ бы общее названіе всѣхъ способностей. Все, что мы приобрѣли посредствомъ вниманія, сужденій, умозаключеній, воображенія и что передали на храненіе памяти, все это есть понятіе. Точно такое же употребленіе дѣлаемъ мы изъ этого слова, когда спрашиваемъ: *понялъ ли ты это? составилъ ли ты объ этомъ себѣ понятіе?* Посему понятіе не есть какое

либо особенное дѣйствіе души, а совмѣщаетъ въ себѣ всѣ другія ея дѣйствія и способности.

В. О СПОСОБНОСТЯХЪ ИЛИ СИЛАХЪ ДѢЯТЕЛЬНЫХЪ.

§ 37.

Нужда.

Человѣкъ рождается и живетъ съ извѣстными нуждами и потребностями, удовлетвореніе которыхъ и составляетъ предметъ его земной дѣятельности. Посему первоначальное побужденіе къ обнаруженію дѣятельныхъ силъ въ человѣкѣ есть нужда. Чтобъ вѣрнѣе понимать слово нужда, надобно помнить, что не только удовлетвореніе естественнымъ потребностямъ, но, даже отсутствіе какого либо привычнаго удовольствія становится для него нуждою, потребностію. Слово страдать обыкновенно принимаютъ за чувствованіе чего нибудь непріятнаго, но и отсутствіе удовольствія, къ которому мы привыкли, рождаетъ въ насъ такое же неудовольствіе. Не имѣть чего либо и быть лишены чего либо — двѣ различныя вещи. Если мы неимѣемъ того, чѣмъ некогда и не пользовались и къ чему не привыкли: то это для насъ не есть еще нужда. Но если мы лишились того, къ чему привыкли, то здѣсь является лишеніе, нужда.

§ 38.

Безпокойство.

Всякое лишеніе производитъ въ человѣкѣ непріятное чувство, тяжесть. Это состояніе безпокойно, ибо заста-

вляеть насъ дѣлать извѣстныя движенія, лишаетъ насъ тишины душевной. Чѣмъ болѣе представляется преградъ къ освобожденію себя отъ безпокойства, т. е. къ удовлетворенію нужды, тѣмъ оно дѣлается сильнѣе и иногда переходитъ даже въ мученіе.

§ 39.

ЖЕЛАНІЕ.

Въ состояніи безпокойства, происходящемъ отъ какой либо нужды, человѣкъ устремляетъ свое вниманіе и всѣ способности къ полученію удовлетворенія. Разсудокъ говоритъ ему сколько необходимо получить требуемое; воображеніе рисуетъ то удовольствіе, какое онъ могъ бы получить отъ удовлетворенія нуждъ; размышленіе указываетъ средства къ его удовлетворенію; словомъ, всѣ силы души заняты этою нуждою, и такое состояніе души называется *желаніемъ*. Слѣдовательно желаніе есть произведеніе представлений.

§ 40.

СТРАСТИ.

Желанія наши имѣютъ свои степени. Сильныя желанія, непрерывныя стремленія къ чему либо, носятъ названіе *страстей*.

§ 41.

НАДЕЖДА.

Если съ желаніемъ соединяется та мысль, что мы

можемъ получить жалаемое, то происходитъ *надежда*. Итакъ надежда есть мысль, сужденіе, что мы можемъ получить жалаемое, что нѣтъ непреодолимыхъ препятствій къ полученію его.

§ 42.

Воля или хотѣніе.

Воля есть самая уже рѣшимость души, самое опредѣленіе ея употребить свои силы къ удовлетворенію желанія. Она является въ слѣдствіе нашего сужденія, что мы въ состояніи сдѣлать то, что жалаемъ, къ чему устремляетъ нужда. Я хочу, значить, я жалаю, и ни что мнѣ не помѣшаетъ достигнуть жалаемаго. Слѣдующій примѣръ заключаетъ въ себѣ всѣ описанныя дѣйствія желательныхъ способностей. Когда человѣкъ долго не ѣлъ, то является *нужда* въ пищу. Эта нужда производитъ *безпокойство*, которое называется *голодомъ*. Въ этомъ состояніи, т. е. въ голодѣ, человѣкъ начинаетъ устремлять душевныя силы къ удовлетворенію сей нужды, т. е. разумъ говоритъ ему, какъ необходима пища; воображеніе представляетъ то удовольствіе, какое принесетъ ему пища, — это состояніе души есть *желаніе*. Наконецъ, человѣкъ видитъ хлѣбъ и рѣшается взять его. Это рѣшеніе, которое, разумѣется, соединено съ мыслию, что онъ можетъ взять хлѣбъ, что нѣтъ къ тому препятствій, есть *воля, хотѣніе*.

§ 43.

Самое дѣло или дѣйствованіе.

Наконецъ въ слѣдствіе всѣхъ сихъ процессовъ ду-

шевныхъ, а въ особенности въ слѣдствіе рѣшимости воли, — является самое дѣло, поступокъ. Очевидно, что этотъ послѣдній актъ, этотъ поступокъ, стоитъ во всегдашней, необходимой связи съ волею: ибо воля, повторяемъ, является лишь тогда, когда въ насъ есть убѣжденіе въ возможности совершить извѣстное дѣйствіе. Въ слѣдствіе рѣшенія воли, мы начинаемъ дѣйствовать непремѣнно, хотя иногда и не достигаемъ исполненія желаемого, по независящимъ отъ насъ причинамъ.

§ 44.

Мысль.

Слово *мысль*, *мышленіе*, есть общее наименованіе всѣхъ душевныхъ дѣйствій, всѣхъ силъ какъ познавательныхъ, такъ и желательныхъ. Слѣдовательно, оно имѣетъ значеніе еще болѣе общее, чѣмъ понятіе, которое означаетъ только познавательную дѣятельность души. Мыслить значитъ обращать вниманіе на что либо, судить, размышлять, дѣлать умозаключеніе, имѣть понятія, желанія, надежды, волю, словомъ, мыслить значитъ обнаруживать всѣ душевныя способности.

§ 45.

Сознаніе и самосознаніе.

Душа можетъ устремить свое вниманіе, и дѣйствительно устремляетъ его, на собственныя свои дѣйствія. Она можетъ дѣлать себя и свое бытіе предметомъ своего

сужденія, своихъ умозаключеній, и это дѣйствіе ея есть сознание или самосознание. Естественно, что всякое наше внутреннее душевное явленіе, начиная съ простыхъ ощущеній до самаго высшаго дѣйствія ума — умозаключенія, напоминаетъ намъ о себѣ самихъ, внушаетъ намъ чувство своего бытія. Ибо когда я что нибудь ощущаю, то это ощущеніе приписываю себѣ; когда я размышляю, то имѣю мысль о себѣ. Еще болѣе напоминаютъ намъ о себѣ наши пожелательныя способности: ибо нужда, бѣзпокойство, желанія, страсти, суть такія явленія, которыхъ предметъ и поприще — собственное наше бытіе, наше я; а потому очевидно, что при всѣхъ сихъ явленіяхъ, мы болѣе всего думаемъ о себѣ, о своемъ бытіи, о своихъ нуждахъ и потребностяхъ. Слѣдовательно сознание есть способность, сопровождающая всѣ душевныя дѣйствія: она входитъ какъ составная часть во всѣхъ другихъ способностяхъ. Если нужно и можно различать сознание отъ самосознания: то можно сказать, что сознание есть чистое ощущеніе, чувствованіе чего либо; а самознание есть чувствованіе или, вѣрнѣе, раздѣльное представленіе или мысль о себѣ, о своемъ бытіи. Дитя имѣетъ сознание, ибо оно имѣетъ ощущенія, но не имѣетъ самосознания; ибо неумѣя еще разсуждать, оно не составило еще понятія о своемъ бытіи, у него не укрѣпилось еще вниманіе. Точно также животныя имѣютъ сознание, ибо чувствуютъ себя, понимаютъ свои нужды, отличаютъ себя отъ другихъ предметовъ, но они не имѣютъ самосознания, ибо не могутъ о себѣ мыслить или представлять себѣ свое я.

§ 46.

ПРАВСТВЕННОЕ САМОСОЗНАНИЕ.

Самосознаніе получаетъ новый оттѣнокъ, когда обращено къ обсужденію достоинства нашихъ дѣйствій и поступковъ. Оно называется тогда совѣстію и есть одобреніе или осужденіе своихъ собственныхъ поступковъ, и происходящее отъ того чувство удовольствія или неудовольствія.

Таковъ основанный на опытѣ разборъ самосознанія. Оно есть чувствованіе, мысль, о своемъ бытіи; слѣдовательно, это не есть какая либо новая способность; — это тоже вниманіе, только предметъ его самъ человѣкъ.

§ 47.

КАКЪ ОПРЕДѢЛЯЕТСЯ САМОСОЗНАНИЕ У ДРУГИХЪ ПСИХОЛОГОВЪ.

Анализъ душевныхъ способностей, предложенный нами, очень простъ. Онъ до такой степени простъ и удобопонятенъ, что можетъ показаться даже подозрительнымъ для тѣхъ, кои о достоинствѣ философскихъ изслѣдованій привыкли судить по ихъ темнотѣ, длинотѣ и едва проникаемой для простаго смертнаго глубинѣ. Признаемъ, что мы сами, сравнивая длинныя, съ безконечными дробленіями, съ странными терминами, описанія душевныхъ способностей, съ тѣмъ анализомъ ихъ, который здѣсь предложенъ, часто падали въ сомнѣніе насчетъ достоинства сего послѣдняго, а потому рѣшились

разобрать объяснение хотя одной какой либо способности, предложенное въ какой либо другой Психологіи. И такъ раскроемъ хоть Психологію Г. Новицкаго (*) и посмотримъ, какъ въ ней анализируется, напр., самосознаніе.

»Предметъ или, правильнѣе говоря, содержаніе самосознанія есть внутренняя дѣйствительность, а именно самая душа съ ея свойствами и способностями, съ ея дѣйствіями и состояніями.« Это опредѣленіе дѣйствія или предмета самосознанія совершенно согласно съ нашимъ взглядомъ. Если самосознаніе имѣетъ предметомъ наблюденіе самого себя, своихъ силъ и дѣйствій: то проще говоря, это есть вниманіе души, обращенное на самую себя, размышленіе ея о себѣ. Но послушаемъ далѣе.

»Что душа наблюдаетъ себя, въ своей непосредственной дѣятельности, это открывается во 1-хъ изъ того, что если бы она знала себя чрезъ размышленіе: то должно бы предполагать въ ней посредственную мысль, или естественное представленіе о себѣ, но такой мысли и такого представленія нѣтъ о душѣ; есть только слово душа, но и оно имѣетъ живое значеніе, только при самонаблюденіи.«

Невозможно найти столько явныхъ противорѣчій, такъ смѣло поставленныхъ другъ возлѣ друга. Съ одной стороны утверждается, что душа наблюдаетъ саму себя въ своей дѣятельности; а съ другой говорится, что душа знаетъ себя не чрезъ размышленіе. Но что такое наблюденіе души надъ собою, какъ не тоже

(*) Эта Психологія составлена по руководству Германскаго ученаго Фишера и можетъ считаться лучшею между всѣми напечатанными на отечественномъ языкѣ.

размышление ея о себѣ? Возможно ли что либо наблюдать, не размышляя однакоже о наблюдаемомъ? Наблюдать надъ чѣмъ либо значитъ отыскивать въ наблюдаемомъ предметѣ признаки, свойства, дѣйствія; такъ, когда душа наблюдаетъ надъ собою, то она хочетъ открыть свои силы и способности, хочетъ изучить себя, составить о себѣ понятіе. Но представьте себѣ, что душа наблюдаетъ себя, но ничего этого не открываетъ: тогда это наблюдение будетъ тупое, безмысленное и бесполезное. Далѣе, что такое естественное представление или посредственная мысль, и чѣмъ она отличается отъ всякихъ другихъ представлений и мыслей, — это трудно понять. Мы имѣемъ мысль или понятіе о себѣ, иначе мы и не могли бы рассуждать о своей душѣ. Душа составляетъ о себѣ мысль и представление, наблюдая свои собственные дѣйствія и вмѣстѣ съ симъ составляя о себѣ сужденія. Далѣе говорится слѣдующее: »Внутреннее наблюдение собственно не есть ни знаніе, ни чувство: для перваго не достаетъ у него предметности въ его содержаніи; для втораго противоположенія, — пріятнаго и непріятнаго ощущенія, такъ какъ содержаніе этого наблюдения и не ограничивается одними только состояніями.«

Невозможно что либо наблюдать и въ то же время не познавать наблюдаемаго; а потому знаніе содержится въ наблюдении какъ слѣдствіе. Слово: наблюдать, замѣчать, именно и значитъ — узнавать что либо, составлять о чемъ либо понятіе. То еще не есть наблюдение, когда я смотрю глазами на что либо и не замѣчаю въ немъ ни какихъ свойствъ, или когда верчу въ головѣ какое либо представление и ничего въ немъ не открываю. Мы уже

сказали, что когда душа внутренно наблюдает себя, то это дѣлаетъ она съ тою цѣлью, чтобы познать себя. Итакъ сказать: внутреннее наблюдение не есть знаніе — противорѣчиво. Гораздо вѣрнѣе сказать: что наблюдение есть знаніе. Но если вы ищете строгой точности въ выраженіяхъ, то надобно говорить: наблюдение есть причина знанія (*).

(*) Въ § 170 упомянутой Психологіи говорится: «на первомъ главномъ процессѣ мышленія, развитіи отношеній тождества, основывается интразитивное положеніе, образованіе понятій и системы, пониманіе, сказательное умозаключеніе — Второй подчиненный процессъ мышленія, — развитіе причинныхъ отношеній обнимаетъ тразитивное положеніе, причинное сужденіе, выводъ и пр. Въ этихъ двухъ главныхъ процессахъ мышленія, какъ и во всѣхъ другихъ дѣйствіяхъ души, отражается двусторонность ея существа: развитіе отношеній тождества исключительно принадлежитъ сознанію и есть мышленіе въ мышленіи, напротивъ того, развитіе причинныхъ отношеній, принадлежитъ волю, не есть дѣйствіе въ мышленіи.

Эту выписку мы сдѣлали съ тою цѣлю, что бы всякій безпристрастный читатель видѣлъ, можно ли изъ такового языка составить ясное понятіе о предметѣ рѣчи! Что это за варварскія ломающія языкъ слова: интразитивное и тразитивное? или каково вамъ нравится еще: мышленіе въ мышленіи и дѣйствіе въ мышленіи? Можно смѣло ручаться, что изъ сотни человѣкъ, прочитавшія эту тираду, ее могли какънибудь понять только двое или трое — остальные, быть можетъ, только воображали, что понимаютъ ее. Но ни одна эта Психологія написана такимъ языкомъ: она въ сравненіи съ другими философскими сочиненіями, изданными въ нашъ вѣкъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, отличается еще величайшею ясностію. Казалось, что всѣ философы послѣдняго времени соперничали въ томъ, кто кого перещеголяетъ въ темнотѣ языка, какъ будто достоинство философскихъ практиковъ полагали въ ихъ непроницаемыхъ для простыхъ смертныхъ глубинахъ; и какъ будто философія взяла привилегію на темноту и непонятность! А въ сочиненіяхъ по философіи, вышедшихъ на русскомъ языкѣ, къ этому присоединилось еще новая язва: это — страсть испещрять и затемнять рѣчь кстати и некстати иностранными терминми. Обращаемся къ суду безпристрастныхъ умовъ: могутъ ли они чистосердечно сказать, чтобы всѣ эти иностранныя слова: объектъ, абсолютъ, функція, нигилизмъ, инверсія, субстрактъ, потенція, тенденція, реализація, абстрактный, индивидуализація, схематизмъ, аподиктический, категорическій, и тысячи другихъ, наводившихъ русскія книги, были нужны и полезны

§ 48.

Можно ли раздѣлять способности души на низшія и высшія?

Еще одно обстоятельство кажется намъ чрезвычайно страннымъ во всѣхъ психологическихъ изслѣдованіяхъ о способностяхъ души, это— раздѣленіе способностей на низшія и высшія. Такое раздѣленіе не только не имѣетъ никакого основанія, но оно обнаруживаетъ недостатокъ знанія души и ея способностей.

Во 1-хъ, всѣ способности души имѣютъ такую тѣсную связь, заключаются другъ въ другѣ и дѣйствуютъ такъ нераздѣльно и единовременно, что отнимите у души хотя одну изъ нихъ, даже ту, которую называютъ низшею, душа не будетъ въ состояніи вовсе мыслить. Напр.: вниманіе есть первое проявленіе познавательной силы вообще, но отнимите его у души, — она не научится ни чему.

Во 2-хъ, хотя и замѣчается нѣкоторое разъединеніе способностей познавательныхъ отъ дѣятельныхъ, напр.: человекъ отлично можетъ мыслить и познавать, также сильно желать, но не имѣть воли: но разъединеніе это не даетъ намъ права разсматривать самую волю отдѣльно отъ цѣлости другихъ способностей, ибо воля все-таки

для чего бы то ни было? Мы не говоримъ сколько отъ нихъ терпять чистота языка: это не требуетъ доказательствъ; но мы смѣло утверждаемъ, что изъ десяти такихъ словъ девять весьма удобно могутъ быть замѣнены русскими равносильными словами и отъ этого нисколько не измѣнится мысль, которую ими хотятъ выражать. Не отвергаемъ, что есть случаи, когда необходимо прибѣгнуть къ иностранному слову; но досадно то, что ими многіе хотятъ щеголять, хотятъ чрезъ нихъ доказать свою ученость и глубомысліе.

бываетъ слѣдствіемъ другихъ способностей и отдѣльно отъ нихъ не существуетъ.

Въ 3-хъ, способности души суть проявленія самой души. Гдѣ душа дѣйствуетъ одною изъ своихъ силъ, тамъ непремѣнно есть уже и другія силы и способности, тамъ есть вся душа, и трудно себѣ представить или найти случай, гдѣ бы душа дѣйствовала исключительно одною способностію, безъ всякаго участія другихъ ея силъ.

И такъ, для правильнаго мышленія способности души равно необходимы, а потому онѣ не должны быть различаемы какъ низшія и высшія. Но если неосновательно даже простое раздѣленіе душевныхъ способностей на низшія и высшія: то что же сказать о томъ, какъ въ нѣкоторыхъ рукописныхъ Психологіяхъ самую душу, или мыслящее существо, раздѣляютъ на двѣ части: на низшую и высшую, и приписываютъ низшія способности первой, а высшія — второй? Очевидно, что тутъ обнаруживается странная и неосновательнѣйшая замѣна дѣйствительности теоріею, происходящая отъ любви къ гипотезамъ.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

О ПОЗНАНІИ.

---

§ 49.

СОДЕРЖАНІЕ ГЛАВЫ.

Изложивши анализъ способностей души, постараемся дать понятіе о ихъ дѣятельности, или о томъ, какъ чловѣкъ посредствомъ ихъ пріобрѣтаетъ всѣ познанія. Въ предъидущей главѣ мы съ намѣреніемъ ограничились однимъ только краткимъ изложеніемъ понятія о способностяхъ души, дабы всякій легко могъ видѣть постепенность ихъ развитія и взаимную ихъ связь. Если бы послѣ каждой способности излагать подробно ея дѣятельность, то легко бы можно упустить изъ виду ихъ взаимныя отношенія.

§ 50.

Ближайшій анализъ ощущеній.

Прежде чѣмъ изслѣдовать чему мы научаемся изъ ощущеній, сдѣлаемъ послѣдній и ближайшій ихъ анализъ.

Для того чтобы имѣть вѣрное понятіе о дѣятельности чувствъ, надобно помнить, что всякое ощущеніе слагается изъ трехъ вещей, кои суть: 1-е, физическое явленіе, или внѣшняя причина, ихъ производящая; 2-е, физическое впечатлѣніе, или перемѣна, происходящая въ органѣ тѣла; и наконецъ 3-е, самое ощущеніе.

1-е. Физическія причины нашихъ впечатлѣній и ощущеній суть тѣ явленія, внѣ насъ находящіяся, которыя имѣютъ силу производить въ нашихъ органахъ извѣстныя перемѣны, называемыя впечатленіями. Такихъ явленій безчисленное множество, но всѣ онѣ, по тѣмъ органамъ, на которыя дѣйствуютъ, раздѣляются на нѣсколько группъ. Самая большая группа явленій дѣйствуетъ на зрѣніе; сюда относится цвѣтъ предметовъ, фигура, величина, разстояніе, взаимное соотношеніе ихъ и проч. Нѣсколько меньшая группа явленій дѣйствуетъ на осязаніе, менѣе — на обоняніе и вкусъ, а самая незначительная на слухъ, который можетъ судить только о свойствахъ звуковъ и ихъ разстояніяхъ. Но замѣчательно, что всѣ эти явленія дѣйствуютъ на наши органы по одному способу, именно механическимъ прикосновеніемъ, или толчкомъ, а потому остроумно къмъ то замѣчено, что всѣ чувства суть видоизмѣненіе осязанія. И въ самомъ дѣлѣ: въ зрѣніи, лучи свѣта дѣйствуютъ на глаза непосредственнымъ соприкосновеніемъ; въ слухѣ, волнообразно движущійся воздухъ поражаетъ уши; въ запахѣ, частицы пахучихъ тѣлъ касаются перепонки носа; во вкусѣ же и осязаніи механическое соприкосновеніе очевидно само собою.

2-е. Физиологическое впечатлѣніе, или перемѣны органовъ чувствъ, труднѣе опредѣлить во всѣхъ частяхъ,

т. е. можно узнать, что происходит въ самыхъ наружныхъ частяхъ органовъ, но слѣдить далѣе за впечатлѣніями очень трудно. Въ органѣ зрѣнія составляетъ физическое изображеніе предмета; органъ слуха сотрясается, или приходитъ въ дрожаніе; перепонка носа и языка извѣстнымъ образомъ раздражаются; но что потомъ происходитъ съ нервами зрѣнія, слуха, осязанія, обонянія и другими? Какимъ способомъ они переносятъ впечатлѣнія до мозга? Физиологія отвѣчаетъ, что посредствомъ круговаго движенія какого то нервнаго начала, или нервной жидкости.

Еще труднѣе понять, въ какомъ видѣ отражаются въ мозгу сіи впечатлѣнія или, иначе, что происходитъ отъ нихъ въ мозгу? Вѣроятно опять какія либо механическія раздраженія или, быть можетъ, нѣкоторыя химическія измѣненія мозговой мякоти и, вѣроятно, различныя, отъ различныхъ нервовъ.

Наконецъ 3-е. Слѣдствіемъ всѣхъ сихъ физическихъ причинъ бываетъ ощущеніе, т. е. зрѣніе, слухъ, запахи, вкусы, боль, жаръ, холодъ и пр. Въ первой главѣ было уже доказано, что самыя эти ощущенія суть явленія духовныя.

§ 51.

ОБЪ ОТНОШЕНІИ НАШИХЪ ОЩУЩЕНІЙ КЪ САМЫМЪ ЯВЛЕНІЯМЪ.

Изъ анализа чувствъ, представленнаго въ первой главѣ, мы отчасти видѣли также какое есть отношеніе между нашими ощущеніями и бытіемъ самыхъ вещей

и явленій природы. Зрѣніе состоитъ изъ ощущеній цвѣтовъ, фигуръ, величинъ, разстоянія и пр., всѣ сіи ощущенія, очевидно, имѣютъ свои причины въ соотвѣтствующихъ имъ явленіяхъ, но ощущеніе цвѣтовъ, не похоже на физическую причину, его производящую. Свѣтъ, какъ наше ощущеніе, не похоже на то физическое явленіе, которое произвело его въ насъ. Наружная причина, производящая въ насъ это ощущеніе, дѣйствительно существуетъ въ природѣ, иначе пришлось бы думать, что мы сами въ себѣ возбуждаемъ ощущеніе свѣта; но, говорю, что она отлична отъ самаго ощущенія. Но всѣ прочія свойства вещей, изучаемыя зрѣніемъ, какъ то: фигура, величина, разстояніе, безъ сомнѣнія, таковы же въ природѣ, каковы и въ нашемъ ощущеніи. Тѣла, конечно, имѣютъ крайнія линіи и очертанія, кои мы называемъ фигурою; онѣ также имѣютъ относительную величину и разстояніе и пр.

Отношеніе слуха къ физическимъ явленіямъ совершенно сходно съ отношеніемъ къ нимъ зрѣнія. Здѣсь физическая причина — волнообразное движеніе воздуха и ощущеніе звуковъ, — двѣ вещи различныя, но, повторяю, причина звуковъ все таки есть дѣйствительное явленіе: она подлежитъ изученію, законы ея опредѣлены вѣрно и отчетливо.

Запахъ, какъ ощущеніе наше, различенъ отъ физической причины его; ибо запахъ есть наше и субъективное явленіе, а причины его — малѣйшія частицы, способныя производить то раздраженіе, которое возбуждаетъ въ насъ ощущеніе запаха.

Вкусъ — также наше ощущеніе, котораго причина заключается въ извѣстныхъ состояніяхъ нѣкоторыхъ тѣлъ.

Осязаніе, если только теплоту и холодъ не относить къ нему, показываетъ намъ предметы вполне такими, каковы они на самомъ дѣлѣ. Когда я осязаю руками плотность тѣлъ, или фигуру ихъ, то здѣсь уже не можетъ быть никакого различія между явленіемъ и его ощущеніемъ. Посему-то и говорятъ, что одно только осязаніе доставляетъ намъ непогрѣшительныя свѣдѣнія о бытіи вещей, но впечатлѣнія другихъ чувствъ всегда должны быть повѣряемы и анализируемы разсудкомъ.

§ 52.

Возраженія противу подобнаго объясненія ощущений.

Но многіе находятъ подобное объясненіе ощущений невѣрнымъ.

Въ Психологіи Г. Новицкаго выставляются четыре главныхъ недостатка въ предложенномъ нами способѣ объясненія ощущений.

1-е. Понятіе о чувственномъ наблюденіи, какъ внутреннемъ процессѣ, уничтожается тѣмъ самымъ, что для своей собственной возможности, оно должно предполагать совершенно другое непосредственное наблюденіе внѣшней дѣйствительности; въ противномъ случаѣ, безъ этого непосредственнаго наблюденія, нельзя было бы мыслимаго, чувственнаго впечатлѣнія, преслѣдовать отъ внѣшнихъ предметовъ, чрезъ среду, до чувственнаго органа, и — отъ органа, чрезъ нервы, до души: потому что всякое вступающее въ душу впечатлѣніе было бы простымъ представленіемъ о предметѣ, а не самымъ пред-

метомъ, находящимся въ насъ. Такимъ образомъ прежняя теорія процесса чувственныхъ наблюдений, какъ скоро хочетъ разъяснить себя, сама уже выглядываетъ за кругъ представленій, которыми она покушается ограничить наблюдение.»

Чтобы видѣть всю неосновательность этого возраженія довольно сказать, что въ немъ отвергается дѣйствительность впечатлѣній, производимыхъ предметами на органы: слѣдовательно отвергается фактъ, который яснѣе солнца, фактъ доказанный опытомъ, науками и собственнымъ нашимъ наблюдениемъ. Отвергать такой фактъ значить идти противу здраваго смысла, стать въ противорѣчіе со всѣми опытами и точными науками. Подобными утверженіями, подобными противорѣчіями положительнымъ наукамъ философія и потеряла уваженіе многихъ людей. Если Психологія не хочетъ быть мечтательною наукою, то она должна факты принимать за основаніе своихъ выводовъ, а не отвергать ихъ.

Кромѣ того несправедливо, чтобы при помощи однихъ ощущеній нельзя было прослѣдить чувственнаго впечатлѣнія. Для того Богъ и одарилъ насъ разсудкомъ, чтобы мы размышляли, изучали, догадывались и узнавали причину и сущность явленій. И размышленіе вѣрно довело людей до пониманія того, какъ впечатлѣнія возникаютъ отъ внѣшнихъ явленій и возбуждаютъ въ насъ ощущенія.

Второе возраженіе выражено словами: »не понятно, какъ чувственныя впечатлѣнія входятъ чрезъ нервы въ душу.« Правда, мы не можемъ знать какимъ образомъ раздраженіе однихъ нервовъ производитъ въ душѣ зрѣніе, другихъ — слухъ, боль, запахъ и пр.; но этотъ секретъ

заключается въ тайнѣ соединенія души съ тѣломъ. Это одна изъ неразрѣшимыхъ тайнъ бытія. Но если какой либо фактъ непонятенъ, слѣдуетъ ли изъ того, что онъ и не существуетъ? Есть тысячи явленій дѣйствительныхъ, но непонятныхъ. Вотъ, если бы теорія, предложенная въ упомянутой Психологіи, объяснила намъ этотъ секретъ, тогда можно бы смѣло съ нею согласиться.

Третье возраженіе есть слѣдующее. »Не понятно, какъ душа распоряжается съ принятыми ею впечатлѣніями.« Объясняя эту мысль, авторъ говоритъ, что раздраженія нервовъ должны быть безконечно разнообразны, но какъ душа можетъ различать, какія ощущенія происходятъ отъ какихъ раздраженій? Какъ она можетъ узнать, какое впечатлѣніе есть фигура, какое — вкусъ, запахъ и пр.? Почему она знаетъ, что извѣстное впечатлѣніе есть домъ, городъ, лошадь и пр.? Далѣе, какъ душа можетъ извѣстныя впечатлѣнія отнести къ глазу, другія къ уху и пр.? Но возраженіе это очень слабо. Нѣтъ никакого труда, тѣмъ болѣе ничего невозможнаго для души, различать ощущенія, когда они сами по себѣ такъ различны между собою. Когда глаза мои открыты, я получаю извѣстныя впечатлѣнія; а когда закрываю ихъ, то эти впечатлѣнія исчезаютъ; когда заткну уши, то не имѣю тѣхъ ощущеній, которыя называю звуками; когда я вижу предъ собою предметъ, который называю домомъ, то стоитъ только отвести глаза, домъ исчезнетъ для меня, и явятся другія ощущенія. Словомъ, природа и опытъ легко научаютъ насъ различать впечатлѣнія и ощущенія и относить ихъ къ извѣстнымъ предметамъ: посему странно спрашивать почему мы знаемъ, что одно извѣстное впечатлѣніе есть домъ, другое лошадь?

Кажется впечатлѣніе дома и лошади слишкомъ между собою различны, а потому и различать ихъ не трудно.

Наконецъ, какъ слѣдствіи изъ всѣхъ сихъ возраженій, авторъ, вмѣстѣ со всѣми противниками опыта, выводитъ ту мысль, что если наблюдаемые предметы суть одни только чувственныя представленія, то мы не знаемъ вещей въ ихъ дѣйствительности и дойдемъ до идеализма.

Но въ предъидущемъ § мы видѣли, что, во 1-хъ, осязаніе наше показываетъ вещи такъ, какъ на самомъ дѣлѣ существуютъ: ибо плотность, протяженіе и проч., суть такія же въ ощущеніяхъ, какъ и въ дѣйствительности; во 2-хъ, и глаза наши представляютъ фигуру, величину, разстояніе и расположеніе предметовъ совершенно сходно съ дѣйствительностію; и въ 3-хъ, пропія наши ощущенія также, безъ всякаго сомнѣнія, имѣютъ своею причиною дѣйствительныя явленія; ибо если бы не было извѣстной причины, мы не имѣли бы ощущенія звуковъ; если бы не было атомовъ, способныхъ возбуждать чувство запаха, не имѣли бы ощущеній запаха. Однимъ словомъ, всѣ наши ощущенія суть превосходнѣйшія средства для изученія дѣйствительныхъ свойствъ предмета. Оптика и акустика, двѣ важнѣйшія части физики, обязаны своимъ развитіемъ зрѣнію и слуху.

§ 53.

НОВАЯ ТЕОРІЯ ЧУВСТВЕННОГО НАБЛЮДЕНІЯ И РАЗСМОТРѢНІЯ.

Посмотримъ теперь, какую теоріею хотѣли замѣнить то объясненіе ощущеній, которое основано на опытѣ и опытныхъ наблюденіяхъ?

Эта теорія называется *выступленіемъ сознанія*. »Тѣла и ихъ процессы подпадаютъ сознанію отъ того, что душа выступаетъ къ нимъ и поставляетъ себя въ непосредственное съ ними соприкосновеніе.«

Въ объясненіе сихъ словъ говорится, что нервная система не есть проводникъ чувственныхъ впечатлѣній, а проводникъ сознанія отъ средоточія ея къ предметамъ; что душа живетъ вездѣ по нервной системѣ, воспринимаетъ впечатлѣнія на мѣстѣ; что »душа можетъ даже выступать за нервную систему, впрочемъ не оставляя ее, и двигаться частію въ дѣйствіяхъ тѣлъ, а именно въ процессахъ свѣта и звуковъ, а частію достигать къ самымъ тѣламъ; что различныя чувства суть видоизмѣненія сознанія; что въ чувственныхъ нервахъ сознаніе движется разными способами и съ разною свободою и чистотою и проч.«

Величайшій недостатокъ сей теоріи заключается, во 1-хъ, именно въ томъ, что она есть теорія, а не наблюденіе, не опытъ, и притомъ теорія придуманная для объясненія такого явленія, которое понятно само собою. Когда мы анализировали, какъ человѣкъ видитъ, слышитъ, ощущаетъ: то не теорію придумывали, а изучали самый организмъ, прибѣгали къ физикѣ и физиологіи. Но не смѣшно ли, скажу болѣе, не преступленіе ли противу науки и здраваго смысла выдумывать теорію тамъ, гдѣ она не только не нужна, но и противна опыту! Это все равно, если бы физика для объясненія законовъ движенія и дѣйствій свѣта вздумала строить теорію, вмѣсто того, чтобы дѣлать опыты. Итакъ, если бы даже разбираемая нами теорія была очень остроумна, то и тогда она была бы бесполезна.

Во 2-хъ, физиологія ясно доказала, что всѣ впечатлѣнія органовъ, переносятся къ мозгу и оттуда къ душѣ: это, говорю, неоспоримый физиологическій фактъ. Здѣсь же, напротивъ, утверждается, что душа сама выступаетъ изъ мозга и поставляетъ себя въ соприкосновеніе съ предметами. Но неужели перерѣзка зрительнаго нерва мѣшаетъ душѣ выступать изъ мозга и поставятъ себя въ соприкосновеніе съ тѣлами? Да и для чего такое принаровленіе глазъ къ законамъ свѣта и — ушей къ законамъ звуковъ, если душа должна изъ нихъ только выступать? Физиологія приводитъ тысячи доказательствъ того, что безъ раздраженія глазнаго нерва, безъ впечатлѣнія, произведеннаго на него физическою причиною, нѣтъ ощущенія свѣта. — Вотъ одинъ простой опытъ, который намъ представился сейчасъ, и который можно сдѣлать всякому, во всякую минуту. Закройте глазъ и прижмите пальцемъ вѣку такъ, чтобы глазное яблоко подалось назадъ: вы увидите или ощутите кругъ темный внутри, но окаймленный свѣтлымъ ободочкомъ, составленнымъ изъ нѣсколькихъ цвѣтовъ радуги, особенно ярко будетъ въ немъ блистать желтый цвѣтъ. Спрашивается, отъ чего произошло это ощущение и куда выступила душа для его полученія? Очевидно, что здѣсь ощущение произошло единственно отъ раздраженія зрительнаго нерва, и душа ощутила это раздраженіе, не выступая никуда. Таковъ и тотъ опытъ, о которомъ мы говорили въ первой главѣ, именно: если пропускать гальваническій токъ чрезъ каждый изъ пяти нервовъ главныхъ чувствъ, то человѣкъ получаетъ соотвѣтствующія каждому органу ощущенія.

И сколько смѣшнаго въ этой теоріи! Изъ нея слѣ-

дуетъ напр.: что, если Гершель видѣлъ на небѣ въ своемъ гигантскомъ телескопѣ туманныя пятна, то это произошло отъ того, что душа его сквозь телескопъ поставила себя въ соприкосновеніе съ ними. Славныя же скачки производила душа Гершеля!

Въ 3-хъ, говорится, что нервная система устроена не для принятія чувственныхъ впечатлѣній, а для выступления по ней сознанія; что душа воспринимаетъ впечатлѣнія на мѣстѣ раздраженія нервовъ и проч. Все это еще болѣе противорѣчитъ опыту, физиологіи и физикѣ. Повторяю еще разъ и не престану повторять всегда, что если Психологія будетъ ставить себя въ такое явное противорѣчіе съ доказанными фактами, то она потеряетъ послѣднее довѣріе точныхъ умовъ. Эти уклоненія отъ фактовъ и опыта были причиною упадка философіи, причиною охлажденія и пренебреженія къ ней общества, а подобныя чувства весьма вредны для успѣховъ мышленія. Въмѣсто того, чтобы противорѣчить опытнымъ наукамъ, не лучше ли пользоваться ими при изслѣдованіяхъ и объясненіяхъ свойствъ души!

§ 54.

Что человекъ приобретаетъ посредствомъ ощущеній?

Показавши, какъ совершаются наши ощущенія, приступимъ теперь къ изложенію тѣхъ познаній, какими они обогащаютъ насъ. Такъ какъ всѣ свои познанія, все, что ни есть въ душѣ, мы приобретаемъ посредствомъ описанныхъ выше способностей, а между способностями

ми души раньше всего проявляется ощущение, которое притомъ есть основаніе всѣхъ другихъ: то первыя свои познанія или, вѣрнѣе, первые зародыши будущихъ познаній мы приобретаемъ посредствомъ ощущений. Но то, что мы приобретаемъ посредствомъ своихъ чувствъ, называется различно у разныхъ Психологовъ. Одни все приобретаемое чувствами называютъ идеями; другіе — представленіями; третьи — даже понятіями, хотя послѣднее названіе невѣрно. Мы будемъ употреблять первыя два названія. Надобно при этомъ еще помнить, что ощущенія наши только тогда начинаютъ служить матеріалами для познаній: когда вниманіе наше довольно уже укрѣпилось, потому что только посредствомъ вниманія люди замѣчаютъ и сравниваютъ свои ощущенія и слѣдовательно обращаютъ ихъ въ познанія.

§ 55.

Что мы узнаемъ посредствомъ осязанія?

Первое и основное наше чувство есть осязаніе. Простѣйшія представленія, приобретаемыя нами осязаніемъ, суть слѣдующія: 1-е, представленіе протяженія вещи, или ея непроницаемости, а потомъ и представленіе о пространствѣ; 2-е, представленіе большей или меньшей плотности тѣлъ; 3-е, представленіе различной температурѣ. Изъ этихъ представленій развивается множество другихъ, которыя можно назвать производными. Съ каждымъ прикосновеніемъ къ предмету мы осязаемъ одну изъ сторонъ ея поверхности. Взявъ въ соображеніе всѣ стороны, ограничивающія предметъ, и сли-

чивъ ихъ относительное положеніе, мы представляемъ себѣ, 4-е, форму того или другаго тѣла. Отличая одно тѣло отъ другаго мы, 5-е, составляемъ понятіе о числѣ или количествѣ. Сравнивая форму или протяженіе одного тѣла съ протяженіемъ другаго мы, 6-е, замѣчаемъ, что они равны или неравны между собою; отсюда происходитъ понятіе объ относительной величинѣ. Такимъ же образомъ мы узнаемъ различную величину мѣстъ и разстояній. Формы и разстоянія узнаются первоначально не чрезъ зрѣніе, какъ это кажется съ перваго взгляда, а чрезъ осязаніе, какъ доказали опыты надъ людьми слѣпыми, коимъ было открыто зрѣніе. Осязая стороны предмета не вдругъ, а постепенно одну послѣ другой, замѣчая также, что предметъ не всегда находится въ одинаковомъ отъ насъ разстояніи, мы находимъ новый признакъ бытія — движеніе. Предметъ перемѣняетъ свое положеніе съ большею или меньшею быстротою; при одинаковой быстротѣ движенія переходъ чрезъ различныя разстоянія бываетъ неодинаковъ; отсюда представленіе о продолженіи движенія, — о времени. 8-е, представленіе о жесткости, 9-е, о упругости и 10-е, о тяжести приобрѣтаются чрезъ сравненіе большей или меньшей степени сопротивленія, которое встрѣчаетъ органъ осязанія. Такимъ образомъ даже съ однимъ этимъ чувствомъ, даже несчастный отъ природы, лишенный зрѣнія и слуха, находитъ неизмѣримый источникъ познанія и наслажденія. Чрезвычайно трогателенъ и поучителенъ въ этомъ отношеніи рассказъ знаменитаго Англійскаго литератора Диккета, »въ Путешествіи по Америкѣ«, объ одной несчастной дѣвушкѣ, лишенной зрѣнія, слуха и языка, которую одинъ благодѣтельный докторъ сумѣлъ столько образовать, что она

получила понятіе даже о многихъ отвлеченныхъ предметахъ.

§ 56.

Слѣдствія изъ сказаннаго въ предъидущемъ §.

Ежели человѣкъ, лишенный зрѣнія и слуха, двухъ важнѣйшихъ и благороднѣйшихъ органовъ, отсутствіе которыхъ еще тѣмъ болѣе важно, что человѣкъ глухой бываетъ и нѣмъ, слѣдовательно бываетъ лишенъ величайшаго пособія для образованія души своей; ежели, говорю, такой человѣкъ, при помощи одного только осязанія, можетъ возвыситься до уразумѣнія столь отвлеченныхъ идей, каковы идея о пространствѣ и времени, бытіи, особенно объ отношеніи человѣка къ Богу и родителямъ: то изъ этого Психологъ можетъ и долженъ вывести заключенія, имѣющія величайшее значеніе въ дѣлѣ познанія души человѣческой. Выходитъ, что душа человѣческая, въ своемъ развитіи, не рабски подчиняется тѣлеснымъ органамъ, а стремится замѣнить недостатокъ однихъ органовъ и ощущеній другими органами и ощущеніями. Выходитъ, что совершенство ума и степень развитія души не находятся въ неизбѣжной зависимости отъ совершенства организма; что душа человѣческая есть существо энергическое, заключающее въ самомъ себѣ всѣ условія и зародыши къ извѣстному усовершенствованію и образованію; и что слѣдовательно весьма ложно думаютъ тѣ философы, которые причину всѣхъ совершенствъ души человѣческой ищутъ въ высшемъ развитіи ея тѣлеснаго организма, или въ дарѣ слова.

Кромѣ того, что многія животныя имѣютъ органы чувствъ и вообще устройство организма сходное, и даже почти равное съ человѣкомъ, эта возможность замѣнить однимъ осязаніемъ другія чувства и приобрести посредствомъ него общія идеи ясно указываютъ, что душа человѣческая сама въ себѣ заключаетъ стремленіе къ высшему образованію; и слѣдовательно она по самой сущности своей выше животной души. Слепые отъ рожденія, конечно, не знаютъ что такое цвѣтъ и свѣтъ, глухіе, конечно, не имѣютъ понятія о звукахъ и мелодіи; но между тѣмъ и для нихъ доступны самыя высшія идеи Богословія, физики, математики: слѣдовательно душа человѣческая и при недостаткѣ тѣлесныхъ орудій достигаетъ своего назначенія (*).

(*) Видѣ людей, лишенныхъ отъ природы нѣкоторыхъ орудій къ самоусовершенію, не достигшихъ до полнаго развитія способностей, всегда возбуждаетъ въ душѣ много мыслей. Видя, напр. глухонѣмаго, который имѣетъ всѣ понятія образованныхъ людей, невольно спрашиваешь себя. какъ онъ удерживаетъ въ памяти различныя идеи, мысли? Мы, т. е. люди, имѣющіе всѣ чувства названіе всѣхъ вещей и предметовъ сохраняемъ въ памяти болѣе по звукамъ, которыми онѣ выражаются. Когда я вижу на бумагѣ и читаю умственно слова: памятникъ, вода, человѣкъ и проч., то хотя не произношу громко этихъ словъ, но въ умѣ моемъ ясно представляю тѣ звуки, которые происходятъ при ихъ произношеніи; но нѣмой не имѣетъ представленія о звукахъ. слѣдовательно, когда онъ смотритъ на эти слова, то ему представляются не звуки, но вѣроятно фигуры тѣхъ предметовъ, кои означены сими словами; и когда онъ вспоминаетъ сіи слова въ умѣ, то они представляются ему не звукообразно, а фигурально, т. е. представляются фигуры самыхъ буквъ, составляющихъ сіи слова. Представимъ же себѣ глухо-нѣмо-слѣпago: Какъ выучить его чему нибудь? Какъ передать ему разныя мысли или названія разныхъ вещей? и возможно ли передать ему отвѣченныя идеи? Въ какой формѣ онъ можетъ сохранять въ умѣ идеи и мысли? Сообразивши все это, легко понять, какъ трудно должно быть образованіе такого существа. Осязаніе замѣняетъ ему всѣ чувства, всѣ средства къ образованію, и надобно стараться, чтобъ онъ однимъ этимъ средствомъ достигъ до пониманія всего. Дѣвочкѣ, о которой мы выше упоминали, обыкновенно давали ося-

§ 57.

Что душа узнаетъ посредствомъ вкуса и обонянія?

Изъ всѣхъ чувствъ, вкусъ и обоняніе сообщаютъ душѣ наименьшее количество ощущеній, и притомъ ощущеній довольно неопредѣленныхъ. Чувства эти даны человѣку, кажется, только для поддержанія тѣлесной жизни; и впечатлѣнія ихъ только личныя, тѣлесныя, но для образованія души они мало приносятъ пользы. Въ самомъ дѣлѣ, много ли можетъ узнать душа чрезъ эти чувства? Какія общія идеи или понятія можетъ вывести изъ сихъ впечатлѣній? Даже самый языкъ представляетъ мало словъ, означающихъ впечатлѣнія, производимыя разными предметами на сіи чувства. Всѣ слова выражаютъ опредѣленные и общія понятія о свойствахъ предметовъ, но горькость, сладость, кислота, выражаютъ собственно наши ощущенія, и при томъ, что одному кажется пріятнымъ на вкусъ, то другому часто представляется не пріятнымъ, и на оборотъ. Но несмотря на скудость и неопредѣленность впечатлѣній чувствъ вкуса и обонянія, и они доставляютъ небольшую долю свѣденій для души. И хотя они меньше другихъ чувствъ содѣйствуютъ образованію души человѣческой, но для тѣлесной жизни они, кажется, необходимѣе всѣхъ другихъ чувствъ.

затѣ известную вещь, а потомъ обозначали ея названіе на ея пальцахъ. *Послѣ* долговременной разлуки, она узнала мать свою, ощутивши у ней на груди крестъ, знакомый ей съ младенчества, и при этомъ обнаружила нѣжныя дѣтскія чувства.

§ 58.

О томъ, какія впечатлѣнія и ощущенія рождаются въ душѣ отъ органа зрѣнія?

Впечатлѣнія органа зрѣнія гораздо многообразнѣе, ощущенія ими производимыя въ душѣ многочисленнѣе и, слѣдовательно, свойства вещей и понятія, сообщаемыя ими, въ душѣ многочисленнѣе. Черезъ зрѣніе мы можемъ узнать: 1-е, протяженіе въ длину и ширину, 2-е, цвѣта, 3-е, фигуру предметовъ, 4-е, величину, 5-е, движеніе. Отсюда очевидно, что представленія, приобретаемыя душою черезъ зрѣніе, сходны съ тѣми, кои она приобретаетъ черезъ осязаніе, такъ что часто они сливаются въ душѣ и трудно бываетъ различить что душа знаетъ черезъ осязаніе, и что черезъ зрѣніе.

Только одни цвѣта предметовъ и ощущеніе свѣта и темноты суть такія представленія, кои исключительно принадлежатъ зрѣнію и никакими другими чувствами даны быть не могутъ. Всѣ другія представленія суть произведенія обоихъ этихъ чувствъ зрѣнія и осязанія, такъ что душа всегда повѣряетъ ощущеніе зрѣнія осязаніемъ и на оборотъ. Но величайшая важность для души чувства зрѣнія состоитъ въ томъ, что оно открываетъ новый міръ представленій нравственныхъ въ положеніи, движеніяхъ и особенно въ чертахъ лица другаго человѣка. Мы видимъ въ нихъ уже не одни ограниченія пространства, не одни переливы свѣта и тѣней, не холодныя формы вещества, но проявленія высшей жизни, символы чувствъ и мыслей. Уже младенецъ отгадываетъ, что значить улыбка на лицѣ матери, тихій

взоръ долго на немъ покоящійся, или слеза повисшая на ресницѣ. Смысль этихъ знаковъ дѣти понимаютъ безотчетно, не понимая еще, что такія же ощущенія въ нихъ самихъ выражаются такими же формами. Это знаки души безусловныя, а потому всеобщіе. Древніе, много ихъ наблюдавшіе, составили изъ того искусство. Извѣстно искусство одного мимика въ Римѣ, жившаго при Императорѣ Неронѣ. Этотъ человѣкъ движеніями тѣла выражалъ совершенно понятно всѣ мысли души, такъ что одинъ варварскій царь выпросилъ его для себя съ тою цѣлю, чтобы онъ служилъ всеобщимъ переводчикомъ между различными племенами, ему подвластными.

§ 59.

Что узнаетъ душа посредствомъ слуха?

Исключительное ощущеніе, получаемое отъ органа слуха, есть звуки. Слухомъ мы замѣчаемъ: 1-е, направленіе звуковъ, 2-е, пространство ими проходимое, ибо мы можемъ и умѣемъ судить издалика или изблизи звуки приходятъ къ намъ. Закрывши даже глаза, можно судить, откуда происходятъ звуки. Такъ одинъ слѣпой узнавалъ по голосу великъ ли ростъ разговаривающихъ съ нимъ. Другой опредѣлялъ съ величайшею точностію линію, до которой стоитъ вода въ графинѣ или въ стаканѣ. Съ впечатлѣніемъ звуковъ мы соединяемъ представленіе о большей или меньшей продолжительности ихъ времени. Но здѣсь, какъ и отъ впечатлѣній зрѣнія, важнѣе всего нравственныя представленія, возбуждаемыя въ насъ чрезъ звуки. Не понимая еще значенія

словъ, младенецъ по однимъ звукамъ, по интонаціи голоса, угадываетъ чувства говорящаго. Да и не только младенецъ, но и животныя, напр: собака очень хорошо отгадываетъ по голосу гнѣвъ или ласку своего господина. Запойте въ присутствіи дитяти или дикаря заунывную пѣснь, — на лицахъ ихъ выразится печаль, участіе и сожалѣніе; скажите что нибудь въ упрекъ, въ угрозу, — вы замѣтите въ ту минуту досаду и проч. Станьте читать стихи въ размѣрѣ и созвучіи, въ которыхъ отзывалось бы чувство живой радости и веселости, — дитя и дикарь запрыгають, или, по крайней мѣрѣ, черты ихъ фізіономіи выразятъ сочувствіе. Этотъ естественный, а потому живой, непосредственный языкъ чувства сохраняетъ все свое могущество надъ нашею душою и тогда, когда мы живемъ силою ума, и рѣчь другаго служить для насъ уже выраженіемъ отвлеченныхъ мыслей и идей. Въ каждомъ языкѣ междометія содѣйствуютъ выразительности рѣчи: въ нихъ слышится извѣстное потрясеніе сердца, потрясеннаго тою или другою мыслию. Каждое междометіе есть звукъ, выражающій вопль отчаяніе, вздохъ, радость, грусть и проч. Въ междометіи однимъ порывомъ голоса, вдругъ, повторяется то, что раздроблено во многихъ частяхъ фразы (*).

(*) Здѣсь кстати сдѣлать замѣчаніе о томъ, имѣють ли животныя какіе либо способы къ сообщенію другъ другу своихъ ощущеній и сообщаютъ ли ихъ? Тысячи опытовъ и наблюденій надъ нравами и жизнью животныхъ, особенно животныхъ, живущихъ обществами, показываютъ намъ, что они умѣють передавать другъ другу свои ощущенія и, кажется, достигаютъ этого посредствомъ одной интонаціи голоса. Вотъ одинъ любопытный случай, бывший со мною. Однажды, въ началѣ лѣта, я вышелъ рано утромъ прогуляться. Проходя мимо небольшой рощи, я замѣтилъ подъ однимъ деревомъ молодаго вороненка и сталъ приближаться къ нему: вдругъ, прямо надъ собою, я услышалъ пронзительное

§ 60.

О совмѣстномъ дѣйстви всѣхъ чувствъ.

Душа человѣческая принимаетъ впечатлѣнія не рабски, но подвергаетъ ихъ сужденію, размышляетъ объ нихъ, изыскиваетъ ихъ начало, подлинность, старается повѣрить впечатлѣнія одного чувства впечатлѣніями другаго и т. д. Такой повѣркѣ чувствъ мы научаемся съ самыхъ первыхъ дней своего бытія, какъ это и было объяснено при анализѣ чувствъ, въ первой главѣ. — Въ душѣ нашей ощущенія, получаемыя отдѣльно отъ разныхъ чувствъ, сливаются и образуютъ одно стройное цѣлое, такъ что окончательное представленіе обо всѣхъ чувственныхъ предметахъ составляетъ въ слѣдствіе сличенія впечатлѣній всѣхъ чувствъ. Чтобъ судить о совмѣстномъ дѣйстви всѣхъ чувствъ, представимъ себѣ, что человѣкъ слѣпой отъ рожденія замѣтилъ, по одному осязанію, различіе формы двухъ тѣлъ, кругаго и четырехъ-угольнаго, и составилъ себѣ представленіе о круглой и четырехъ-угольной фигурахъ только на основаніи впечатлѣній одного осязанія. Предста-

---

карканье самки, которая, вѣроятно, сторожила его. Она сильно билась, налетала на меня, кусала со злости вѣтви деревъ, но видя, что я схватилъ вороненка, и особенно услышавъ жалобный его пискъ, мгновенно поднялась надъ рощею и стала каркать самымъ отчаяннымъ образомъ, какъ бы призывая кого-то на помощь. Не прошло и двухъ минутъ, какъ налетѣла цѣлая стая воронъ, и дружно привялась отбивать у меня добычу. Опытъ-этотъ я повторялъ нѣсколько дней сряду. Очевидно было, что ворона особымъ крикомъ своимъ успѣвала передавать другимъ чувство страха и гнѣва, и какъ бы просила ихъ о помощи. Этотъ и другіе опыты ясно показываютъ, какое благодѣтельное орудіе даже простыя односложныя звуки для передачи душевныхъ движеній и сколько представленій рождается въ душѣ отъ однихъ интонацій голоса.

вимъ же себѣ, что такой человекъ вдругъ получаетъ зрѣніе — и мы, показывая ему эти двѣ фигуры, спрашиваемъ, какъ онѣ называются: едва ли онъ въ состояніи будетъ сказать, какая изъ нихъ круглая и какая четырехъ-угольная до тѣхъ поръ, покуда онъ не осяжетъ ихъ, и такимъ образомъ не припомнить свои прежнія ощущенія. Причина здѣсь та, что мы всегда повѣряемъ и сравниваемъ ощущенія зрѣнія и осязанія другъ съ другомъ, т. е. мы знаемъ, какой видъ имѣеть для глазъ тотъ предметъ, который по осязанію кажется круглымъ, и на оборотъ. Слепые опредѣляютъ также по осязанію цвѣта матерій и предметовъ, слѣдовательно они замѣчаютъ, что извѣстное ощущеніе пальцевъ происходитъ отъ того цвѣта, который зрячіе называютъ краснымъ, другое отъ бѣлаго и проч.; но если бы имъ открыть глаза и потребовать, чтобы они по одному зрѣнію указали разныя цвѣта, то едва ли они будутъ въ состояніи это сдѣлать. Часто звуки слышатся намъ не съ той стороны, откуда они происходятъ, а совершенно съ противоположной; но зрѣніе и привычка научаютъ насъ узнавать истинное направленіе звуковъ. Когда вдали стрѣляютъ изъ пушки, или заблеститъ молнія: то мы гораздо ранѣе видимъ свѣтъ, а уже потомъ слышимъ звукъ выстрѣла или грома, но все таки знаемъ, что свѣтъ и звукъ являются одновременно. Если бы собрать по больше подобныхъ фактовъ, то они показали бы намъ, что чувства часто могутъ насъ вводить въ заблужденіе, если ихъ не повѣрять размышленіемъ. Одно только осязаніе есть такое чувство, котораго впечатлѣнія всегда одинаковы и безошибочны, и потому одно не вводитъ человека въ заблужденіе.

§ 61.

О важности сихъ ощущенийъ.

Важность всего, что мы приобретаемъ посредствомъ своихъ ощущенийъ открывается :

1-е. Изъ того, что все приобретаемое чрезъ ощущенія становится матеріаломъ всѣхъ нашихъ познаній. Душа или прямо превращаетъ ихъ въ простыя представленія, а чрезъ разнообразное сочетаніе представленій составляетъ цѣлыя познанія, или же дѣлаетъ ихъ основаніемъ для извлеченія, посредствомъ умозаключеній, такихъ понятій и познаній, кои можно назвать совершенно новыми.

Нѣкоторые Психологи не соглашались съ тѣмъ, чтобы ощущенія прямо переходили въ представленія; но пусть они скажутъ, что такое представленіе о бѣлизнѣ, какъ не простое воспоминаніе впечатлѣнія, которое бѣлый предметъ производитъ на насъ. Пусть скажутъ, что такое возобновленіе въ душѣ образа представляемаго предмета? Слово представленіе само въ себѣ заключаетъ такое объясненіе. Вникните въ состояніе своей души, когда она представляетъ что либо, и вы увѣритесь, что это представленіе есть чистое воспоминаніе представляемаго. Напр.: когда я хочу представить знакомаго, но отсутствующаго человѣка: то я вспоминаю его фигуру, одежду, черты лица, привычки, движенія, рѣчь; словомъ, стараюсь оживить, возобновить въ себѣ всѣ тѣ ощущенія, какія получилъ отъ него, когда видѣлъ и говорилъ съ нимъ. Вотъ отчего предметы видѣнные и, такъ сказать, прочувствованные мы представляемъ лучше, нежели тѣ, кои знакомы намъ по одному описанію,

или по разсказамъ. Вотъ отъ чего также предметы міра физическаго мы преставляемъ лучше нежели предметы міра невидимаго или отвлеченные. Послѣднимъ же мы всегда стараемся придать формы чувственныхъ предметовъ. Намъ могутъ возразить: возможно ли, чтобы человѣкъ изъ нѣсколькихъ десятковъ простыхъ представленій, доставляемыхъ внѣшними чувствами, могъ составить безчисленное множество познаній, коими онъ обладаетъ. Но пусть говорящіе это вспомнятъ о томъ, какъ человѣкъ десятию ариѳметическими знаками можетъ изобразить безчисленныя суммы, или какъ изъ 24-хъ буквъ составилъмилліоны книгъ. Въ томъ-то и открывається величіе души нашей, что она изъ небольшого матеріала могла извлечь и будетъ всегда извлекать безчисленныя познанія. Вникните въ устройство природы: Творецъ изъ немногихъ, даже можно сказать изъ двухъ или трехъ формъ и знаковъ, извлекъ все разнообразіе бытія.

2-е. Но важнѣйшее послѣдствіе нашихъ ощущеній есть то, что они возбуждаютъ въ насъ вниманіе. Нѣтъ нужды доказывать, что вниманіе наше всегда есть слѣдствіе ощущеній и безъ нихъ существовать не можетъ. Всякій можетъ понять, что если бы у него были закрыты всѣ чувства, то душа его находилась бы въ какомъ-то сонномъ состояніи, и ничто не возбуждало бы ея вниманія. Еще болѣе можетъ убѣдить насъ въ необходимой связи между вниманіемъ и ощущеніями наблюденіе надъ постепеннымъ проявленіемъ сей способности у дѣтей. Дѣти сначала всѣ ощущенія принимаютъ механически, т. е. они не сознаютъ ихъ и не приписываютъ себѣ своихъ ощущеній, т. е. не догадываются, что извѣстныя ощущенія происходятъ именно въ нихъ; но послѣ того,

какъ одни и тѣже ощущенія повторяются нѣсколько разъ, въ нихъ мало помалу возникаетъ вниманіе. Первый проблескъ вниманія, безъ сомнѣнія, состоитъ въ томъ, что дитя начинаетъ останавливаться на своихъ ощущеніяхъ, прислушиваться къ нѣкоторымъ звукамъ, прятаясь къ нѣкоторымъ предметамъ и проч. Тутъ же и почти неразрывно съ этимъ первоначальнымъ дѣйствіемъ вниманія, у дитяти проявляется способность различать одни ощущенія отъ другихъ: слѣдовательно вниманіе всегда сопровождается сужденіемъ, или что тоже замѣчаніемъ того, на что душа обратила вниманіе.

§ 62.

Всякое сужденіе по сущности своей тождественно съ представленіемъ.

Въ представленіяхъ нашихъ о предметахъ заключаются зародыши всѣхъ сужденій объ нихъ. Судить о предметѣ значитъ что либо ему приписать или отрицать отъ него; значитъ — находить сходство и различіе его съ другими предметами, или находить вообще отношеніе одного предмета къ другимъ. Но все приписываемое нами предмету уже содержится въ представленіи этого предмета, если только это представленіе вѣрное и полное: ибо мы иначе не имѣемъ основанія что либо приписать предмету. Напр: всѣ сужденія о камнѣ: камень есть тѣло, камень имѣетъ протяженіе, камень тяжелъ, камень круглъ, камень дѣлится и прочъ заключаются въ представленіи о камнѣ: ибо я всѣ сіи качества, приписываемыя камню въ сужденіяхъ, нахожу въ своемъ представленіи объ этомъ предметѣ, иначе я не могъ бы и при-

писать ихъ ему. Отсюда ясно, что всякое сужденіе въ сущности есть сужденіе тождественное. Такъ всѣ сужденія о камнѣ и множество другихъ, которыя только можно составить объ немъ, суть видоизмѣненія слѣдующаго тождественнаго сужденія: камень есть камень.

Но на это могутъ возразить такъ: если всѣ сужденія тождественны; если все, что я могу утверждать, напр: о камнѣ, заключается въ простомъ представленіи камня: то какое назначеніе имѣютъ эти сужденія? Чѣмъ они отличаются отъ представлений, а главное, какъ онѣ могутъ умножать познанія наши? Такъ точно возражаетъ Кантъ, который доказываетъ, что аналитическія сужденія не увеличиваютъ суммы нашихъ познаній, а только уясняютъ ихъ. Увеличеніе же познаній, по словамъ его, происходитъ отъ сужденій синтетическихъ. Далѣе мы увидимъ вѣрно ли подобное раздѣленіе сужденій на аналитическія и синтетическія, а здѣсь постараемся показать, что хотя всѣ сужденія наши дѣйствительно тождественны, но тѣмъ не менѣе имѣютъ великое значеніе въ приобрѣтеніи познаній.

§ 63.

Объ отношеніяхъ между представленіями и сужденіями.

Сужденія, во 1-хъ, выражаютъ отчетливо и сознательно то, что заключено въ представленіяхъ и, во 2-хъ, исправляютъ и дополняютъ самыя представленія о предметахъ. Представленія наши нельзя еще въ строгомъ смыслѣ назвать познаніями; познаніями они становятся лишь тогда, когда душа наша разлагаетъ ихъ посредствомъ

суждений на составныя части; когда разсудок отчетливо и сознательно выразитъ все ихъ содержаніе въ формѣ суждений. Напр., простое представленіе о магнитѣ есть воспоминаніе того впечатлѣнія, какое магнитъ производитъ на наши чувства, и больше всего его свойства притягивать желѣзо; но такое представленіе нельзя еще назвать знаніемъ магнита. Познаніе же о магнитѣ будетъ ясное, отчетливое, и въ послѣдовательномъ порядкѣ расположенное сознаніе, или что то же, сужденіе о свойствахъ магнита. Само собою разумѣется, что такое сознаніе заключается нѣкоторымъ образомъ въ самомъ представленіи, но заключается не такъ ясно и отчетливо, какъ въ сужденіи. Здѣсь всѣ свойства магнита выражаются и приписываются ему сознательно и, слѣдовательно, неотъемлемо и окончательно.

2-е. Представленія наши о предметахъ, какъ непосредственныя слѣдствія впечатлѣній и ощущеній, бываютъ часто невѣрны и всегда почти неполны и недостаточны. Сколько есть въ человѣкѣ невѣрныхъ представленій; пришедшихъ въ душу разными путями, принятыхъ умомъ безотчетно; но, когда коснется ихъ разсудокъ, они исправляются, ложное отбрасывается, истинное остается. Дѣло суждений или разсудка произвести это исправленіе, а главное — дополнить представленія; и въ этомъ-то отношеніи сужденія увеличиваютъ наши познанія. Когда я начну, посредствомъ разсудка, анализировать свои представленія о предметѣ, или еще лучше, когда я наблюдаю самый предметъ и стараюсь составить какъ можно болѣе сужденій объ немъ: то всегда открою такія свойства, которыхъ не было въ простомъ представленіи сего предмета. Возьмемъ, напр., опять представле-

ніе о магнитѣ. Доколѣ разсудокъ не коснулся этого представленія, въ немъ немного заключено признаковъ; но когда онъ начнетъ анализировать его, то найдетъ множество новыхъ признаковъ, составитъ новыя сужденія; слѣдовательно познаніе, также какъ и представленіе объ немъ, дѣлается полнѣе и совершеннѣе. Еще лучше, ежели при этомъ и самый магнитъ будетъ подлежать нашимъ чувствамъ, и ежели мы будемъ надъ нимъ производить опыты: тогда познаніе о магнитѣ будетъ всестороннее.

§ 64.

ОБЪ ОТВЛЕЧЕНИИ.

Самое важное и благотворное дѣйствіе есть отвлеченіе. Отвлеченіе состоитъ въ томъ, что разсудокъ отдѣляетъ какое либо свойство вещи отъ самой вещи и дѣлаетъ его предметомъ особыхъ сужденій. Напр: бѣлый цвѣтъ отдѣльно отъ предметовъ не существуетъ; но мы можемъ разсуждать о бѣлизнѣ сколько угодно, не имѣя въ виду никакой бѣлой вещи. Точно также можно разсуждать о всякомъ другомъ свойствѣ вещей отвлеченно, отдѣльно и независимо отъ нея. Если мы вникнемъ глубже въ устройство нашихъ способностей и въ систему человѣческихъ познаній, то увидимъ, какую великую важность имѣетъ въ дѣлѣ мышленія это дѣйствіе разсудка. Большая часть человѣческихъ сужденій основана на отвлеченныхъ идеяхъ; самая лучшая и точнѣйшая часть человѣческаго познанія — математика, имѣетъ предметомъ также отвлеченныя сужденія и понятія о числахъ, величинахъ, о пространствѣ и его формахъ. Наконецъ безъ этой благодѣтельной способности мы не

могли бы и вести рѣчи другъ съ другомъ, ибо большая часть словъ означаетъ отвлеченныя понятія.

§ 65.

Классификація.

Представленія наши первоначально всегда бываютъ единичныя и простыя: ибо они суть ощущенія предметовъ природы, а въ природѣ, какъ извѣстно, существуютъ только единичные предметы, которые, дѣйствуя на наши чувства, раждаютъ и представленія единичныя. Но человѣкъ не могъ дать особаго названія каждой и отдѣльной единицѣ: ибо пришлось бы выдумывать безчисленное множество словъ, а это невозможно, да если бы и было возможно, то обременило бы языкъ излишними словами и затруднило бы сообщеніе мыслей. Чтобы устранить такое неудобство, человѣкъ не сталъ придумывать названій для каждой отдѣльной единицы предметовъ, но раздѣлилъ всѣ предметы, въ природѣ существующіе, на классы или разряды, назвавъ эти классы родами и видами, и только имъ далъ названія. Напр. при взглядѣ на царство растительное намъ представляются миллионы особей; каждой изъ нихъ давать отдѣльное названіе нѣтъ возможности; но къ счастью, особи эти похожи другъ на друга, вотъ почему мы раздѣлили ихъ на группы и назвали, напр: деревьями — такія растенія, коихъ стволъ поднимается до нѣкоторой высоты, раздѣляясь на многіе сучки. Главный этотъ классъ назвали мы *родомъ*. Замѣтивъ потомъ, что деревья различны по величинѣ своей, по строенію, по плодамъ, этотъ главный родъ мы раздѣлили на классы, подчиненныя перво-

му и сія послѣдніе назвали *видами*. Повторимъ еще разъ, что подобное раздѣленіе предметовъ на классы весьма благотѣльно. Представьте себѣ, что всякая отдѣльная единица въ природѣ имѣла бы свое названіе; тогда рѣчь наша уподоблялась бы той грамотѣ, въ которой нѣтъ буквъ и каждый предметъ и каждое слово обозначается особымъ знакомъ; тогда у насъ не достало бы времени на одно заучиваніе названій. Между тѣмъ природа сама облегчила человѣку трудъ такого дѣленія вещей на виды и роды: ибо она производитъ единицы, всегда схожія между собою, т. е. одаренныя одними и тѣми же признаками. Отсюда очевидно, что на языкѣ человѣческомъ всѣ слова, за весьма малымъ исключеніемъ, означаютъ понятія общія.

Видя какъ полезна и сколь необходима для успѣховъ образованія и языка подобная классификація, можно бы подумать, что она есть слѣдствіе глубоко соображеннаго плана; что ее составилъ въ первый разъ какой либо умный философъ; и что всякій человѣкъ понимаетъ ее лишь вслѣдствіе долгаго изученія: ничего не бывало! Можно сказать, что одна природа научила насъ дѣлать подобную классификацію. Недаромъ говорится, что нужда — лучший учитель. Опытъ оправдалъ наилучшимъ образомъ эту поговорку и въ разбираемомъ нами случаѣ; ибо одна нужда заставила людей дѣлать подобную классификацію и дѣлать съ самаго ранняго возраста. Дитя, которому вы, указывая на извѣстный предметъ, сказали, что онъ называется деревомъ, не задумываясь назоветъ этимъ же именемъ всякое другое дерево: потому что оно замѣчаетъ сходство между ними. Дитя сдѣлаетъ это слово слишкомъ обширнымъ; оно будетъ

называть деревомъ даже всякое растеніе: ибо ему легче употребить то слово, которое ему извѣстно, нежели выдумывать новое.

Итакъ роды и виды суть собственно слова или общія названія многихъ сходныхъ предметовъ; а потому не должно думать, чтобы этимъ словамъ въ природѣ соответствовали какіе либо опредѣленные предметы. Въ природѣ не существуетъ дерево въ общемъ смыслѣ, даже не существуетъ березы вообще, а есть множество отдѣльныхъ деревьевъ, которымъ мы дали имя березы. Въ природѣ не существуетъ человѣка въ общемъ смыслѣ, а есть Петръ, Иванъ, Алексѣй, Николай и проч. Кто сталъ бы утверждать противное, былъ бы похожъ на того живописца, который захотѣлъ бы нарисовать портретъ человѣка вообще. Но какія же умственные представленія соответствуютъ этимъ родовымъ и видовымъ словамъ. Имъ соответствуютъ представленія признаковъ и свойствъ общихъ всѣмъ предметамъ, которые означаютъ сими словами. Кажется подобное объясненіе просто и согласно съ самымъ существомъ дѣла; но есть люди утверждающіе, что въ природѣ существуютъ роды и виды, а другіе дошли даже до того, что доказывали будто въ природѣ существуютъ одни роды и виды, а не единицы. Но очевидно, что подобныя разсужденія окажутся не точными, если только вникнемъ, что мы представляемъ подъ словами: растеніе, звѣрь и проч. Очевидно, что слово растеніе означаетъ соединеніе признаковъ, принадлежащихъ не одному, а многимъ единицамъ. Слово звѣрь раждаетъ въ умѣ представленіе не о какомъ либо отдѣльномъ существѣ, а есть соединеніе свойствъ тысячи отдѣльныхъ существъ. Правда, что природа, какъ мы

сказали, положила основаніе нашему дѣленію на роды и виды, произведши множество сходныхъ существъ и предметовъ; но все таки она произвела единицы. Если я вамъ скажу: укажите мнѣ на растеніе въ общемъ смыслѣ, на ученика вообще: то вы принуждены будете указать на единицы, которыя заключаютъ въ себѣ гораздо болѣе признаковъ, нежели сколько я понимаю подъ сими словами.

§ 66.

Въ чемъ состоитъ недостатокъ нѣкоторыхъ слабоумныхъ и помѣшанныхъ людей?

Если мы внимательно станемъ наблюдать за нѣкоторыми слабоумными людьми: то откроемъ, что недостатокъ ихъ состоитъ, то въ совершенномъ отсутствіи, то въ самомъ развитіи одной или нѣсколькихъ душевныхъ способностей. Человѣкъ, который имѣетъ мало представленій, да и тѣхъ не умѣетъ сравнивать между собою, не понимая ихъ сходства и различія, который не способенъ дѣлать отвлеченій, а слѣдовательно и хорошо мыслить, долженъ казаться слабоумнымъ. Понятія и сужденія такого человѣка вертятся на идеяхъ близкихъ и мимоулетныхъ, но о предметахъ, требующихъ большаго умственнаго напряженія, онъ не можетъ судить. Но состояніе нѣкоторыхъ помѣшанныхъ бываетъ совершенно иное. Они, кажется, не утрачиваютъ способности правильно судить, но, ложно сочетавши въ своемъ умѣ нѣкоторыя представленія, по одному воображенію, выводятъ оттуда ложныя умозаключенія, хотя выводятъ правильно. Таково состояніе человѣка, который вообразилъ себѣ,

что онъ царь и требуетъ царскихъ почестей; или другаго, который какимъ-то образомъ убѣдилъ себя, что у него стеклянные ноги, и весьма правильно выводитъ заключение, что ему надо беречься, чтобъ онѣ не сломались. Подобные люди умствуютъ правильно, хотя ихъ умозаключенія ложны, ибо выведены изъ ложнаго представленія. Это представленіе въ нихъ есть то, что извѣстно подъ именемъ *idée fixe*. Люди преданные *idée fixe* рѣдко обнаруживаютъ разстройство во всѣхъ способностяхъ: слѣдовательно въ нихъ трудно понять только одно, какимъ образомъ они могли остановиться на этой идеѣ и убѣдить себя въ ея дѣйствительности. Все прочее въ нихъ происходитъ весьма послѣдовательно и логически правильно: ибо какъ скоро кто нибудь убѣдилъ себя, что у него стеклянные ноги, то естественно, что онъ боится встать, боится дотронуться до нихъ и проч. Въ этомъ случаѣ помѣшанный похожъ на всякаго человѣка, умствующаго на ложныхъ основаніяхъ.

§ 67.

Что такое остроуміе?

Не трудно понять и убѣдиться, что разсудокъ не у всѣхъ людей бываетъ одинаковъ, но что онъ имѣетъ различныя оттѣнки у разныхъ людей. Отсюда происходитъ, что нѣкоторые люди бываютъ *остроумны*, т. е. легко и быстро составляютъ сужденія и притомъ находятъ сходство между такими представленіями, кои другимъ кажутся не похожи. Поэтому странно видѣть, что остроуміе во многихъ Психологіяхъ называется особою способностію и разбирается, не какъ качество вообще раз-

судка, но какъ отдѣльная сила души. Но если дѣлать подобныя дробленія, то отыщутся десятки и сотни отдѣльных способностей. Конечно въ разговорахъ часто употребляютъ выраженія: онъ имѣетъ способность переразвивать другихъ, онъ способенъ къ тому или другому, но смѣшно основываться на такихъ выраженіяхъ! Остроуміе заключается въ особеннаго рода сужденіяхъ, а сужденія принадлежатъ разуму: слѣдовательно, остроуміе есть качество разсудка, а не особая способность души (*).

§ 68.

О дѣятельности ума.

Участіе способности умозаключеній, или разума, въ

(*) Сколько произошло бесполезныхъ дробленій, сколько внесено темноты и запутанности въ Психологію отъ желанія, во что бы ни стало, быть оригинальнымъ, глубокомысленнымъ. Что означаютъ, напр., сіи слова: «разсудокъ, какъ мыслительная способность души, есть сознаніе, которое свободно движется внутри познаній» (см. Психол. Новиз. § 166). Какъ ни стараюсь не могу понять, что такое свободное движеніе сознанія, да еще внутри познаній! Если разсудокъ есть движеніе сознанія въ познаніяхъ, то выходитъ что душа не разсудкомъ пріобрѣтаетъ познанія, а двигается имъ внутри готовыхъ познаній: но эта мысль противорѣчитъ назначенію разсудка, ибо разсудокъ долженъ умножать познанія составленіемъ сужденій, сличеніемъ представлений и проч. Но еще болѣе затрудняюсь, когда читаю дальше: «Существенное направленіе разсудка есть мышленіе, есть движеніе сознанія въ познаніяхъ какъ творчество, но въ отличіе отъ него, направленное къ истинѣ.» Мышленіе есть существенное отправление не одного разсудка, а всей души со всѣми ея силами и способностями. Хорошо мышленіе, въ которомъ не участвуетъ память, воображеніе, умозаключеніе и проч.: но пусть такъ! Пусть мышленіе есть существенное отправление разсудка, но что такое самое мышленіе? «Свободное движеніе сознанія въ познаніяхъ.» Откуда же рождаются наши познанія, если мышленіе только двигается въ готовыхъ познаніяхъ? Мнѣ всегда казалось, что чловѣкъ познанія свои пріобрѣтаетъ чрезъ мышленіе, а тутъ выходитъ не то. Нѣтъ! истинно бесполезно такъ выражаться! Не объясняютъ ничего такіа выраженія, не внушаютъ они никакихъ свѣтлыхъ мыслей, а только питають умъ призраками, вмѣсто дѣйствительности! . . . .

дѣль пріобрѣтенія и распространенія познаній, гораздо важнѣе и значительнѣе, чѣмъ участіе всѣхъ другихъ способностей. Строго говоря, мы познанія пріобрѣтаемъ только посредствомъ одной этой способности. Анализируя разсудокъ, мы видѣли, что онъ назначенъ не столько къ умноженію познаній, сколько къ отчетливому сознанію того, что заключено въ представленія, такъ что разсудокъ лишь разлагаетъ представленія; но способность умозаключеній извлекаетъ изъ нѣкоторыхъ представленій и сужденій новыя сужденія, кои хотя и заключаются въ нихъ, но скрытно, и чрезъ это пріобрѣтаетъ новое сужденіе, и слѣдовательно — новое познаніе. Способность умозаключенія есть способность, такъ сказать, научная въ томъ отношеніи, что всѣ почти науки обязаны своимъ развитіемъ исключительно ей. Всѣ открытія въ области наукъ, всѣ изобрѣтенія, глубокія изслѣдованія и системы ей одной обязаны своимъ бытіемъ. Всякій разъ, когда умъ ученаго находитъ новый законъ, или новое объясненіе какого либо явленія, онъ дѣлаетъ это посредствомъ умозаключенія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ повторяется то, что было съ Ньютономъ, когда онъ, по поводу упавшаго предъ нимъ съ дерева яблока, открылъ законъ тяготѣнія. Геніальный ученый силою умозаключенія, изъ этого обыденнаго явленія, вывелъ всеобщій законъ матеріи; но точно тоже, такой же случай, только въ безконечно меньшихъ размѣрахъ, повторяется не только со всѣми учеными, но даже и со всякимъ изъ насъ въ ежедневной жизни. Мы всегда стараемся извлекать изъ однихъ сужденій другія, въ нихъ заключающіяся: по однимъ явленіямъ заключаемъ о возможности или дѣйствительности другихъ явленій. Каждая мысль, каж-

дое даже слово становится основаніемъ новыхъ сужденій и мыслей. Но самое частое и употребительнѣйшее умозаключеніе бываетъ отъ причины къ слѣдствію и обратно. Мы увидимъ далѣе отъ чего предложеніе: всякая причина производитъ слѣдствіе и, на оборотъ, всякое явленіе предполагаетъ причину, имѣетъ такую силу и всеобщность. Вездѣ, гдѣ есть явленіе, мы ищемъ его причину, зная, что изъ ничего не можетъ произойти никакого явленія. Содержаніе многихъ наукъ, напр. физики, есть изысканіе и объясненіе причинъ извѣстныхъ явленій. Въ особенности же философія и преимущественно та часть, которая называется Психологіею, основывается на умозаключеніяхъ. Предметъ Психологіи — душа человѣческая, но она не подлежитъ внѣшнимъ чувствамъ: слѣдовательно, все что мы знаемъ о ней, знаемъ посредствомъ умозаключеній, основанныхъ на наблюденіяхъ и явленіяхъ внутренняго опыта. О бытіи души, объ ея свойствахъ, ея сущности мы угадываемъ изъ разсмотрѣнія ея дѣятельности.

§ 69.

Понятія.

Всѣ усилія свои душа обращаетъ къ тому, чтобы понять тотъ или другой предметъ. Послѣдняя цѣль ея познавательной дѣятельности есть та, чтобы составить себѣ понятія о каждомъ предметѣ порознь и цѣлую систему понятій о всемъ мірѣ видимомъ и невидимомъ. Посему понятія суть плодъ умственныхъ трудовъ; они составлены изъ всего, что душа могла узнать усиліями всѣхъ своихъ способностей. Они состоятъ изъ многихъ

представлений и суждений, а часто изъ многихъ умозаключеній: таковы, напр., понятія, выраженные словами — душа, способность, тѣло, умноженіе, дѣленіе, и проч. Слѣдовательно они отличаются отъ представлений и умозаключеній тѣмъ, что сіи послѣднія входятъ въ него, какъ составныя части. Напр., если воображеніе рисуетъ предо мною просто фигуру человѣка, то это будетъ представленіе о человѣкѣ. Когда же я начну разбирать составныя части человѣка, то рождается множество суждений о немъ. Наконецъ, когда изъ всѣхъ этихъ суждений составилось нѣчто цѣлое, соотвѣтствующее самому предмету: то въ головѣ моей образуется самое понятіе о человѣкѣ, ибо въ такомъ случаѣ я понялъ человѣка. Посему человѣкъ съ развитыми понятіями есть тотъ, кто имѣетъ наибольшее число вѣрныхъ суждений о многихъ предметахъ; напротивъ того, человѣкъ, который имѣетъ ограниченное число суждений о нѣкоторыхъ предметахъ, а о многихъ другихъ совсѣмъ не слыхалъ, называется ограниченнымъ, несвѣдущимъ.

Составныя части нашихъ понятій указываютъ и на происхожденіе ихъ. Одни изъ нихъ составляются въ насъ въ продолженіе всей жизни постепенными усиліями ума; другіе мы приобретаемъ при научномъ образованіи; третьи — изъ книгъ и изъ разговоровъ и проч. Вообще можно сказать, что исторія происхожденія въ насъ понятій есть исторія нашего умственного образованія. Часто въ младенчествѣ мы сами образуемъ себѣ понятія, произвольно соединяя свои простыя представленія: отчего понятія эти бываютъ фантастическія, сказочныя. Но самый обширный источникъ нашихъ понятій, это — объясненіе тѣхъ словъ, коими они обозначаются на

языкъ человѣческомъ. Въ самомъ дѣлѣ, во время ученія и преподаванія наукъ, для передачи дѣтямъ разныхъ научныхъ понятій, объясняютъ имъ самыя слова, коими сии понятія обозначаются. Такъ образовалась большая часть понятій у людей ученыхъ. Что же касается до людей безграмотныхъ, то они о предметахъ близкихъ къ ихъ состоянію и занятіямъ сами себѣ стараются образовать понятія. Почему эти люди, большею частію, не имѣютъ вѣрныхъ понятій о тѣхъ предметахъ, которые не касаются ихъ занятій, и всегда склонны къ суевѣріямъ и заблужденіямъ. Главнѣйшія и важнѣйшія понятія ума суть понятія о субстанціяхъ и объ отношеніяхъ этихъ субстанцій другъ къ другу.

§ 70.

О СУБСТАНЦІЯХЪ.

Подробный разборъ всѣхъ понятій о субстанціяхъ завелъ бы насъ слишкомъ далеко, и притомъ такой разборъ есть болѣе дѣло Логики, чѣмъ Психологіи; а потому постараемся здѣсь объяснить только: 1-е, что такое собственно субстанція, какъ понятіе; 2-е, о какихъ субстанціяхъ человѣкъ составилъ и можетъ составить себѣ понятіе?

Слово субстанція происходитъ отъ латинскаго слова *substo*, стою подъ чѣмъ нибудь, поддерживаю. Отсюда субстанціею какой либо вещи или существа называется самая его сущность, совмѣщающая и раждающая всѣ его свойства и силы. Напр., возьмемъ камень: свойства, которыя мы находимъ въ камнѣ: протяженіе, величи-

ну, фигуру, плотность, тяжесть и проч., предполагаются принадлежностями какой-то внутренней сущности камня, которая и есть его субстанція. Разумѣется, что для пытливаго ума весьма желательно бы знать, существуетъ ли въ этомъ смыслѣ субстанція, или эти внѣшнія свойства, которыя мы открываемъ въ камнѣ, да и во всякомъ тѣлѣ, и суть самая сущность ихъ? Но трудно нашему уму дойти до рѣшенія этой великой задачи. Точно также и касательно души: ощущенія, воля и прочія ея силы суть ли однѣ явленія ея, или самая ея субстанція? Кажется, что сущность ея для насъ непостижима, а нашему сознанию подлежатъ только ея силы и явленія.

Человѣкъ можетъ составить и дѣйствительно составилъ понятіе о двухъ противоположныхъ субстанціяхъ: о матеріальной и духовной. О первой составилъ онъ понятіе на основаніи тѣхъ впечатлѣній и ощущеній, какія онъ возбуждаютъ въ немъ; а о душѣ, — обращая вниманіе на свои собственныя дѣйствія. Если мы безпристрастно сравнимъ понятія, которыя мы имѣемъ о мірѣ матеріальномъ и духовномъ, то увидимъ, что послѣднее нисколько не уступаетъ первому въ ясности и достовѣрности. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на то, что всѣ обстоятельства облегчаютъ и помогаютъ составленію точныхъ познаній о матеріи, мы однако-же о тѣлесной субстанціи знаемъ только наружное, поверхностное, знаемъ ея силы, явленія и взаимныя дѣйствія, но сущности этихъ силъ и внутренняго бытія ихъ мы не можемъ разгадать никогда. Точно также и о душѣ: зная по внутреннему опыту о силахъ душевныхъ, о представленіяхъ, сужденіяхъ и умозаключеніяхъ, о волѣ, свободѣ и проч., мы

заключаемъ, что есть какая-то нематеріальная субстанція, совмѣщающая въ себѣ всѣ сіи свойства; но кто можетъ объяснить и понять внутреннее бытіе этой субстанціи! Творецъ природы далъ намъ средства знать міръ и себя лишь на столько, сколько это нужно для нашей жизни и благосостоянія; но быть можетъ что и въ матеріи и въ душѣ есть тысячи не извѣстныхъ намъ свойствъ.

Одно только можно сказать вѣрное на счетъ нашихъ понятій о субстанціяхъ: именно, что человекъ не только не можетъ составить себѣ понятія, но не можетъ даже представить такой субстанціи, которая была бы ни матерія, ни духъ, а нѣчто среднее. Въ самомъ дѣлѣ, матерію мы понимаемъ, какъ нѣчто протяженное, ограниченное и состоящее изъ частей, другъ внѣ-друга лежащихъ и бездѣйственное; духъ — какъ нѣчто совершенно непохожее на матерію, не состоящее изъ частей, какъ нѣчто чувствующее, дѣятельное, познающее и проч. Но какія черты, какія представленія можетъ соединить нашъ умъ, чтобъ составить понятіе о средней субстанціи? Подобное-то соображеніе о невозможности составить понятіе о средней субстанціи всего болѣе наноситъ пораженія предположенію тѣхъ Психологовъ, которые хотѣли, подъ именемъ души, или жизненной силы, допустить какое-то среднее существо между духомъ и организмомъ. Стоитъ только ихъ спросить: матеріально, или не матеріально, это среднее существо? Какой бы они ни дали отвѣтъ, средняя ихъ субстанція исчезнетъ сама собою. Ибо, если они скажутъ, что эта субстанція нематеріальна: то выйдетъ, что въ человекѣ три субстанціи, двѣ духовныхъ и одна тѣлесная; и тогда будетъ неизвѣстно какое отношеніе между этими двумя духовными

субстанціями, и къ чему ихъ двѣ, когда достаточно и одной? Если же скажутъ, что субстанція эта матеріальна, то это будетъ, просто, организмъ съ его силами.

§ 71.

Понятіе о Высочайшей субстанціи.

Но высочайшее и необходимѣйшее понятіе, находящееся въ душѣ человѣческой, есть понятіе о Верховной Субстанціи, Творцѣ всего міра, послѣдней причинѣ всѣхъ явленій, о Богѣ. Познаніе Бога и вѣра въ Него есть та черта, которая рѣзко отличаетъ человѣка отъ всѣхъ другихъ земныхъ тварей и сообщаетъ ему великое внутреннее достоинство. Отличительныя свойства этого высокаго понятія суть слѣдующія: 1-е, его всеобщность во всѣхъ племенахъ человѣческихъ и въ каждомъ человѣкѣ въ отдѣльности; 2-е, его раннее и, такъ сказать, легкое и неизбѣжное возникновеніе въ душѣ человѣческой.

Опытъ и путешествія всесвѣтныя показали, что нѣтъ на земномъ шарѣ такого племени, которое не имѣло бы темныхъ представленій о Верховномъ Существовѣ. Находили на разныхъ уголкахъ земли и островахъ Полинезіи племена совершенно одичалыя, похожія болѣе на звѣрей, чѣмъ на людей, племена, кои едва умѣли считать болѣе пяти, понятія коихъ обо всѣхъ предметахъ были самыя дѣтскія и неразвитыя, и чтоже! Казалось бы они еще менѣе должны имѣть понятіе о Верховномъ существѣ, но къ удивленію это высокое понятіе сохранилось въ нихъ неизгладимо. Если же мы отъ разныхъ племенъ обратимся къ отдѣльнымъ лицамъ, то увидимъ, что че-

ловѣкъ, у котораго умъ находится въ здоровомъ состояніи, на какой бы низкой степени онъ ни стоялъ по своему душевному развитію, всегда имѣеть понятіе о Божествѣ.

Отсюда явствуется и другое качество этого понятія, именно легкое и естественное его возникновеніе въ умѣ всякаго человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только имѣть глаза, чтобы видѣть, и уши, чтобъ слышать, и понятіе о Богѣ является само собою. Мало того, это явленіе понятія о Богѣ въ умѣ человѣка такъ необходимо, такъ естественно и неизбѣжно, что оно возникаетъ не въ слѣдствіе какихъ-либо глубокихъ разсужденій и умозаключеній, а само собою, какъ-бы оно было начертано въ умѣ заранѣе, и только случай обратилъ на него наше вниманіе. Вотъ отъ чего и говорятъ, что идея о Богѣ есть врожденная въ душѣ человѣка. Не надобно думать, чтобъ она была врождена какъ понятіе, въ томъ видѣ, въ какомъ его находимъ теперь въ нашемъ умѣ: ибо понятіе это составлено изъ цѣлаго ряда сужденій и умозаключеній. Она врождена какъ стремленіе души познать своего Творца и Виновника всего міра, какъ непремѣнное требованіе ума признать Его при первой же возможности. Она врождена, можно сказать, также, какъ способность разсуждать, мыслить, которыя уже находятся въ младенцѣ при самомъ рожденіи, но неразвитыя; ибо стоитъ только уму окрѣпнуть, проявиться, какъ онъ встрѣчается уже лицомъ къ лицу съ этою высокою идеею,

§ 72.

Краткое замѣчаніе о понятіяхъ отношеній.

Подробный разборъ всѣхъ понятій, раждающихся въ душѣ при соображеніи разныхъ отношеній между предметами, тоже не есть задача опытной Психологіи, а потому сдѣлаемъ объ нихъ только нѣсколько краткихъ замѣчаній.

Понятія объ отношеніяхъ раждаются при сравненіи однихъ предметовъ, или, лучше, ихъ представленій съ другими. Сравнивая же между собою представленія, наложимъ два существеннѣйшія отношенія между ними: 1-е, отношеніе тождества или равенства и, 2-е, отношеніе причины и слѣдствія.

Разсудокъ, анализируя представленіе о какомъ либо предметѣ, находитъ, что все, что ни можно сказать объ немъ, равняется самому представленію; а потому все высказываемое объ немъ есть сужденіе тождественное. Изъ тождественныхъ же сужденій аксіомы суть такія, въ коихъ это тождество явно съ перваго же взгляда. Когда же разсудокъ, сравнивая два представленія, замѣчаетъ, что одно изъ нихъ раждается только въ слѣдствіе другаго, и что между ними такая связь, по которой одно изъ нихъ неизбѣжно вызываетъ другое: тогда отношеніе между ними есть причина и слѣдствіе.

Понятія объ отношеніяхъ самыя многочисленныя. На нихъ основана большая часть математики; изъ нихъ составлена обширная область законовѣденія, нравственной философіи, политическихъ наукъ и пр. Поэтому точное и подробное изслѣдованіе происхожденія этихъ понятій особенно полезно для упомянутыхъ наукъ.

§ 73.

**КАКОЕ УЧАСТІЕ ПРИНИМАЮТЪ ВЪ МЫШЛЕНІИ ПАМЯТЬ
И ВООБРАЖЕНІЕ?**

Намъ осталось объяснить участіе въ мышленіи двухъ способностей: воображенія и памяти. Объяснить вполнѣ способъ дѣйствія памяти, или физическую причину ея, трудно; скажемъ только то, что можно. Прежде всего очевидно, что память есть привычка или навыкъ. Извѣстно, что человѣкъ обладаетъ многими привычками, кои въ немъ сильнѣе самой природы. Таковы, напр., привычка управлять движеніями своихъ членовъ, обратившаяся въ бессознательное дѣйствіе, привычка относить ощущенія свои къ вещамъ, внѣ насъ находящимся, привычка видѣть согласно обоими глазами, слышать обоими ушами, двигать обѣими руками и ногами и пр. Эти привычки находятся во всѣхъ безъ исключенія; но есть привычки, принадлежащія частнымъ лицамъ; напр. пальцы музыканта такъ привыкаютъ дѣлать извѣстныя движенія, что ему стоитъ только взять ими случайно нѣсколько аккордовъ заученной піесы, какъ они доигрываютъ ее сами, между тѣмъ какъ музыкантъ разговариваетъ или смотритъ въ сторону. Такова привычка нѣкоторыхъ плохихъ учениковъ, кои въ состояніи не переводя духу и безъ всякаго почти участія сознанія проговорить урокъ, который они твердо заучили наизусть. Ремесленники также приучаютъ свои руки къ извѣстнымъ движеніямъ, такъ что производятъ ихъ бессознательно. Вообще каждый изъ насъ имѣетъ такихъ навыковъ множество, ибо они легко приобрѣтаются, стоитъ только чаще повторять одни и тѣже движенія, какъ

они обращаются въ привычку. Обратимся теперь къ памяти. Очевидно, что память имѣетъ своимъ престоломъ мозгъ, который есть орудіе и другихъ способностей души; это не требуетъ особенныхъ доказательствъ, ибо малѣйшее разстройство мозга ослабляетъ память. Итакъ, по всей вѣроятности, память есть навыкъ мозга къ извѣстнымъ измѣненіямъ или движеніямъ. Это открывается: во 1-хъ, изъ того, что мы только то хорошо сохраняемъ въ памяти, что повторили, или затвердили; во 2-хъ, помнимъ лучше то, что произвело на насъ болѣе сильное и глубокое впечатлѣніе, слѣдовательно глубже раздражило мозгъ; 3-е, это же видно изъ того, что однѣ мысли и слова вызываютъ другія, имѣющія съ ними связь, подобно тому какъ первыя движенія пальцевъ музыканта въ извѣстной пьесѣ возбуждаютъ и производятъ другія, съ ними соединенныя. Вотъ все, что можно сказать въ объясненіе дѣйствія памяти. При этомъ надобно только помнить, что это есть механическая ея сторона. Раздраженія мозга не суть самое воспоминаніе; воспоминаетъ душа, а въ мозгу происходитъ только механическое раздраженіе, возбуждающее въ ней эти воспоминанія. Не надобно также слишкомъ много приписывать мозгу въ дѣлѣ памяти и поставлять душу въ рабской зависимости отъ мозга. Мозгъ играетъ здѣсь такую же роль, какую скрипка въ рукахъ музыканта. Скрипка есть мертвый, бездушный механизмъ; но въ рукахъ знатока она оживляется и издаетъ чудные звуки. Такъ точно и мозгъ: онъ есть приборъ, одушевляемый и оживляемый живымъ существомъ.

Участіе, какое принимаетъ память въ мышленіи, весьма обширно и легко понятно всякому. Мы мыслимъ, мож-

но сказать, на основаніи памяти: ибо она доставляетъ весь матеріалъ мыслей, т. е. представленія, факты, соображенія, прежде бывшія въ душѣ, и вообще, все что необходимо для мышленія. Важность ея видна еще изъ того, что она сохраняетъ всѣ плоды нашего мышленія, т. е. всѣ наши познанія. Если мы внимательно подумаемъ о нѣкоторыхъ изъ извѣстныхъ намъ ученыхъ, удивляющихъ насъ богатствомъ ума: то увидимъ, что все преимущество ихъ часто заключается въ обширной памяти.

§ 74.

О дѣятельности воображенія.

Сущность сей способности мы объяснили въ первой главѣ, а здѣсь скажемъ только, какое принимаетъ она участіе въ мышленіи и познаніи. Хотя, при соображеніи сущности сей способности, можно подумать, что она не очень можетъ способствовать къ мышленію и особенно къ умноженію познаній; но такъ какъ душа, при мышленіи, дѣйствуетъ всѣми своими силами, то и воображеніе принимаетъ въ немъ несомнѣнное участіе. Это участіе состоитъ въ томъ, что воображеніе старается сдѣлать мысли нагляднѣе, воплотить самыя отвлеченныя представленія. Языкъ человѣка носить множество признаковъ, доказывающихъ это. Этой творческой способности обязаны своимъ происхожденіемъ множество живописныхъ выраженій, украшающихъ языкъ человѣческой. Разберемъ нѣсколько такихъ выраженій, чтобы видѣть какъ ихъ составило воображеніе. Напр. *алмазна сыплется гора* — выраженіе, произшедшее отъ того, что воображеніе поэта соединило представленіе объ алмазѣ съ

представленіемъ о льющейся водѣ. Выраженія: *летитъ какъ молнія, волоса какъ снѣгъ, смертельная обида, чернѣй какъ ночь, изъ глазъ летятъ молніи, изъ устъ его рвѣчи текли рѣкою* и тысячи другихъ суть произведенія воображенія, которое соединяетъ представленія по сходству ихъ между собою. Вся прелесть поэзіи основывается на этомъ дѣйствиіи воображенія, такъ что поэты, можно сказать, мыслятъ больше воображеніемъ, чѣмъ умомъ.

В. ОВЪ АССОЦІАЦІИ ИДЕЙ.

§ 75.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ АССОЦІАЦІИ ИДЕЙ И ВЛІЯНІЕ ЕЯ НА МЫШЛЕНІЕ.

Въ душѣ человѣческой представленія, сужденія, понятія и вообще все ея содержаніе, находятся не отрывочно, а имѣютъ связь, образуютъ нѣкоторую систему; такъ что одни представленія вызываютъ изъ памяти другія, однѣ мысли и происшествія напоминаютъ намъ о другихъ мысляхъ и происшествіяхъ, одни лица и виды возбуждаютъ образы другихъ лицъ и мѣстъ: это самое явленіе называется *ассоціаціею* или связью идей. Вліяніе ассоціаціи идей на человѣческое мышленіе и дѣйствование, даже на характеръ, весьма значительно; такъ что имъ легко объясняются многія душевныя явленія, для объясненія коихъ придумывали самыя невѣроятныя гипотезы, и безъ подробнаго разбора коихъ трудно уразумѣть жизнь души и образъ ея бытія; а потому стараемся разобрать, какая бываетъ въ душѣ ассоціація и какія явленія она производитъ.

§ 76.

Причины, производящія ассоціацію идей.

Ассоціація идей бываетъ естественная и случайная. Первая основана на причинахъ естественныхъ, необходимой связи, какая дѣйствительно находится между разными представленіями и мыслями. Естественно, напр., что представленіе о какомъ либо предметѣ рождаетъ представленіе о его свойствахъ и качествахъ. Когда, напр., я вспоминаю зиму: то вмѣстѣ съ тѣмъ представляю снѣгъ, холодъ и вообще всѣ принадлежности зимы. Если же мнѣ представляется лѣто, то вмѣстѣ съ тѣмъ припоминаю лѣтнія удовольствія, зелень, фрукты, теплоту, иногда жаръ и проч. Если я увижу знакомаго мнѣ человека, то тотчасъ вспоминаю объ его свойствахъ и его отношеніи къ себѣ и другимъ и проч. Когда слышу звуки какой либо пьесы, то они рожаютъ представленіе о цѣлой пьесѣ. Видъ какого либо дома напоминаетъ о его жителяхъ и проч. Всѣ такія ассоціаціи натуральны. Въ нихъ одни представленія вызываютъ другія, находящіяся съ ними въ естественной связи; но въ случайной ассоціаціи представленія наши связуются между собою случайною причиною, а не по внутреннему своему сходству и отношенію, и такая ассоціація бываетъ различна въ разныхъ людяхъ. Она зависитъ отъ воспитанія, отъ занятій, образа жизни и многихъ другихъ причинъ.

Отъ образа воспитанія ассоціація идей бываетъ самая упорная и часто вредная, ибо дѣтскія впечатлѣнія остаются на всю жизнь. Напр., если няньки и бабушки набили голову ребенка разными сказками о привидѣніяхъ и

ночныхъ страшилищахъ, то человекъ на всю жизнь боится ночныхъ привидѣній. Привидѣнія сами по себѣ не имѣютъ большаго отношенія къ темнотѣ, чѣмъ къ свѣту; но поелику въ головѣ нѣкоторыхъ эти два представленія сильно связаны, то ночью они всегда думаютъ о привидѣнiяхъ; а днемъ, они и въ голову имъ не приходятъ. Характеръ человекъ также рисуется въ ассоціаціи идей: напр., человекъ, съ мрачнымъ характеромъ, всѣ представленія покрываетъ чернымъ колоритомъ; напротивъ того, веселый человекъ всегда дѣлаетъ между ними забавныя сближенія. То, что перваго бѣситъ, втораго только смѣшитъ. Образъ жизни и привычки наши также бываютъ поводомъ къ особеннымъ ассоціаціямъ идей. При видѣ золота, скупой человекъ представляетъ себѣ удовольствіе обладать имъ, а человекъ расточительный рассчитываетъ какія удовольствія можно пріобрѣтать черезъ него. У человекъ съ растлѣнными нравами воображеніе рисуетъ всегда нечистыя представленія: онъ во всемъ находитъ случай къ порочнымъ сближеніямъ, во всемъ видитъ худую сторону. Напротивъ того, человекъ съ простою душею и чистыми нравами всегда думаетъ о предметахъ чистыхъ: у него рѣдко возникаютъ нечистыя сближенія идей.

§ 77.

Ассоціація идей производитъ большую часть симпатій и антипатій.

Случайная ассоціація идей бываетъ причиною болѣе-шей части нашихъ симпатій и антипатій. Примѣровъ

тому тысячи, такъ что всякъ, кто наблюдалъ за своими, или за чужими привычками и чувствами, могъ замѣтить, что привязанность, или отвращеніе людей къ разнымъ предметамъ и лицамъ, рождаются большею частию отъ того, что съ воспоминаніемъ объ этихъ предметахъ и лицахъ у нихъ случайно соединены различныя пріятныя или непріятныя представленія. Если мы на какомъ либо мѣстѣ, напр., въ какомъ либо домѣ, потерпѣли несчастіе: то видъ этого дома, или, просто, воспоминаніе объ немъ, бываетъ намъ непріятно, потому что напоминаетъ объ этомъ несчастіи. Видъ какой либо значительной вещи, полученной отъ любимаго человѣка, возбуждаетъ въ насъ или пріятныя, или грустныя чувства. Если какой либо человѣкъ нанесъ намъ чувствительную обиду, то воспоминаніе объ немъ напоминаетъ объ этомъ случаѣ и возбуждаетъ огорченіе. Въ тихую, лунную ночь, нѣкоторыя нервныя особы чувствуютъ сильное расположеніе къ мечтательности. Когда сердце матери наполнено грустію о потерѣ любимаго сына: то грусть ея можетъ исцѣлять одно только время; ибо она только со временемъ можетъ отдѣлится въ своемъ умѣ представленіе о сынѣ отъ представленія о тѣхъ удовольствіяхъ, о той радости, какія она привыкла чувствовать при видѣ сына.

Часто говорятъ о какой-то непонятной симпатіи и антипатіи между людьми; но, кажется, что онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ именно ассоціаціи идей, хотя мы иногда и забываемъ, а иногда во все не замѣчаемъ, какъ мало по малу образуется въ насъ эта ассоціація. Если человѣкъ чувствуетъ отвращеніе къ извѣстнымъ фізіономіямъ или влеченіе къ другимъ, то, вѣроятно,

онъ въ умѣ своемъ незамѣтно образовалъ нѣкоторую ассоціацію идей, которая бываетъ причиною его антипатіи или симпатіи. Словомъ сказать, если не всё, то большая часть нашихъ симпатій и антипатій есть произведе- ніе случайно составившейся въ умѣ ассоціаціи.

§ 78

Сны отчасти происходятъ отъ ассоціаціи идей.

Наши сонныя видѣнія, эти странныя сочетанія невѣроятныхъ образовъ и мыслей, отчасти объясняются ассоціаціею идей. Стоитъ только, чтобъ во снѣ какая либо случайная причина возбудила въ душѣ одно какое либо представленіе, и потомъ уже, по ассоціаціи идей, въ головѣ народятся тысячи другихъ странныхъ идей и представленій. Напр., положимъ, что ночью мы раскрылись и почувствовали холодъ: это ощущеніе холода можетъ родить множество соприкосновенныхъ идей. Намъ можетъ представиться, что мы погрузились въ холодную воду, тонемъ, что насъ спасаютъ, что мы боремся съ волнами и проч. Или, положимъ, что обремененный пищею желудокъ произвелъ во снѣ приливъ крови къ головѣ; и это непріятное ощущеніе можетъ породить въ насъ тысячи представленій. Намъ будетъ грезиться, что насъ душитъ какое-то чудовище и проч. Извѣстно, что чело- вѣкъ голодный во снѣ видитъ роскошныя яства, царскія палаты, столы обремененные кушаньями. Словомъ, во снѣ также происходятъ ассоціаціи: одни представленія пораждаютъ другія, съ тѣмъ только различіемъ, что те- ченіе представленій, неуправляемое умомъ и силою ду-

шевною, бываетъ безпорядочно, часто чудовищно, удалено отъ всякой возможной дѣйствительности.

§ 79.

УЧАСТІЕ АССОЦІАЦІИ ИДЕЙ ВЪ МЫШЛЕНІИ.

Всякій, безъ сомнѣнія, замѣтилъ, какъ иногда въ минуты отдыха, когда умъ нашъ не занятъ никакою особенною мыслию, въ душѣ, какъ будто самъ собою, безъ всякаго участія воли, возникаетъ цѣлый рядъ представленій и мыслей. Чего не переживаетъ въ головѣ тогда, о чемъ только мы не вспомнимъ, и чего не обсудимъ! Мысли текутъ одна за другою безъ всякой видимой связи, одни представленія вызываютъ другія и душа извлекаетъ изъ памяти разныя мысли, какъ пальцы музыканта, разсѣянно перебирающіе клавиши на фортепіано, извлекаютъ изъ него отдѣльные звуки. Иной такъ привыкаетъ къ подобному мышленію, основанному на одной бессознательной ассоціаціи, что съ трудомъ можетъ остановиться на одной опредѣленной мысли и размышлять объ одной идеѣ. Какъ ни усиливается его умъ думать на одну тему, но воображеніе отвлекаетъ его въ сторону; только что составилъ двѣ-три мысли о желаемомъ предметѣ, какъ ассоціація идей наводитъ его на другіе предметы! Очевидно, что подобное безсиліе души остановить свой умъ на избранномъ предметѣ бываетъ причиною разсѣянности, тупоумія и непонятливости нѣкоторыхъ учащихся, кои кажутся вѣчно занятыми какою-то мыслию; собственно же не думаютъ ни о чемъ.

Но та ассоціація, которая составила въ слѣдствіе воспитанія и привычекъ, всего больше дѣйствуетъ на

наше мышление. Въ самомъ дѣлѣ, кто не встрѣчалъ людей, коихъ голова устроена какъ-бы совершенно не по людскому, у коихъ особый складъ ума, особая странная связь между идеями? Кто съ малыхъ лѣтъ привыкъ питать уваженіе къ извѣстнымъ вещамъ и дѣйствіямъ, тому трудно перемѣнить свои убѣжденія.

§ 80.

Большая часть предрасудковъ и суевѣрій зависитъ отъ ассоціаціи идей.

Если внимательно разобрать причину происхожденія и упорнаго существованія бѣльшей части человѣческихъ предрасудковъ и суевѣрій, то увидимъ, что ассоціація идей играетъ и здѣсь величайшую роль. Примѣровъ тому множество. Люди, которые, по злоумышленному убѣжденію нѣкоторыхъ сектантовъ, съ представленіемъ о старыхъ книгахъ и иконахъ соединили въ умѣ своемъ мысль о святости, а съ представленіемъ о новопечатанныхъ книгахъ — понятіе о поврежденіи и упорно стоятъ въ своемъ убѣжденіи, служатъ яснымъ доказательствомъ этой мысли. Все ихъ упорство, все ихъ ослѣпленіе основывается на этой неразрывной ассоціаціи идей. Многие другіе предрасудки и суевѣрія людей держатся, не смотря на всю ихъ нелѣпость, на подобной же ассоціаціи. Есть люди, которые безъ ужаса не могутъ смотрѣть, когда въ комнатѣ случайно зажгутъ три свѣчи, считая это за дурное предзнаменованіе; отъ чего? Отъ того, видите ли, что у гроба покойниковъ зажигаютъ три свѣчи! У нѣкоторыхъ людей есть несчастные дни и числа, въ которые не предприимутъ никакого значитель-

наго дѣла; очевидно отъ того, что въ эти дни и числа потерпѣли неудачу и соединили съ ними представленіе о неудачѣ. Словомъ, всѣ эти и миліоны примѣтъ, мнѣній, предразсудковъ, имѣютъ своимъ основаніемъ одну случайную ассоціацію идей, часто ложную и рѣдко основанную на дѣйствительныхъ событіяхъ и наблюденіяхъ.

§ 81.

Вліяніе ассоціаціи идей на поступки наши.

Предъидущіе примѣры уже показали отчасти, какое вліяніе можетъ имѣть ассоціація идей на поступки человѣка. Но чтобы еще яснѣе видѣть необходимость сего вліянія, нужно сообразить, что дѣятельность человѣка зависитъ отъ образа его мыслей, а его отношеніе къ другимъ основано на сердечныхъ его чувствованіяхъ; но то и другое часто получаютъ свое бытіе и направленіе отъ ассоціаціи идей. Поэтому очевидно, что ассоціація идей можетъ расположить къ извѣстнымъ поступкамъ и отвратить отъ другихъ.

В. ОБЪ ОСНОВНЫХЪ ЗАКОНАХЪ МЫШЛЕНІЯ, ИЛИ ПСИХОЛОГИЧЕСКІЯ ОСНОВАНІЯ ЛОГИКИ.

§ 82.

ЧТО ТАКОЕ МЫШЛЕНІЕ ВООБЩЕ?

По опредѣленію, предложенному нами во 2-ой главѣ, мышленіе есть ничто иное, какъ общее проявленіе всей духовной дѣятельности; а въ частности, подъ именемъ

мышленія надобно понимать дѣятельность однѣхъ познавательныхъ способностей, т. е. представленія, сужденія, умозаключенія, понятія и проч. Мышленіе имѣетъ свои законы, свои формы и правила, которымъ оно необходимо подчиняется и уклоненіе отъ которыхъ бываетъ признакомъ его ложности. Подробное изслѣдованіе и опредѣленіе этихъ законовъ и формъ есть задача Логики; но какъ Логика есть часть Психологіи, то мы должны здѣсь показать общія и существеннѣйшія основанія мышленія, кои лежатъ въ глубинѣ души и составляютъ важнѣйшій вопросъ для Психолога.

§ 83.

Почему мышленіе во всѣхъ людяхъ совершается по однимъ законамъ?

Существенный и первоначальный процессъ мышленія во всѣхъ людяхъ совершается одинаково. Это понятно само собою: мышленіе есть дѣятельность души, а душа естественно дѣйствуетъ тѣми способами, какіе далъ ей Творецъ. Въ этомъ отношеніи душа подчинена общему закону всѣхъ тварей. Всякая отдѣльная субстанція обнаруживаетъ тѣ явленія, какія сообразны съ ея сущностью и ея отношеніемъ къ другимъ субстанціямъ. Возмите, напр., какое угодно растеніе: оно постоянно совершаетъ одинаковый процессъ выростанія, оплодотворенія, разложенія и разрушенія. Возмите какое угодно животное: оно проявляетъ свою дѣятельность сообразно съ тѣми средствами и нуждами, какія дала ему природа. Всякое животное живетъ сообразно своей природѣ: паукъ употребляетъ для своего прокормленія свою

паутину; левъ пользуется своею силою; лисица прибѣгаетъ къ хитрости и воровству и проч. Все это естественно и иначе быть не можетъ. Тоже самое повторяется и въ человѣкѣ съ тѣмъ, впрочемъ, существеннѣйшимъ различіемъ, что въ человѣкѣ всякое дѣйствованіе, а особенно мышленіе, сопровождается высшими признаками свободы и сознанія. Припомнивши вкратцѣ все, что было сказано о дѣятельности душевныхъ способностей, мы легко поймемъ, что душа также пользуется дарованными ей отъ Бога средствами и познаетъ при помощи сихъ средствъ. Творецъ одарилъ ее чуднымъ организмомъ, который приноситъ къ ней многообразныя впечатлѣнія внѣшняго міра, возбуждающія въ ней столь же разнообразныя ощущенія. Приобыкши къ симъ ощущеніямъ, и такъ сказать, приглядѣвшись и прислушавшись къ нимъ, душа начинаетъ судить, умозаключать, мыслить. Вотъ изумительно простый, но и наимудрѣйшій способъ мышленія, данный Творцемъ душѣ человѣческой! Такъ какъ способъ этотъ одинаковъ для всѣхъ: то очевидно, что всякій человѣкъ, начиная упражняться въ мышленіи, приходитъ всегда къ однимъ и тѣмъ же умозаключеніямъ и только въ послѣдствіи, когда онъ приноситъ въ мышленіе большій произволь и начинаетъ руководиться частными побужденіями, обстоятельствами и влеченіями, мышленіе одного лица начинаетъ разниться, а иногда и противорѣчить мышленію другихъ лицъ. Вотъ почему также согласіе между мыслями всѣхъ людей возможно только тогда, когда мысли эти приводятъ къ источному ихъ началу. И такъ на вопросъ: что въ душѣ есть предварительно и что въ нее приходитъ въ послѣдствіи, при развитіи ея, вопросъ, составлявшій

исходный пунктъ философіи прошедшаго вѣка, мы, по своему крайнему разумѣнію, отвѣчаемъ такъ: въ душѣ предварительно, т. е. до ея развитія съ самаго перваго мгновеннаго бытія, есть только способность или возможность къ извѣстному развитію; и она, вслѣдствіе извѣстныхъ данныхъ ей средствъ и способностей, необходимо должна мыслить и развиваться такъ, а не иначе.

§ 84.

Откуда человекъ приобретаетъ познанія?

Наблюденія надъ развитіемъ человѣческой души ясно показываютъ намъ, что человекъ всѣ свои познанія приобретаетъ или опытомъ, или размышленіемъ. Это доказывается:

Во 1-хъ, тѣмъ, что душа человѣческая никакихъ другихъ средствъ къ познанію не имѣетъ, кромѣ тѣхъ способностей, какими одарилъ ее Богъ и кои были описаны въ предыдущей главѣ: въ этомъ согласится рѣшительно всякій. Никто не можетъ сказать, чтобъ человѣку были даны какія-либо готовыя познанія, да и не было нужды давать ему такихъ познаній; ибо существо, одаренное столь превосходными средствами къ обогащенію себя познаніями, само легко приобретаетъ ихъ.

Во 2-хъ, наблюденіемъ надъ младенцами. Тому, кто слѣдилъ надъ развитіемъ младенческой души, очень хорошо извѣстно, что младенецъ выучивается рѣшительно всему, начиная съ того, какъ сосать грудь матери и до самыхъ трудныхъ наукъ. При рожденіи, онъ получаетъ душу съ однѣми только неразвитыми и непроявившимися

способностями, которыя укрѣпляются постепенно и по мѣрѣ развитія обогащаютъ его всѣми познаніями.

§ 85.

УЧЕНІЕ КАНТА О ПРОИСХОЖДЕНІИ ПОЗНАНІЙ.

Но не всѣ думаютъ такъ. Многіе утверждаютъ, что человѣкъ изъ опыта не можетъ узнать всего, но что ему дано много готовыхъ сужденій независимо отъ опыта. Разберемъ, напр., ученіе Канта, который лучше и сильнѣе другихъ разсуждалъ о семъ предметѣ. Вотъ его собственныя слова :

»Человѣкъ обладаетъ извѣстными сужденіями *a priori* (этимъ словомъ Кантъ обозначаетъ тѣ познанія, которыя приистекаютъ не изъ опыта). Опытъ показываетъ намъ только то, какъ вещь есть; но онъ не говоритъ намъ, что она необходимо должна быть такъ, а не иначе. Слѣдовательно, во 1-хъ, всякое предложеніе, въ которомъ заключается представленіе о необходимости бытія вещи такъ, а не иначе, есть сужденіе *a priori*. Но если, сверхъ того, это предложеніе не есть производное, если оно имѣетъ силу въ самомъ себѣ, тогда оно безусловно апіорическое. Во 2-хъ, опытъ никогда не даетъ сужденій существенно общихъ. Сужденія его имѣютъ только условную, сравнительную всеобщность посредствомъ наведенія (а это означаетъ только то, что до сихъ поръ не замѣтили еще исключенія изъ даннаго правила). Такимъ образомъ сужденіе, заключающее строгую всеобщность, такъ, чтобъ изъ него не было исключенія, не происходитъ изъ опыта; но имѣетъ свою силу только *a priori*. Опытная же всеобщность есть только

произвольное распространение, умозаключающее отъ всеобщности въ извѣстномъ числѣ случаевъ ко всеобщности во всѣхъ случаяхъ. Но если безусловная всеобщность принадлежитъ какому либо предложенію, то эта всеобщность указываетъ на особый источникъ, изъ коего онъ произошелъ, т. е. на способность знанія *a priori*.«

»И такъ всеобщность и необходимость суть два признака познаній *a priori*.«

Теперь не трудно доказать, что въ познаніяхъ человѣческихъ дѣйствительно есть сужденія необходимыя и всеобщія, въ строгомъ значеніи сего слова. Если вы хотите примѣра, взятаго изъ науки, стоитъ только бросить взоръ на математику. Если же хотите примѣра изъ ежедневной жизни, то начало, что »всякая переменна происходитъ отъ какой либо причины«, можетъ служить примѣромъ. Здѣсь понятіе о причинѣ имѣетъ въ нашемъ умѣ такую необходимую связь съ дѣйствіемъ и съ строжайшею необходимостію этого начала, что она исчезла бы тотчасъ, если бы, подобно Юму, вздумали ее выводить изъ частой связи этихъ двухъ понятій, въ явленіяхъ замѣчаемой.

•

§ 86.

РАЗСМОТРѢНІЕ СЕГО УЧЕНІЯ.

Итакъ Кантъ полагаетъ, что всѣ сужденія, въ коихъ заключаются всеобщность и необходимость, т. е. которыя имѣютъ силу всегда и вездѣ, суть сужденія *a priori*. Но мы можемъ указать сотни такихъ сужденій, которыхъ происхожденіе изъ опыта не можетъ быть подвержено сомнѣнію, и которыя, между тѣмъ, заключа-

ють въ себѣ упомянутыя свойства въ самой строгой степени. Напр., возьмемъ слѣдующія простѣйшія сужденія: снѣгъ бѣлъ, ледъ холоденъ, вода есть жидкое тѣло, триугольникъ имѣетъ три угла, четырехугольникъ имѣетъ четыре стороны, огонь сожигаетъ, камень тяжелъ и тысячи другихъ. Всѣ сія предложенія заключаютъ въ себѣ величайшую всеобщность и необходимость: ибо нельзя рѣшительно указать ни одного случая, который былъ бы исключеніемъ изъ нихъ. Представленіе о снѣгѣ и бѣломъ цвѣтѣ, о лдѣ и холодѣ, такъ тѣсно связаны въ умѣ нашемъ, что невозможно разрознить ихъ. Триугольникъ имѣетъ три угла: это предложеніе заключаетъ въ себѣ такую строгую всеобщность и необходимость, что мы иначе не можемъ и мыслить, и нѣтъ никакой трудности, какъ увидимъ далѣе, понять отъ чего сія предложенія заключаютъ въ себѣ упомянутые признаки; но кто будетъ такъ простъ, чтобы утверждать, что всѣ сія и множество другихъ предложеній, имѣютъ не опытное происхожденіе? И такъ признаки, по коимъ Кантъ доказывалъ *априорическое* происхожденіе нѣкоторыхъ сужденій, невѣрны, т. е., не доказываютъ такого ихъ происхожденія. По этимъ признакамъ пришлось бы большую половину человѣческихъ сужденій, явно опытныхъ, признать априорическими.

§ 87.

ОТЪ ЧЕГО ПРОИСХОДИТЪ ВСЕОБЩНОСТЬ И НЕОБХОДИМОСТЬ НѢКОТОРЫХЪ СУЖДЕНІЙ.

Если мы внимательно вникнемъ въ причину, почему приведенныя выше сужденія и множество другихъ за-

ключаютъ въ себѣ всеобщность и необходимость : то легко увидимъ, что это происходитъ единственно отъ свойства самой рѣчи. Слово »снѣгъ« въ самомъ себѣ необходимо заключаетъ признакъ бѣлизны: ибо люди между собою какъ-бы условились придавать названіе снѣга только такому веществу, которое между прочими свойствами непременно имѣетъ бѣлизну, такъ что никакая не бѣлая вещь не будетъ снѣгомъ. Также слово »ледъ« относится только къ веществу холодному : оно въ себѣ самомъ заключаетъ признакъ холода, такъ что люди какъ-бы условились, что слово »ледъ« будетъ означать такой предметъ, который между прочими свойствами непременно заключаетъ признакъ холода. Для чего же нужно было такое условіе? для того, что иначе и нельзя было бы передавать другъ другу мыслей, или вести разговоръ. Надобно же сдѣлать слова опредѣленными и придавать имъ постоянное и неизмѣнное значеніе, иначе, повторяю, не было бы языка и разговора. Но разберемъ лучше самый примѣръ, приводимый Кантомъ, чтобы увидѣть вѣрность нашего мнѣнія. Кантъ приводитъ слѣдующее сужденіе : всякая переменна происходитъ отъ какой-либо причины, или, на оборотъ, всякая причина производитъ переменну. Очевидно, что необходимость и всеобщность этихъ сужденій зависятъ единственно отъ самыхъ словъ »причина« или »переменна«. Что такое причина? какія признаки соединяемъ мы въ умѣ съ тѣмъ понятіемъ, которое выражено въ этомъ словѣ? Слово »причина« на человѣческомъ языкѣ означаетъ именно то, что производитъ дѣйствіе, а то, что произведено причиною мы называемъ переменною, дѣйствіемъ. Свойство нашей рѣчи, необходимость сообщать другъ другу

опредѣленные и точныя мысли, по необходимости, заставляютъ насъ давать словамъ однажды навсегда опредѣленные значенія. Поэтому мы какъ-бы условились называть причиною именно то, что непременно производить перемѣну, а перемѣною называемъ именно то, что произошло въ слѣдствіе какой либо причины. Говоря: всякая причина производитъ перемѣну, мы какъ-бы говоримъ: нѣчто, всегда производящее перемѣну, всегда производить перемѣну, или, говоря, всякая перемѣна имѣетъ причину — мы какъ-бы говоримъ: нѣчто, всегда происходящее отъ причины, имѣетъ всегда причину.

§ 88.

Всеобщность и необходимость принадлежитъ однимъ тождественнымъ предложеніямъ.

Теперь мы можемъ сказать, что всеобщность и необходимость принадлежитъ однимъ только ясно и строго тождественнымъ сужденіямъ. Но что такое сужденія тождественныя? Это такія сужденія, въ которыхъ сказуемое ничего болѣе не выражаетъ, какъ только то, что заключаетъ въ себѣ подлежащее. Такъ въ предъидущемъ примѣрѣ: причина производитъ перемѣну. Слово «перемѣна» заключается въ самомъ словѣ «причина»; такъ что сказать: причина производитъ перемѣну — все тоже, что сказать: причина есть причина. Слѣдовательно сужденіе: всякая перемѣна имѣетъ причину, собственно говоря, не заключаетъ въ себѣ никакого утвержденія: въ немъ сказуемое есть какъ-бы повтореніе подлежащаго. Отсюда очевидно, почему эти предложенія заключаютъ въ себѣ необходимость и всеобщность. Но между тѣмъ

эти тождественныя предложенія всѣ заимствованы изъ опыта. Предложенія: часть меньше цѣлаго, цѣлое больше части, двѣ величины, равныя третьей, равны и между собою и проч., называемыя аксіомами, имѣющія совершенную необходимость и всеобщность, суть также тождественныя. Слѣдовательно, еще разъ, признаки, по коимъ Кантъ почиталъ нѣкоторыя сужденія апріорическими, рѣшительно не доказываютъ на самомъ дѣлѣ такого ихъ происхожденія.

§ 89.

Есть ли различіе между сужденіями синтетическими и аналитическими?

Говоря о сущности сужденій, мы доказали, что всякое сужденіе есть какъ-бы анализъ представленія о предметѣ: ибо во всякомъ сужденіи субъекту приписывается только то, что заключено въ нашемъ представленіи этого субъекта и что открывается вслѣдствіе анализа этого представленія. Но извѣстно, что Кантъ выдумалъ еще новаго рода сужденія, именно сужденія синтетическія, а потому мы должны оправдать свое мнѣніе. Кантъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ различіе синтетическаго и аналитическаго сужденій. »Во всякомъ сужденіи, въ которомъ представлено отношеніе субъекта къ предикату, это отношеніе возможно двоякимъ образомъ: или предикатъ *b* принадлежитъ субъекту *a*, какъ нѣчто въ немъ содержащееся (скрытно), или же *b* совершенно чуждо понятію *a*, хотя на самомъ дѣлѣ находится въ связи съ нимъ. Въ первомъ случаѣ сужденіе есть аналитическое, во второмъ — синтетическое.« Когда, напр., я

говорю, что всѣ тѣла протяженны, то это сужденіе аналитическое: ибо я не выхожу изъ понятія тѣла, когда приписываю ему протяженіе. Стоитъ только разложить это понятіе, или почувствовать въ немъ тѣ признаки, которые въ немъ мыслимъ, какъ явится это сужденіе. Напротивъ, когда я говорю: всѣ тѣла тяжелы, то здѣсь сказуемое (атрибутъ) есть нѣчто совершенно чуждое тому, что я обыкновенно мыслю въ простомъ представленіи тѣла. Соединеніе такого предиката съ субъектомъ дѣлаетъ предложеніе синтетическимъ.»

Но это опредѣленіе синтетическаго сужденія заключаетъ въ себѣ явное противорѣчіе, а представленный Кантомъ примѣръ показываетъ, что онъ самъ не могъ найти такого сужденія, котораго теорію развилъ первый. Синтетическія сужденія, по его словамъ, суть тѣ, въ коихъ сказуемое, соединенное съ подлежащимъ, есть нѣчто совершенно ему чуждое. Но такое сужденіе, гдѣ сказуемое совершенно чуждо подлежащему, т. е. не имѣетъ къ нему никакого отношенія, есть сужденіе ложное, невозможное. Въ сужденіи возможномъ, истинномъ, между подлежащимъ и сказуемомъ всегда должно быть дѣйствительное отношеніе, сходство и даже тождество. Правда есть сужденія, гдѣ предикатъ чуждъ субъекту, именно сужденія отрицательныя, но за то въ нихъ и отрицается отношеніе предиката къ субъекту, напр., человекъ не безсмертенъ, день не безконеченъ и проч.; но очевидно, что Кантъ разумѣлъ не отрицательныя, а положительныя сужденія.

Приводимый имъ примѣръ синтетическаго сужденія лучше всего опровергаетъ его теорію. Понятіе о тяжести не только не чуждо понятію о тѣлѣ, но есть одно изъ не-

отъемлемыхъ его свойствъ. Никто не представляетъ физическаго тѣла, напр. камня, безъ тяжести; напротивъ того, при представленіи всякаго физическаго тѣла, скорѣе можно забыть о протяженіи, чѣмъ о тяжести: потому что протяженіе есть свойство, если можно такъ выразиться, научное, трудное для уразумѣнія, а тяжестьъ ошутительнѣе и прежде всего бросается въ глаза. Спросите всякаго простолюдина, какіе признаки онъ находитъ въ камнѣ? Онъ прежде всего укажетъ на тяжесть, а о протяженіи не скажетъ ни слова: ибо это свойство менѣе доступно его уму. Слѣдовательно ложно въ высшей степени, чтобы въ предложеніи: тѣло имѣетъ тяжесть, предикатъ *b* (тяжесть) былъ бы чуждъ субъекту *a* (тѣлу) (*). Признаюсь чистосердечно, что такіе непростительные промахи Канта возбуждаютъ во мнѣ не малое изумленіе! Но когда я потомъ читаю, что онъ всю свою «Критику чистаго ума» хочетъ строить именно на этихъ синтетическихъ сужденіяхъ: тогда я рѣшительно прихожу въ недоумѣніе, ибо не могу понять, какъ можно основывать цѣлую систему на небывалыхъ и не возможныхъ сужденіяхъ.

§ 90.

Какъ хотѣли различать эти сужденія?

Нѣкоторые хотѣли найти другое различіе между

(*) Но, быть можетъ, Кантъ разумѣлъ не физическое, а математическое тѣло? Но понятіе о математическомъ, или лучше о геометрическомъ тѣлѣ, есть условное и, такъ сказать, сокращенное: ибо въ Геометріи для извѣстныхъ цѣлей условились изъ всѣхъ свойствъ тѣла разсматривать одно только протяженіе, а въ полномъ понятіи о тѣлѣ тяжесть есть одинъ изъ важнѣйшихъ признаковъ.

синтетическимъ и аналитическимъ сужденіями, различіе, основанное болѣе на значеніи самыхъ словъ *синтезъ* и *анализъ*. Первое значитъ соединеніе, составленіе, а второе раздробленіе: отсюда полагали, что анализъ есть то дѣйствіе души, когда она раздробляетъ свои представленія, находитъ въ нихъ вообще все, что они заключаютъ въ себѣ; напротивъ того, синтезомъ, или синтетическимъ сужденіемъ, называли противоположное дѣйствіе души, когда она сводитъ, сличаетъ свои представленія, или составляетъ изъ различныхъ представленій одно понятіе. Но и это новое объясненіе не даетъ права признать синтетическія сужденія отличными и самостоятельными: ибо сличеніе, раздробленіе и сведеніе суть одно нераздѣльное дѣйствіе души или разсудка. Никогда душа не раздробляетъ своего представленія безъ того, чтобы тотчасъ не почувствовать сходства и различія его съ другими представленіями. Чтобы найти все, что заключено въ извѣстномъ представленіи, надобно его раздробить; напротивъ того, сводя или синтезируя разныя неанализированныя представленія, мы ничего открыть не можемъ, т. е. не можемъ составить изъ нихъ ни одного сужденія.

§ 91.

Можно ли математическія сужденія называть синтетическими?

Кантъ, и вслѣдъ за нимъ многіе изъ его послѣдователей, указывали на сужденія математическія, какъ на такія, кои заключаютъ въ себѣ синтезъ, а поэтому дол-

жны быть названы синтетическими. Въ доказательство сего Кантъ приводитъ слѣдующее сужденіе: $7 + 5 = 12$. »Во всякомъ аналитическомъ сужденіи, говоритъ онъ, сказуемое мыслится (заключается) въ самомъ подлежащемъ; но здѣсь сказуемое 12 не содержится ни въ 7, ни въ 5; слѣдовательно сужденіе $7 + 5 = 12$ есть синтетическое.« Но здѣсь Кантъ выпустилъ изъ вниманія одно не большое обстоятельство, а именно, что подлежащее этого предложенія не есть собственно ни 7 ни 5, а есть знакъ $+$; но въ этомъ-то знакѣ и заключается сказуемое 12. Если это математическое предложеніе мы выразимъ словами, то оно приметъ слѣдующую форму: соединеніе (сложеніе) 7 и 5 есть 12. Слѣдовательно подлежащее здѣсь заключается въ словѣ соединеніе, сложеніе ($+$), а сказуемое 12 прямо вытекаетъ изъ понятія заключеннаго въ словѣ соединеніе. Вообще замѣчательно, что Кантъ никогда не могъ найти удачныхъ примѣровъ, которые бы оправдали его теорію синтетическихъ или апіорическихъ сужденій. Столь же неудачны опредѣленія и примѣры синтетическихъ сужденій, встрѣчающіеся во всѣхъ другихъ Логикахъ и Психологіяхъ. Въ замѣчательной Логикѣ, изданной недавно ученымъ Профессоромъ Г. Карповымъ, сужденіе синтетическое опредѣляется слѣдующими словами: »сужденіе синтетическое есть то, въ которомъ сказуемое выведено не изъ понятія, служащаго подлежащимъ сужденія, а взято подъ понятіемъ, какъ ограниченіе одного изъ принадлежащихъ ему общихъ признаковъ.« Въ этомъ опредѣленіи находимъ слѣдующія несообразности: 1-е, взять сказуемое подъ понятіемъ подлежащаго есть одно и то же; 2-е, говорится, что въ синтетическомъ сужденіи сказуемое выведено не изъ подде-

жащаго, а между тѣмъ оно есть »ограниченіе одного изъ принадлежащихъ ему общихъ признаковъ«; но если сказуемое есть ограниченіе одного изъ принадлежащихъ подлежащему общихъ признаковъ, то оно необходимо и должно въ немъ заключаться: ибо всякій признакъ, какъ общій такъ и частный, всегда заключается въ томъ, чему онъ служитъ признакомъ.

Примѣры синтетическихъ сужденій, приводимые Г. Профессоромъ Карповымъ, ничѣмъ не отличаются отъ аналитическихъ. Они суть слѣдующіе: это дерево — липа; эта бумага — бѣла и проч. Если ихъ разобрать безпристрастно, то они окажутся вполне аналитическими. Липа есть частный видъ общаго понятія — дерево. Когда я, при видѣ извѣстнаго предмета, говорю: это дерево-липа: то очевидно, что въ этомъ предметѣ нахожу тѣ признаки, которые принадлежатъ дереву; иначе не назвалъ бы его деревомъ; слѣдовательно липа, какъ частное понятіе, заключается въ общемъ понятіи — дерево. Въ предложеніи: эта бумага бѣла, признакъ бѣлизны необходимо заключается въ понятіи бумаги: ибо въ немъ необходимо заключается признакъ какого-либо цвѣта, потому что нельзя представить себѣ безцвѣтной бумаги, а отсюда и признакъ бѣлизны, которая есть частный видъ цвѣта.

Словомъ сказать, при всемъ нашемъ искреннемъ желаніи и стараніи найти дѣйствительныя и вѣрныя основанія и примѣры для синтетическихъ сужденій, мы безпристрастно и безъ предубѣжденія должны сказать, что такихъ сужденій нѣтъ и быть не можетъ.

§ 92.

КАКИМЪ МЕТОДОМЪ ДУША ПРИОБРѢТАЕТЪ ПОЗНАНІЯ?

Какъ нѣтъ сужденій синтетическихъ, такъ нѣтъ и метода синтетическаго. Единственный методъ, коему природа научила насъ съ первыхъ дней жизни, которымъ мы приобретаемъ, умножаемъ и повѣряемъ всѣ свои познанія есть анализъ. Мысль эту подтверждаетъ вся исторія образованія и успѣховъ точныхъ естественныхъ и математическихъ наукъ, которыя всѣми своими успѣхами обязаны строгому анализу. Мысль эта подтверждается каждымъ усиліемъ ума въ изученіи какого-бы то ни было предмета. Хочетъ ли ботаникъ изучить какое либо растеніе? Онъ анализируетъ его, разсматриваетъ всѣ его свойства, отыскиваетъ въ немъ тѣ признаки, по коимъ оно должно принадлежать къ тому или другому семейству. Хочетъ ли механикъ объяснить себѣ устройство какой-либо машины? Онъ долженъ обратить вниманіе на каждое колесо, пружину, долженъ узнать дѣйствіе и взаимное отношеніе всѣхъ ея частей; словомъ — анализировать ее. Логикъ, желая изучить какое-либо понятіе, долженъ угадывать изъ какихъ признаковъ, свойствъ и представленій сложилось въ умѣ это понятіе. Въ особенности же математика обязана всѣми великими своими успѣхами аналитическому методу многихъ великихъ умовъ. Но покажите хоть одно открытіе, хотя одинъ успѣхъ, одинъ шагъ впередъ, сдѣланный какою либо наукою при помощи синтеза! Между тѣмъ о немъ толкуютъ съ важностію, какъ о великомъ дѣйствиіи ума человѣческаго.

Скажутъ: разложивши какой-либо изучаемый пред-

метъ, напр., машину или понятіе ума, надобно его сложить, иначе изученіе будетъ неполно: мы будемъ знать всѣ части, но что изъ нихъ выходитъ въ цѣлости намъ не будетъ извѣстно. На это отвѣчаемъ слѣдующее: анализъ нуженъ для изученія машины, или понятія умственнаго, но синтезъ не нуженъ: ибо машина уже готова, понятіе ума уже сложено; ихъ надобно лишь изучить, и для того анализировать. Всѣ вообще предметы для изученія суть нѣчто готовое, данное. Мало того, машинистъ, прежде чѣмъ составилъ или построилъ машину, уже сдѣлалъ умственный анализъ всѣмъ ея частямъ; онъ уже сообразилъ и опредѣлилъ всѣ ея колеса и пружины: значить и самому построенію машины предшествовалъ умственный ея анализъ, иначе машина не появилась бы на свѣтъ. Такъ точно и вся природа. Творецъ уже устроилъ эту чудную машину во всѣхъ ея частяхъ; Онъ уже сдѣлалъ синтезъ; намъ остается дѣлать анализъ.

§ 93.

Значеніе математическихъ аксіомъ.

Защитники синтетическихъ сужденій а priori болѣе всего опирались на математическія аксіомы, какъ на доказательства ихъ бытія и возможности. Математическія аксіомы, по ихъ словамъ, имѣя всеобщность и необходимость, будучи принимаемы всѣми безъ всякаго доказательства и прекословія, явно обнаруживаютъ свое апіорическое происхожденіе. Чтобы увѣриться въ неосновательности этого, разберемъ значеніе и силу математическихъ аксіомъ.

Математическія да и всякія аксіомы суть предложе-

нія чисто тождественныя; онѣ суть выраженіе главнаго закона мышленія, тождества. Но первоначальная и простѣйшая формула тождественнаго сужденія есть слѣдующая: $a = a$; иначе, все равно самому себѣ; величина тождественна, т. е., равна самой себѣ. Никто не станетъ спорить съ нами, что это дѣйствительно такъ. Возьмите и разберите любую математическую аксіому и вы увѣритесь въ ея тождественности. Напр., въ предложеніи: »цѣлое больше своей части«, понятіе о цѣломъ само въ себѣ заключаетъ представленіе того, что оно больше части: слѣдовательно, »цѣлое больше своей части« — просто значить: цѣлое равно цѣлому, $a = a$. Въ предложеніи: »часть меньше цѣлаго«, понятіе о части означаетъ именно то, что меньше цѣлаго: слѣдовательно эта аксіома есть тоже, что — часть есть часть, $a = a$. Двѣ величины, порознь равныя третьей, равны между собою — опять видоизмѣненіе тождественнаго предложенія: если $a = b$ и $c = b$, то $a = c$ или $a = a$. Словомъ, какую ни возьмемъ математическую аксіому, всегда увидимъ, что она есть видоизмѣненіе тождественнаго предложенія. Таковы и метафизическія аксіомы, какъ это мы показали выше. Напр., сказать, что безъ причины ничего не бываетъ, все равно, что сказать — изъ ничего ничего не бываетъ, или въ формѣ математической $0 = 0$. Отсутствіе всякой причины есть ничто: слѣдовательно сказать, что безъ причины что-либо можетъ произойти, все равно что сказать въ одно время объ одномъ предметѣ: да и нѣтъ. Или предложеніе: всякая причина предполагаетъ слѣдствіе, все равно, что причина есть причина, $a = a$.

Теперь не трудно понять, въ чемъ заключается сила,

и отчего рописходить всеобщность и необходимость этихъ аксіомъ. Сила эта именно происходитъ отъ ихъ тождественности. При первомъ же взглядѣ на такія предложенія уже представляется то, что въ нихъ собственно ничего не утверждается, что сказуемое есть тоже самое подлежащее, только выраженное другимъ терминомъ. Кто помнитъ процессъ, происходившій въ своемъ умѣ въ то время, когда ему въ первый разъ приходилось вдумываться въ устройство и значеніе аксіомы: тотъ вполне согласится съ тѣмъ, что мы именно и принимаемъ ихъ потому, что видимъ ихъ тождественность, видимъ въ нихъ отсутствіе всякаго содержанія. Не смѣшно ли предполагать, что предложеніе $a = a$, цѣлое равно цѣлому и подобныя, потому только всеобщи и необходимы, потому только принимаются всѣми, что они врождены уму человѣческому, или что въ умѣ нашемъ есть заранѣе данныя для нихъ формы! Къ чему эти предварительныя приготовленія ума къ составленію аксіомъ, когда онѣ не имѣютъ рѣшительно никакого содержанія, когда въ нихъ ровно ничего не утверждается. Въ аксіомѣ: цѣлое равно всѣмъ своимъ частямъ, говорится, что $a = a$. Въ ней субъекту a (цѣлое) совершенно ничего не приписывается, но говорится что a есть a . Въ предложеніи: цѣлое больше своей части, субъекту «цѣлое» ничего не придается, а говорится только, что цѣлое есть цѣлое. Это предложеніе все равно, что тысячи другихъ: перо есть перо, лошадь есть лошадь. и проч. Умъ ихъ принимаетъ потому, что они тождественны и не имѣютъ въ себѣ содержанія (*).

(*) Известно, что всѣ математическія рѣшенія основаны на подобныхъ тожд-

Вотъ почему Кантъ синтетическія предложенія *a priori* хотѣлъ объяснить иначе и полагалъ, что въ нихъ субъекту приписывается предикатъ, ему чуждый; однакожь нигдѣ не могъ найти ни одного на то примѣра.

§ 94.

О ВЕРХОВНОМЪ ЗАКОНѢ ПРАВИЛЬНАГО МЫШЛЕНІЯ.

Верховный логическій законъ, которымъ нужно по-вѣрять истинность всякаго сужденія, на которомъ утверждается сила даже всѣхъ тождественныхъ сужденій есть законъ *противорѣчія*. Простѣйшая формула его слѣдующая: нельзя въ одно время и объ одномъ предметѣ и утверждать, и отрицать что либо. Или: нельзя говорить и да и нѣтъ въ одно время объ одной и той же вещи, или, нельзя сказать, что *a* не есть *a*. Почему умъ нашъ почитаетъ такое правило непреложнымъ, это понятно само собою, и нѣтъ никакой нужды предполагать какія либо заранѣе существующія въ душѣ формы для объясненія сего закона. Законъ сей въ разныхъ формахъ и видахъ имѣетъ великое употребленіе, какъ въ математикѣ, такъ и въ мышленіи. Для опроверженія какихъ-либо мыслей обыкновенно стараются найти въ нихъ противорѣчіе себѣ самимъ, или покрайней мѣрѣ противорѣчіе другимъ доказаннымъ очевиднымъ исти-

---

дественныхъ предложеніяхъ. Всѣ теоремы ея приводятся къ аксіомамъ, которыхъ истинность понятна уму и видна сама собою. Прибавьте къ этому языкъ математическій, языкъ удивительно точный, опредѣленный, орудіе строгаго анализа, и вы увидите отчего происходитъ эта завидная и желанная но не достижимая для другихъ наукъ ясность, точность и неопровержимость математики.

намъ. Въ математикѣ же для доказательства ложности какого либо сужденія стараются привести его ad absurdum. Притомъ же надобно еще замѣтить, что всѣ логическіе, такъ называемые общіе законы мышленія суть видоизмѣненія закона противорѣчія. Возьмемъ хоть законъ тождества. Почему мы принимаемъ за аксіому положеніе $a = a$: всякая величина равна себѣ самой? Потому что думать иначе будетъ явнымъ противорѣчіемъ, потому что нельзя утверждать, что a есть и не есть a . Другій логическій законъ исключеннаго третьяго также есть видоизмѣненіе начала противорѣчія: ибо о предметѣ надобно утверждать или да или нѣтъ, третьяго утвержденія не можетъ быть, и оно будетъ противорѣчіемъ. Такимъ образомъ логическое всеобщее начало для повѣрки мышленія только одно, именно — законъ противорѣчія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О ДУШЕВНЫХЪ СОСТОЯНІЯХЪ.

---

§ 95.

СОДЕРЖАНІЕ ГЛАВЫ, СВЯЗЬ ЕЯ СЪ ПРЕДЫДУЩИМЪ
И РАЗДѢЛЕНІЕ.

Представленія наши имѣютъ двѣ стороны: онѣ, во 1-хъ, служатъ основаніемъ нашихъ сужденій, умозаключеній и вообще всего мышленія; во 2-хъ, онѣ, хотя не всѣ, но большею частію сопровождаются чувствованіемъ удовольствія или неудовольствія: слѣд, служатъ источникомъ душевныхъ состояній, или сердечныхъ чувствованій. Первую сторону ихъ мы показали въ предыдущей главѣ, гдѣ старались объяснить, какъ изъ нихъ истекаютъ всѣ наши познанія. Здѣсь же мы постараемся описать тѣ чувствованія, какія онѣ производятъ въ насъ въ разныхъ случаяхъ. Чувствованія сіи составляютъ внутреннюю жизнь дитяти и отличаются отъ познаній тѣмъ, что онѣ въ душѣ происходятъ не столь отчетливо, то есть, мы часто не можемъ угадать причины, ихъ породившей, и не умѣемъ отличить ихъ другъ отъ друга.

При томъ же, чѣмъ онѣ бываютъ глубже и напряженнѣе, тѣмъ дѣлаются темнѣе и безотчетнѣе; тогда какъ познанія наши, по степени своего возвышенія, дѣлаются яснѣе и сознательнѣе. По этому-то анализъ душевныхъ состояній или чувствъ затруднительнѣе, чѣмъ анализъ познаній.

Точно такую связь съ представленіями имѣютъ страсти человѣческія: ибо страсти суть сильнѣйшія желанія; но желанія, какъ было объяснено въ 2-ой главѣ, суть дѣйствія познавательныхъ способностей; онѣ рождаются отъ представленія удовольствій, ожидающихъ насъ въ томъ, или другомъ случаѣ. По этому, раздѣливъ эту главу на три части, изложимъ въ первой — понятіе о всѣхъ пріятныхъ и непріятныхъ чувствованіяхъ души; во второй — рассмотримъ страсти, какъ особый родъ душевныхъ состояній, а въ третьей — сдѣлаемъ нѣкоторые общіе выводы и замѣчанія.

А. О СОСТОЯНІЯХЪ ДУШИ ПРИЯТНЫХЪ И НЕПРИЯТНЫХЪ.

§ 69.

Общій источникъ всѣхъ душевныхъ состояній.

Душевные состоянія, или чувства удовольствія и неудовольствія, являются въ душѣ не случайно, а имѣютъ свои причины и свои постоянные законы.

Источникъ, изъ котораго онѣ проистекаютъ, всегда одинъ и тотъ же; а причина, которая ихъ поддерживаетъ, усиливаетъ или ослабляетъ, всегда имѣетъ тѣсную связь съ самою природою человѣка. Этотъ источникъ есть об-

щее всѣмъ людямъ чувство самосохраненія, или, если хотите, самолюбія. Естественно, что человѣкъ любитъ самаго себя и старается о самосохраненіи; безъ этого чувства человѣкъ не былъ бы человѣкомъ; а потому естественно также, что человѣку нравится все, содѣйствующее его самосохраненію, и рождаетъ въ немъ неудовольствіе все, что мѣшаетъ этому чувству и препятствуетъ его жизни.

§ 97.

О ПРІЯТНОМЪ И НЕПРІЯТНОМЪ ВООБЩЕ.

Изъ предыдущаго открывается, что пріятное для человѣка заключается въ томъ, что удовлетворяетъ чувству самосохраненія, или иначе естественнымъ нуждамъ человѣка, а непріятное — на оборотъ. Судя по этому, пріятнаго и непріятнаго въ жизни должно бы быть очень не много: потому что естественныхъ нуждъ у человѣка, собственно говоря, очень мало. Творецъ далъ человѣку такую природу, нуждамъ которой очень не трудно удовлетворить; но, къ несчастію, человѣкъ такъ удалился отъ природной жизни, что у него явились тысячи искусственныхъ, но не менѣе настоятельныхъ нуждъ. Много ли нужно человѣку для того чтобы одѣться, а между тѣмъ сколько придумано для одежды вещей, лишеніе коихъ становится нуждою для человѣка! Чтобъ быть сыту, довольно куска хлѣба и мяса; но сколько придумано многообразныхъ явствъ, привычка къ которымъ дѣлаетъ ихъ настоящею необходимостію для насъ. Чтобъ удовлетворять жаждѣ, при-

рода дала прекраснѣйшій, готовый напитокъ; но люди придумали для этого тысячи другихъ средствъ, недостатокъ коихъ составляетъ несчастье для многихъ, а приобретение — источникъ многихъ удовольствій. Отсюда и происходитъ такое множество пріятнаго и не пріятнаго въ жизни человѣка: ибо лишеніе всего того, къ чему онъ привыкъ служить для него источникомъ неудовольствій, а представленіе о нихъ раждаетъ въ немъ пріятныя чувства. Отсюда слѣдуетъ также и то, что чѣмъ человѣкъ живетъ проще, чѣмъ онъ болѣе ограничиваетъ свои нужды, тѣмъ онъ счастливѣе. Пусть говорятъ политики-экономисты, что развитіе роскоши и умноженіе потребностей споспѣшествуетъ къ усилению торговли и общаго благосостоянія! Психологъ, изучающій душу человѣческую, ясно понимаетъ, что, чѣмъ больше нуждъ и привычекъ у человѣка, тѣмъ онъ несчастнѣе, хотя бы всѣмъ своимъ нуждамъ онъ и легко могъ удовлетворять.

§ 98.

Радость и печаль.

Радость есть то удовольствіе, или пріятное ощущеніе, которое раждается въ насъ, или при мысли, что мы обладаемъ какимъ-либо желаннымъ благомъ, или при удовлетвореніи какому-либо стремленію, а иногда естественной нуждѣ, или требованію привычки. Чувство радости иногда предшествуетъ дѣйствительному обладанію желаннымъ благомъ, или удовлетворенію привычекъ, и раждается отъ одной надежды, что мы можемъ получить то благо, къ которому стремимся. Такъ, напр., человѣкъ

больной радуется отъ одной надежды, что онъ скоро выздоровѣетъ; напрягшій всѣ усилія къ пріобрѣтенію какого-либо блага радуется при одной мысли, что онъ скоро достигнетъ своей цѣли. По странному капризу сердца человѣческаго, многіе гораздо болѣе испытываютъ радости до полученія какого-либо блага, отъ одной мысли о своей близости къ цѣли, чѣмъ послѣ полученія его; такъ что часто у самой цѣли своихъ помысловъ уже разочаровываются, или, по крайней мѣрѣ, чувствуютъ менѣе удовольствія. Вѣроятно это происходитъ отъ воображенія, которое заранѣе сулитъ намъ удовольствій болѣе, чѣмъ можно получить въ дѣйствительности, и рождаетъ преувеличенныя надежды, не всегда оправдываемыя на дѣлѣ.

Высшая степень радости называется восторгомъ. Восторгъ есть состояніе напряженное, въ которомъ человѣкъ долго оставаться не можетъ, и которое часто вызываетъ другую крайность т. е. грустное расположеніе. Не всякій человѣкъ равно склоненъ къ радости или къ восторгу: есть люди, кои совсѣмъ не способны къ восторженному состоянію; другіе, напротивъ, отъ всего приходятъ въ восторгъ.

Чувство радости не должно смѣшиваться съ веселостію. Веселость больше относится къ нраву и означаетъ нѣкоторую постоянную склонность къ обнаруженію пріятнаго расположенія духа, происходящую, если оно бываетъ непритворное, а истинное, отъ внутренняго довольства, отъ душевнаго спокойствія.

Чувство противоположное радости называется печалію. Печаль происходитъ въ душѣ при мысли о томъ благѣ, которое мы или утратили, или не могли получить,

не смотря на всѣ наши старанія. Печаль бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе воображеніе напоминаетъ намъ о потерянномъ благѣ, или рисуетъ намъ картину тѣхъ удовольствій, какія могло бы доставить намъ то или другое благо. Таково, напр., состояніе матери, оплакивающей смерть сына. Воображеніе безпрестанно рисуетъ ей черты умершаго; она воспоминаетъ объ его привычкахъ, объ умѣ, о всемъ, что такъ было ей дорого, въ чемъ она находила столько удовольствія, и все это служитъ пищею ея печали. Поэтому кто хочетъ утѣшить человѣка печальнаго, тотъ долженъ развлекать его, т. е., заставить его не думать о своемъ горѣ, удалить отъ него все, что напомнило бы ему о предметѣ печали. Отсюда происходитъ и то, что время лучше исцѣляетъ раны сердечныя, чѣмъ словесныя утѣшенія.

Но мы часто испытываемъ печаль и при видѣ чужой горести. Даже одно воспоминаніе о скорби ближняго раждаетъ въ насъ печаль: но самый видъ скорби, зрѣніе страданій ближняго, особенно же близкаго намъ человѣка, возбуждаетъ въ насъ сильную скорбь. Въ этомъ случаѣ печаль наша есть *сочувствіе* страданіямъ ближняго. Кто внимательно наблюдалъ состояніе своей души, когда она испытываетъ *состраданіе*: тотъ могъ замѣтить, что человѣкъ въ этомъ состояніи какъ-бы поставляетъ себя на мѣсто страждущаго; воображаетъ, какъ-бы онъ страдалъ самъ, еслибъ былъ въ подобномъ положеніи: словомъ возбуждаетъ въ себѣ то самое чувство, какое находится въ страждущемъ. Вотъ почему нѣкоторыя слабонервныя особы не могутъ выносить вида чужихъ страданій; онѣ, какъ-бы сами испытываютъ въ это время тѣ муки, какія представляются ихъ глазамъ.

Замѣчательно, что на языкѣ человѣческомъ существуетъ много словъ для выраженія разныхъ видовъ печали; тогда какъ противоположное ей чувство имѣетъ только одно названіе — радость. Это происходитъ или отъ того, что въ жизни людей гораздо болѣе печалей, чѣмъ радостей, или отъ того, что все непріятное мы чувствуемъ глубже и помнимъ дольше, а все радостное скоро забываемъ.

Слабѣйшая степень печали обозначается словомъ *огорченіе*, *грусть*. Слово *досада* выражаетъ иногда слабѣй видъ печали, а иногда печаль, соединенную съ другимъ непріятнымъ чувствомъ — гнѣвомъ. Скорбь иногда выражаетъ высшую степень печали, иногда же употребляется въ смыслѣ, совершенно равносильномъ слову печаль. Высшую степень печали называютъ также *уныніемъ*. Оно бываетъ соединено съ потерей энергіи, упадкомъ всѣхъ силъ физическихъ и духовныхъ. Впрочемъ, вообще говоря, трудно дать точное и опредѣленное значеніе симъ словамъ: ибо чувство всегда трудно выразить словами. Когда, напр., я говорю »досада«, то всякій по собственному опыту лучше можетъ понять, что я хочу выразить этимъ словомъ, нежели когда я стараюсь объяснить это чувство другими словами.

§ 99.

О наружныхъ признакахъ радости и печали.

Радость оживляетъ человѣка, возбуждаетъ его энергію; въ радости человѣкъ какъ-бы расширяется; голова поднимается вверхъ; глаза смѣло устремлены на всѣхъ; поступь твердая и легкая. Напротивъ того печаль

убиваетъ силы: человѣкъ какъ будто сжимается, голова наклонена, глаза потуплены, лице туманно. Но контрастъ между сими чувствами бываетъ гораздо замѣчательнѣе при ихъ напряженіи. Радость любить излиться, обнаружиться въ чемъ-либо. Въ радости человѣкъ бываетъ общителенъ, хочетъ съ кѣмъ-либо подѣлиться; особенно трудно затаить въ себѣ восторгъ; въ восторгѣ человѣкъ готовъ обнять всякаго, даже врага своего. Такая общительность радости происходитъ, кажется отъ того, что радость наша увеличивается, если кто нибудь раздѣляетъ ее съ нами. Стараясь сообщить другому свой восторгъ, мы просто слѣдуемъ порыву тщеславія, мы какъ-бы хвастаемъ своимъ счастіемъ, мы хотимъ, чтобъ всѣ намъ завидовали. Горесть и уныніе, напротивъ того, не общительны. Унылый человѣкъ бываетъ молчаливъ, любитъ уединяться, скрывается отъ людей. Все это есть дѣйствіе тогоже тщеславія и самолюбія. Мы не хотимъ возбуждать въ людяхъ сожалѣнія къ себѣ; гордость не позволяетъ намъ дѣлать себя предметомъ соболѣзнованія однихъ и тайной радости другихъ. Но бываетъ и на оборотъ. Бываетъ, что человѣкъ, какъ говорится, рисуется своею печалью, ищетъ возбудить сожалѣніе въ другихъ, хочетъ какъ бы сказать: смотрите, сколько я выношу горя! я настоящій герой страданья!

Нельзя здѣсь пройти молчаніемъ того замѣчательнаго явленія, что душа человѣческая часто находитъ какое-то странное удовольствіе въ самой печали, что ей пріятны тихая грусть, горестное настроеніе мыслей. Иначе нельзя объяснить того факта, что мы съ такимъ удовольствіемъ слушаемъ печальную музыку, печальныя

пѣсни, что народныя пѣсни больше всего дышать грустію, проникнуты меланхоліею. Не отъ того ли это происходитъ, что чувствовать вообще — значить жить, а душа естественно привязана къ жизни и къ чувствамъ, какія-бы они ни были?

§ 100.

Зависть.

Зависть есть чувство неудовольствія или даже скорби, происходящее въ душѣ при видѣ блага, принадлежащаго другому, — блага, которое намъ хотѣлось бы имѣть самимъ. Въ этомъ смыслѣ зависть можно назвать особеннымъ видомъ печали.

Изъ всѣхъ чувствъ зависть наиболѣе распространена между людьми, такъ что рѣдкій можетъ служить исключеніемъ изъ этого правила. Все можетъ возбуждать и питать это низкое чувство. Малѣйшія выгоды, принадлежащія другимъ, кажутся обидою завистливому. Благо, которое въ чужихъ рукахъ возбуждаетъ его зависть, теряетъ половину своей цѣны, когда имъ пріобрѣтается. Очень рѣдко бываетъ, чтобъ это дурное чувство не порождало множества другихъ, не менѣе дурныхъ чувствъ. Завистливый легко предается гнѣву, при видѣ умноженія благъ ближняго; онъ бываетъ радъ, когда предметъ его зависти терпитъ несчастія; онъ готовъ мстить ему, какъ своему личному врагу; всѣ добрыя чувства — любовь, сожалѣніе, радость недоступны сердцу, исполненному зависти. Наконецъ, зависть еще тѣмъ отличается отъ другихъ чувствъ, какъ напр., гнѣва, страха, отчаянія и пр., что сіи послѣднія чувства бываютъ временны и скоропрехо-

дящи, и хотя дѣйствуютъ сильно, но скоро и исчезаютъ; зависть же, хотя никогда не овладѣваетъ душою въ такой сильной степени, но за то бываетъ продолжительнѣе.

§ 101.

НАДЕЖДА И ОТЧАЯНІЕ.

Надежда есть пріятное состояніе души, происходящее отъ представленія, что мы получимъ благо, къ которому стремимся и которое способно доставить намъ удовольствіе. Такимъ образомъ надежда есть какъ-бы предварительное наслажденіе тѣмъ благомъ, которое ожидаетъ насъ въ будущемъ. Это состояніе предшествуетъ, сопровождаетъ и поддерживаетъ душу во всѣхъ ея стремленіяхъ, такъ что душа безъ нея не могла-бы напрягать своихъ силъ для полученія чего-либо. Хотя разумъ часто внушаетъ человѣку, что онъ не долженъ ожидать успѣха въ нѣкоторыхъ случаяхъ; хотя опытъ научаетъ, что тѣ или другія стремленія не могутъ достигнуть цѣли, но надежда не только не покидаетъ его, но всегда подкрѣпляетъ и возбуждаетъ его силы, такъ что большая или меньшая степень надежды часто служитъ ручательствомъ успѣха въ извѣстныхъ предпріятіяхъ. Сердце человѣческое такъ сродно надеждѣ, что она, говорю, не покидаетъ насъ въ самыхъ отчаянныхъ и крайнихъ случаяхъ. Утопающій, говорятъ, хватается за соломинку, а это выражаетъ ту мысль, что надежда не покидаетъ насъ и тамъ, гдѣ, по видимому, нѣтъ никакихъ основаній надѣяться. Эта упорная привязанность человѣка къ сему чувству объясняется любовію къ жизни и чувствомъ самосохраненія

которыя составляютъ основу нашей жизни, и которыя покидаютъ насъ лишь вмѣстѣ съ самою жизнію.

Отчаяніе есть чувство противоположное надеждѣ. Оно происходитъ отъ представленія, что мы не можемъ уже пріобрѣсти того блага, къ которому стремились. Отчаяніе имѣетъ свои степени и свой, такъ сказать, объемъ. Чѣмъ выше и необходимѣе то благо, получить которое мы отчаялись, тѣмъ чувство это бываетъ тяжелѣе для насъ. Сильная привязанность человѣка къ жизни заставляетъ его отвращаться чувства отчаянія; если надежда обманула въ одномъ, онъ начинаетъ стремиться къ чему-либо другому. Но, если отчаяніе сильно овладѣло душою, оно производитъ въ ней страшное опустошеніе, лишая ее энергіи, притупляя всякое чувство. Иногда же, какъ это ни странно, внезапное отчаяніе производитъ совершенно противоположное дѣйствіе: оно напрягаетъ душевныя и тѣлесныя силы до изумительной степени, такъ что человѣкъ въ отчаяніи совершаетъ такіе дѣла, которыхъ въ спокойномъ состояніи никогда не могъ бы исполнить.

§ 102.

СТРАХЪ И МУЖЕСТВО.

Страхъ есть то непріятное и безпокойное состояніе души, въ которое впадаетъ она отъ представленія близкаго несчастія, или близкой опасности. Чувство страха овладѣваетъ душою внезапно и сильно; иногда же останавливается на низшей степени, если душа твердостью воли побѣждаетъ его. Въ началѣ своемъ оно бываетъ простымъ безпокойствомъ, которое не ясно представляется уму; но, по мѣрѣ усиленія, оно дѣлается тягостнѣе, и нако-

нецъ овладѣваетъ всею душою, заглушая въ ней всѣ прочія чувствованія. На этой степени оно называется *ужасомъ*. Ужасъ производитъ оцѣпенѣніе, т. е., такъ поражаетъ всѣ силы души и тѣла, что человѣкъ не можетъ ни мыслить, ни двигаться. Въ этомъ состояніи лице блѣднѣетъ; волосы становятся дыбомъ; кровь приливаетъ къ сердцу; руки и особенно колѣна дрожать; дыханіе стѣсняется; языкъ нѣмѣетъ. Но иногда бываетъ и на оборотъ: человѣкъ получаетъ, какъ въ отчаяніи, необыкновенную энергію и обнаруживаетъ необычайныя силы. Замѣчательно еще одно обстоятельство, именно, что страхъ въ большой массѣ людей дѣлается заразительнымъ; отъ чего произошло названіе *панической страхъ*. Панической страхъ тѣмъ отличается отъ обыкновеннаго, что онъ, переходя отъ одного къ другому, растетъ подобно снѣжной лавинѣ.

Слово «мужество» часто употребляется, какъ выраженіе душевнаго состоянія, противоположнаго страху; но кажется, что мужество не есть собственно какое либо опредѣленное ощущеніе, а общее настроеніе души, т. е., увѣренность въ собственныхъ силахъ, и относится болѣе къ характеру, нежели къ душевнымъ ощущеніямъ.

§ 103.

Гнѣвъ со всѣми его степенями.

Гнѣвъ есть то непріятное ощущеніе души, которое раждается въ человѣкѣ или при мысли, что у него отнимаютъ какое-либо благо, ему принадлежащее, или при видѣ оскорбленія наносимаго ему кѣмъ-нибудь. Это чувство раждается въ насъ иногда и отъ внутренней при-

чины; когда, напр., мы по какому-либо поводу бываемъ недовольны самими собою. Оно всегда почти сопровождается стремленіемъ излиться на чемъ, или на комъ-либо, удовлетворить себя чѣмъ-либо. Чувство гнѣва имѣетъ множество степеней и видѣвъ. Низшія степени гнѣва: а) *досада* или огорченіе, когда человѣкъ чувствуетъ какое-то нетерпѣніе; б) *раздражительность*, когда человѣкъ часто предается гнѣву: она происходитъ чаще всего отъ болѣзненнаго состоянія организма; в) *капризъ*, такъ называется гнѣвъ безпричинный, неосновательный: онъ болѣе свойствененъ дѣтямъ и людямъ избалованнымъ. Высшая степень гнѣва называется *яростію*, а иногда *бѣшенствомъ*. Въ этомъ крайнемъ напряженіи чувствъ люди теряютъ всякую власть надъ собою и готовы, такъ сказать, все уничтожить. Чувство мстительности, желаніе излиться на чемъ-либо, особенно сильно обнаруживаются въ ярости.

§ 104.

Гордость.

Гордость есть чувство, которое рождается въ насъ, когда мы представляемъ или, такъ сказать, созерцаемъ умственно свои достоинства дѣйствительныя, или воображаемыя, внутреннія или внѣшнія, и когда сравниваемъ свое положеніе и временныя блага, напр., богатство, происхожденіе и проч., съ положеніемъ и благами другихъ людей. Иначе ее опредѣляютъ такъ: гордость есть удивленіе самому себѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если хорошенько вникнемъ въ состояніе души человѣка гордаго: то окажется, что онъ внутренно какъ-бы удив-

ляется себѣ самому, отдаетъ преимущество и похвалу своимъ достоинствамъ. Изъ всѣхъ чувствъ гордость есть ближайшее исчадіе самолюбія; и поелику нѣтъ человѣка безъ самолюбія, то рѣдко бываетъ и безъ гордости. Удивительно то, что какъ-бы человѣкъ ни былъ несчастенъ и обиженъ судьбою, какъ-бы онъ ни былъ ограниченъ по внѣшнему и внутреннему состоянію, онъ всегда найдетъ случай сравнить себя съ другимъ и внутренно отдать себѣ преимущество. Даже нищіе часто гордятся другъ предъ другомъ своими лохмотьями и презираютъ одинъ другаго. Гордость не рѣдко заставляетъ насъ приписывать себѣ такія достоинства, которыхъ въ насъ нѣтъ, и мѣшаетъ видѣть тѣ дѣйствительные недостатки, знать которые было бы намъ полезно. Какъ часто мы гордимся даже тѣмъ, что достойно стыда!

Гордость ничего не имѣетъ общаго съ похвальнымъ чувствомъ уваженія къ самому себѣ, которое должно быть основаніемъ доброй жизни и слѣдствіемъ истинныхъ достоинствъ: только мы должны уважать не слабости свои, а то, что достойно въ насъ уваженія, и въ слѣдствіе того — стремиться къ исправленію.

Гордость имѣетъ свои измѣненія и степени. *Тщеславіе* есть склонность находить удовольствіе въ пустыхъ и ничтожныхъ преимуществахъ: напр., въ красотѣ, въ богатствѣ одежды и проч. *Спльсь* иногда означаетъ высшую степень гордости, иногда же есть названіе всего того, что гордость заключаетъ въ себѣ смѣшнаго. *Надменность* выражаетъ высшую степень гордости: она невольно проявляется въ наружныхъ признакахъ, каковы: нѣкоторая торжественность въ рѣчахъ и движеніяхъ, под-

нятая вверхъ голова, важный взглядъ и проч. Всѣ сіи признаки рѣдко не бываютъ смѣшны: ибо рѣдкій умѣетъ сдѣлать ихъ выраженіемъ внутреннихъ достоинствъ.

Наконецъ весьма достойно замѣчанія, что гордость чаще всего бываетъ свойствомъ людей ограниченныхъ, нежели истинно умныхъ и достойныхъ. Это не трудно впрочемъ объяснить. Человѣкъ истинно умный не можетъ предаться гордости: ибо, хотя онъ и чувствуетъ въ себѣ много достоинствъ, но, въ тоже время, очень хорошо понимаетъ и свои недостатки. Напротивъ того, ограниченный умъ не можетъ оцѣнить себя по справедливости; ему всегда кажется, что онъ обладаетъ удивительными достоинствами. Случается, впрочемъ, и очень часто, что видимою спѣсью нѣкоторые намѣренно прикрываютъ внутреннюю пустоту души.

§ 105.

ПРЕЗРѢНІЕ.

Чтобы хорошо понять это чувство, надобно помнить, что оно иногда бываетъ слѣдствіемъ гордости, а иногда раждается изъ другихъ болѣе благородныхъ и похвальныхъ чувствъ. Въ послѣднемъ случаѣ, презрѣніе чаще всего есть неудовольствіе, или непріятное чувствованіе, которое является въ душѣ отъ представленія какого-либо низкаго и безчестнаго поступка или свойства, и тогда къ чувству презрѣнія всегда примѣшивается нѣкоторая досада, нѣкоторый гнѣвъ на лице или поступокъ. Но, если презрѣніе раждается отъ гордости, то оно есть какъ бы мысленное уничтоженіе и пренебреженіе всѣхъ другихъ личностей въ сравненіи съ собственной личностью.

Чувство презрѣнія можетъ быть иногда обращено и къ самой нашей личности. Бываетъ часто, что человекъ, обладаемый пороками и доведши себя до нравственнаго униженія, обращаясь мысленно къ своей личности, начинаетъ презирать самаго себя, начинаетъ стыдиться своихъ поступковъ: и тогда это чувство выражается въ угрызеніи совѣсти, въ досадѣ на самаго себя и бываетъ очень тягостно, но за то становится нерѣдко началомъ исправленія и доброй жизни. Впрочемъ самолюбіе человека таково, что онъ рѣдко презираетъ даже свои недостатки.

§ 106.

Стыдъ.

Стыдъ есть тягостное ощущеніе, рождающееся въ душѣ при мысли, что мы совершили что-либо недостойное, смѣшное или низкое. Иногда это чувство рождается не только при совершеніи дурнаго дѣла, но при одной мысли о немъ, и даже при взглядѣ на чей-либо дурной поступокъ. Большая или меньшая склонность человека къ сему чувству зависитъ отъ разныхъ обстоятельствъ. Иной стыдится очень часто и очень многихъ вещей, другій же испытываетъ это чувство въ рѣдкихъ случаяхъ. Воспитаніе, нравственное состояніе, характеръ и другія обстоятельства опредѣляютъ его степени. Кто получилъ хорошее воспитаніе, съ малыхъ лѣтъ привыкъ къ добрымъ мыслямъ и поступкамъ, чаще и болѣе другихъ стыдится всего дурнаго. Еще больше значить въ этомъ случаѣ привычка. Видъ порока, который въ первый разъ покрывалъ стыдомъ лице человека, не вну-

шаетъ ему никакого смущенія, какъ скоро онъ привыкъ къ нему. Замѣчательно въ особенности то, что много есть людей чрезвычайно и непритворно стыдливыхъ въ обществѣ, но очень смѣлыхъ на всякіе поступки на-единѣ.

Чувство стыда можетъ и должно служить рычагомъ для управленія людскими поступками; въ особенности должно пользоваться имъ при воспитаніи дѣтей, въ которыхъ оно еще не заглушено знакомствомъ съ пороками.

§ 107.

ОБЪ УДИВЛЕНІИ.

Всѣ вообще душевныя состоянія трудно поддаются умственному анализу, но между ними всего труднѣе анализировать удивленіе. Всякій, по собственному внутреннему опыту, болѣе или менѣе понимаетъ, что значить удивленіе; но пересказать или опредѣлить это состояніе души, кажется, вѣтъ возможности. Удивленію нельзя приписать даже и того, что составляетъ отличительный признакъ предыдущихъ состояній, именно, пріятнаго или непріятнаго ощущенія: потому что оно собственно есть состояніе безразличное. Причиною, которая возбуждаетъ въ насъ удивленіе, бываетъ что-либо необыкновенное, неожиданное и не похожее на все то, къ чему мы привыкли и что ожидаемъ по естественному ходу вещей. Далѣе, естественно, что человѣкъ опытный, умный, не такъ часто испытываетъ чувство удивленія, какъ человѣкъ неопытный, малосвѣдущій: ибо первому все извѣстно, все предвидѣно, а второму все ново, непонятно. Вотъ отъ чего дѣти всему и всегда удивляются.

Мы сказали, что удивленіе есть чувство безразличное: и на самомъ дѣлѣ въ немъ не бываетъ неудовольствія. Правда, иногда говорятъ: я былъ пріятно удивленъ; я былъ непріятно пораженъ и пр.; но при этомъ разумѣютъ такіе случаи, когда чувство удовольствія и неудовольствія возникло въ насъ отъ какихъ-либо неожиданныхъ причинъ, и слѣд., въ нихъ, кромѣ пріятнаго и непріятнаго, примѣшалось еще удивленіе отъ нечаянности.

В. О СТРАСТЯХЪ.

§ 108. .

ОПРЕДѢЛЕНІЕ И ОТЛИЧІЕ СТРАСТЕЙ ОТЪ ПРОЧИХЪ ДУШЕВНЫХЪ СОСТОЯНІЙ.

Страсти суть также душевныя состоянія; но отъ предъидущихъ онѣ отличаются тѣмъ, что преобладающій элементъ въ нихъ есть сильное и непрерывное желаніе, или стремленіе къ извѣстному удовольствію; тогда какъ предъидущія душевныя состоянія суть самыя чувствованія пріятныя и непріятныя. Далѣе, всѣ вообще страсти суть видоизмѣненія одной любви; но для описанныхъ выше душевныхъ состояній нельзя указать такого источника начала. Слѣд., здѣсь мы, прежде всего, должны изслѣдовать, что такое любовь.

§ 109.

Любовь.

Помышляя о томъ удовольствіи, какое доставляетъ или доставлялъ намъ извѣстный предметъ, мы чувству-

емъ къ нему любовь или стремленіе. Напр., если кто говорить, что онъ любить виноградъ, то этимъ выражаютъ, что вкушеніе винограда доставляетъ ему удовольствіе.

Любовь опредѣляютъ еще какъ стремленіе души— обладать любимымъ предметомъ, и это большею частію справедливо; однакоже бываютъ случаи, когда любовь есть простое ощущеніе удовольствія, при представленіи какого-либо предмета, безъ желанія или стремленія обладать этимъ предметомъ. Напр., я люблю красивое мѣстоположеніе: это не значитъ, что я желаю обладать симъ мѣстоположеніемъ, а значитъ то, что видъ его доставляетъ мнѣ удовольствіе. Тоже самое можно сказать и о всякой любви родственной, какъ то: о любви къ дѣтямъ, къ родителямъ, къ друзьямъ и къ другимъ лицамъ. Здѣсь любовь есть ощущеніе удовольствія, производимаго въ насъ самымъ бытіемъ и самымъ счастіемъ любимаго предмета. Человѣкъ иногда чувствуетъ любовь даже къ ничтожнымъ вещамъ, но только въ томъ случаѣ, когда онъ возбуждаютъ въ немъ и какія-либо пріятныя воспоминанія.

§ 110.

КАКІЯ ЧАСТНЫЯ СТРАСТИ РАЖДАЮТСЯ ОТЪ ЛЮБВИ.

Любовь, какъ источникъ всѣхъ страстей, заключаетъ въ себѣ существенный элементъ, дѣлающій ее страстью, именно — желаніе или стремленіе обладать предметомъ любви. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ любовь проявляется, какъ слѣдующія частныя страсти: 1-хъ, страсти тѣлесныя: а) объяденіе и пьянство; б) страсть къ зрѣли-

щамъ. Тѣлесными называются сіи страсти отъ того, что онѣ имѣютъ своимъ источникомъ чисто тѣлесныя впечатлѣнія; 2-хъ, страсти духовныя, т. е. происходящія отъ душевныхъ представлений: а) корыстолюбіе; б) честолюбіе; в) страсть къ научнымъ занятіямъ и пр. Но прежде, чѣмъ мы будемъ разсматривать сіи видоизмѣненія любви, мы должны изложить еще понятіе о ревности и ненависти, двухъ непосредственныхъ слѣдствій любви.

§ 111.

Ревность.

Ревность есть слѣдствіе любви и видоизмѣненіе зависти. Она рождается отъ того, если мы предметъ любви своей видимъ въ чужомъ обладаніи, или предполагаемъ, что онъ не имѣетъ къ намъ сочувствія, или, по крайней мѣрѣ, болѣе сочувствуетъ другому лицу, чѣмъ намъ. Тогда это другое лицо дѣлается существомъ, внушающимъ намъ неудовольствіе, ревность. Ревность есть чувство въ высшей степени непріятное и — тѣмъ непріятнѣе, чѣмъ предметъ любви, возбуждающій ее, дороже и ближе къ нашему сердцу. Она бываетъ или слѣдствіемъ сильной любви, хотя и не заключается въ ней необходимо, или слѣдствіемъ недоувѣрчивости къ самому себѣ, когда человѣкъ начинаетъ считать себя не стоящимъ любви, или, наконецъ, слѣдствіемъ подозрительнаго и безпокойнаго нрава. Но, во всякомъ случаѣ, это чувство не одобрительное и, при высшемъ своемъ развитіи, чрезвычайно мучительное. Въ немъ могутъ скрываться и оскорбленное самолюбіе, и гордость, и чувство мстительности, и многія другія, не менѣе низкія чувства.

§ 112.

НЕНАВИСТЬ.

Ненависть есть чувство противоположное любви. Это есть неудовольствіе, раждающееся въ душѣ, при представленіи какого-либо предмета или лица, причиняющихъ намъ огорченія. Ненависть, какъ и любовь, весьма часто бываетъ обращена къ вещамъ неодушевленнымъ, и въ такомъ случаѣ она есть воспоминаніе о какомъ-либо неудовольствіи, связанномъ съ этою вещію. Чувство любви заключаетъ въ себѣ желаніе обладать предметомъ любви; напротивъ, чувство ненависти заключаетъ желаніе удалить отъ себя, даже уничтожить, предметъ ненависти.

Ненависть чаще всего бываетъ слѣдствіемъ какихъ либо нанесенныхъ намъ обидъ или оскорбленій со стороны предмета, возбудившаго это чувство. Но изъ всѣхъ обидъ гораздо чувствительнѣе для человѣка бываетъ та, которая касается предмета или чувства, наиболѣе имъ любимаго. Для ученаго всего чувствительнѣе оскорбленіе его учености; для корыстолюбца досаднѣе всего уменьшеніе его корысти; для матери прискорбнѣе всего оскорбленіе ея дѣтей и пр. Но ненависть всего опаснѣе тѣмъ, что возбуждаетъ желаніе мести, желаніе, которое у многихъ превращается въ жестокую страсть. Нѣтъ нужды описывать подробно, какія страшныя слѣдствія влечетъ за собою эта ужасная страсть. Исторіи полна примѣрами ея дѣйствій. Всего ужаснѣе то, что у нѣкоторыхъ племенъ желаніе мести обращается въ священную обязанность. Напр., у Корсиканцевъ оно является

въ видѣ *venedetta*, у дикаго кавказскаго горца — въ видѣ непремѣнной обязанности мщенія за кровь.

§ 113.

Объяденіе и пьянство.

Страсти тѣлесныя, какъ было выше замѣчено, называются такъ отъ того, что удовольствіе, въ нихъ заключающееся, проистекаетъ изъ впечатлѣній тѣлесныхъ. Таковы болѣе всего *объяденіе и пьянство*. Первое состоитъ въ желаніи, какъ можно болѣе и чаще получать пріятное ощущеніе, происходящее во время принятія пищи, а второе, кромѣ желанія удовлетворить требованію вкуса, состоитъ въ стремленіи произвести въ себѣ то пріятное состояніе, которое называется *опьяненіемъ*, т. е. сначала возбудить въ себѣ веселость, а потомъ отуманеніе головы, омраченіе ума и чувствъ. Впрочемъ въ пьянствѣ нѣкоторымъ больше нравится самый процессъ питья, самое ощущеніе вкуса винъ, а другимъ — самое опьяненіе, которое бываетъ слѣдствіемъ питья; тогда какъ въ объяденіи всякому нравится лишь одинъ процессъ ощущеній вкуса, и нѣкоторые ѣдятъ много именно изъ-за этого удовольствія, хотя обремененіе желудка, тяжесть головы и проч. бываетъ въ послѣдствіи для нихъ непріятно.

Эти двѣ страсти суть самыя низкія и животныя: онѣ унижаютъ разумныя существа до степени скотскаго состоянія. Можетъ ли обжора или пьяница быть способенъ къ чему-либо возвышенному и благородному, когда онъ занятъ лишь представленіемъ о блюдахъ и желаніемъ забыться, омрачиться отъ вина. Между тѣмъ удо-

вольствія, доставляемыя вкусными яствами и хорошими винами, такъ привлекательны и заманчивы, что на какой бы степени умственного развитія не стоялъ человѣкъ, онъ всегда болѣе или менѣе поддается этимъ страстямъ. Смѣло можно утверждать, что между всѣми, даже образованными людьми, мало можно найти такихъ, которые такъ, или иначе, не платили бы дань этимъ страстямъ, т. е. которые бы ѣли и пили именно столько, сколько требуетъ ихъ образъ жизни, здоровье, занятія и пр. Многие ли думаютъ о томъ, что для человѣка, ведущаго сидячую жизнь, подверженнаго геммороею, каждый лишній глотокъ напитка содержащаго алкоголь — вещь совершенно лишняя и часто вредная, и что чѣмъ меньше онъ пьетъ и ѣстъ, тѣмъ бываетъ здоровѣе? Кому придетъ, напр., въ голову, что половина тѣхъ яствъ и напитковъ, которые мы привыкли употреблять, даже больше, чѣмъ половина, вредны, излишни, совершенно чужды потребностямъ и свойству нашего организма! Всѣ мы живемъ подъ владычествомъ привычекъ, рутины и излишества.

§ 114.

Страсть къ играмъ.

Основаніе этой страсти заключается въ волненіи крови, происходящемъ отъ ожиданія неизвѣстныхъ результатовъ, столь заманчиваго для человѣческаго любопытства. При всемъ разнообразіи игръ, главная привлекающая къ нимъ причина именно заключается въ томъ, что онѣ волнуютъ кровь, питаютъ надежды, возбуждаютъ страхъ, радость, ожиданіе и пр. Отсюда очевидно, что страсть эта вмѣщаетъ въ себѣ много другихъ

душевныхъ состояній и основана на волненіи чувствъ. Всего болѣе доказывается это такъ называемыми азартными играми. Впрочемъ азартными могутъ сдѣлаться всякія игры въ извѣстныхъ случаяхъ. Въ наше время двѣ игры болѣе всего распространены между людьми: картежная и бумажная. Не смотря на ихъ видимое различіе, онѣ съ Психологической точки зрѣнія совершенно сходны между собою: ибо въ обѣихъ удовольствіе состоитъ въ волненіи крови, въ игрѣ разныхъ чувствъ — надежды, страха, досады, отчаянія, радости и пр.

Нѣтъ нужды распространяться о вредѣ этихъ страстей: примѣры говорятъ лучше всего, а примѣры видимы всякому. Страннѣе всего то, что, не смотря на всѣ муки, на всѣ страданія, какія душа выносить отъ игръ, чело-вѣкъ все таки не можетъ отъ нихъ отказаться. Какое громадное усиліе воли требуется для того, чтобы побѣдить въ себѣ не только сильную страсть, но и незначи-тельную привычку! ясный признакъ, что чело-вѣкъ по большей части бываетъ несчастнымъ рабомъ своихъ страстей.

§ 115.

СТРАСТЬ КЪ ЗРѢЛИЩАМЪ.

Страсть къ зрѣлищамъ состоитъ въ стремленіи къ удовольствіямъ, доставляемымъ впечатлѣніями зрѣнія вообще; въ частности же, здѣсь разумѣется страсть къ зрѣлищамъ театральнымъ. Сія зрѣлища привлекаютъ къ себѣ всякаго чело-вѣка; но страсть, или сильное и неудержимое желаніе постоянно доставлять себѣ это удовольствіе, бываетъ только у немногихъ, такъ называемыхъ театраловъ. Разныя театральныя представленія возбуж-

даютъ въ душѣ различныя чувства. Комедія привлекаетъ тѣмъ, что возбуждаетъ смѣхъ; чувство веселости и пріятнаго настроенія духа; трагедія, напротивъ, возбуждаетъ въ насъ чувство состраданія, страха, надежды, сожалѣнія, негодованія, участія и пр.

Что сказать о нравственной сторонѣ страсти къ театральнымъ зрѣлищамъ? Въ нравственномъ отношеніи то полезно, что питаетъ добрыя чувства, укрѣпляетъ душу, влияетъ трезвыя впечатлѣнія; напротивъ того, все, что льститъ дурнымъ чувствамъ, ослабляетъ характеръ, возбуждаетъ нечистое воображеніе, вредно. Отсюда не трудно рѣшить, какое значеніе для души могутъ имѣть театральныя зрѣлища. Безпристрастно говоря, страсть къ представленіямъ собственно драматическимъ не можетъ заключать въ себѣ значительнаго нравственнаго вреда; но не трудно понять, какое вліяніе могутъ имѣть на людей тѣ зрѣлища, которыя распаляютъ воображеніе молодыхъ людей видомъ обнаженныхъ членовъ, страстныхъ и возбуждающихъ движеній красивыхъ женщинъ. Какой свѣдущій Психологъ, какой мыслящій умъ, чисто-сердечно можетъ объявить, что такія зрѣлища могутъ быть полезны кому-либо и въ чемъ-либо? И посмотрите какой раждается плодъ отъ этихъ зрѣлищъ: здѣсь жалкій безумецъ, жертвующій своимъ достояніемъ для пріобрѣтенія благосклонности порочной женщины; тамъ — другій, посвятившій всѣ силы души, данныя ему Богомъ для пользы ближнихъ и собственной, на поклоненіе идолу зрѣлища; далѣе — двое другихъ, вызывающихъ другъ друга на смертельный поединокъ изъ-за улыбки срамной женщины!

Страсть къ зрѣлищамъ тѣмъ еще отличается отъ

другихъ страстей, что она дѣлается какъ-бы всеобщей, народною: такова была она въ Римѣ, во времена Императоровъ, когда народъ требовалъ для себя только двухъ вещей, хлѣба и зрѣлищъ! Такова она въ наше время въ Парижѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ столицахъ.

§ 116.

КОРЫСТОЛЮБІЕ.

Корыстолюбіе есть сильное желаніе пріобрѣсти богатства, въ особенности же деньги, которыя служатъ представителями всякаго богатства. Отличительное свойство этой страсти есть то, что она сильнѣе всѣхъ другихъ распространена между людьми, такъ что нѣтъ почти ни одного человѣка, который не былъ бы ею зараженъ болѣе или менѣе. Это происходитъ отъ того, что богатство есть средство къ пріобрѣтенію всѣхъ другихъ удовольствій; но извѣстно, что на землѣ мало людей, которые не стремились бы къ какимъ-либо удовольствіямъ и не желали бы улучшить своего положенія. Такое высокое значеніе богатства дѣлаетъ то, что корыстолюбіе овладѣваетъ сердцемъ человѣка сильнѣе всѣхъ другихъ страстей. Представляя себѣ тѣ удовольствія, какія можно пріобрѣсть посредствомъ богатства, уваженіе, всѣми оказываемое богатому, съ другой стороны, представляя всѣ неудобства бѣдности, всякій напрягаетъ свои силы къ его пріобрѣтенію. Иные употребляютъ даже непозволительныя средства къ обогащенію себя, завидуютъ богатому, воображая его счастье и благополучіе. Конечно есть люди, кои стремятся къ обогащенію и съ благими намѣреніями, желая употребить богатство

на пользу ближнихъ; но такіе люди идутъ къ своей цѣли спокойно и безъ страсти.

Въ душѣ нѣкоторыхъ людей страсть корыстолюбія часто принимаетъ особое, отличительное направленіе. Большая часть людей хотятъ обогатиться лишь для того, чтобъ вести пріятную, независимую жизнь; но у иныхъ богатство получаетъ значеніе не средства, а цѣли. Такіе люди находятъ удовольствіе въ одномъ созерцаніи своего богатства; ихъ прельщаетъ и услаждаетъ одно простое представленіе, что они богаты, что они имѣютъ сокровища. Это — скупость. Подобное состояніе души есть самое нелѣпое и безсмысленное. Можетъ ли мыслящій человѣкъ подумать безъ удивленія о скупцѣ, лишающемъ себя всѣхъ удовольствій изъ любви къ деньгамъ! Простительно и понятно, если человѣкъ любитъ богатство, какъ средство къ жизни и ко всѣмъ другимъ удовольствіямъ; но какимъ страннымъ процессомъ разумная душа доходитъ до того, чтобы наслаждаться однимъ видомъ богатства, трепетать отъ одного блеска золота, беречь деньги какъ предметъ, который ей дороже всего. Не есть-ли это родъ помѣшательства, когда человѣкъ наслаждается видомъ мѣшковъ, полныхъ золота, и въ тоже время терпитъ голодь и холодъ?

Скупость, какъ фактъ, какъ душевное явленіе, если угодно, понятна и легко объяснима: человѣкъ измѣнилъ средство въ цѣль и сталъ любить богатство, вмѣсто удовольствій, отъ него получаемыхъ; но странность заключается въ томъ, какъ онъ могъ дойти до такого состоянія. Еще страннѣе, что скупость овладѣваетъ человѣ-

комъ большею частію въ старости, когда онъ наиболѣе приближается къ смерти и наименѣе долженъ бы думать о земномъ. Умирая, скучный жалѣеть лишь о томъ, что растается съ своимъ сокровищемъ. Такова душа человѣческая! Кто не видитъ въ этомъ доказательства нравственнаго ея паденія?

§ 117.

О сластолюбіи.

Сластолюбіе есть сильное стремленіе къ половому соединенію, происходящее отъ представленія чувственныхъ удовольствій, съ нимъ сопряженныхъ. Страсть сія имѣетъ то отличіе, что она первоначальное свое основаніе находитъ въ естественной потребности тѣлесной природы, потребности, которую вложилъ Творецъ для размноженія рода человѣческаго. Другое отличіе ея состоитъ въ томъ, что она не есть, подобно другимъ страстямъ, продолжительное, или постоянное состояніе душевное, а проявляется въ человѣкѣ порывами, будучи же удовлетворена, или даже подавлена вліяніемъ воли, какъ-бы совсѣмъ исчезаетъ. Страсть сластолюбія дѣйствуетъ на душу разрушительно, такъ что никакая другая страсть не можетъ сравниться съ тѣмъ волненіемъ чувствъ, въ какое она можетъ повергать человѣка. Такъ какъ чувственное удовольствіе въ ней сильнѣе и привлекательнѣе, то и вліяніе ея и крайности, до которыхъ она доводитъ человѣка, гораздо значительнѣе.

§ 118.

ЧЕСТОЛЮБІЕ.

Честолюбіе есть стремленіе стать выше другихъ людей, пріобрѣсти власть надъ ними, обратить на себя вниманіе другихъ, словомъ — пріобрѣсти почести. Оно происходитъ отъ представленія того удовольствія, какое пріобрѣтеніе такихъ преимуществъ можетъ доставить намъ. Ничто такъ не льститъ человѣку, какъ вниманіе и уваженіе, а еще болѣе удивленіе другихъ. Что-то обаятельное и привлекательное для всѣхъ заключается въ славѣ и почестяхъ, а потому рѣдко кто не увлекается честолюбіемъ.

Желаніе заслужить вниманіе людей и славу справедливо почитается рычагомъ и двигателемъ человѣческой воли. Естественно, что человѣкъ, сильно желая заслужить честь отъ своихъ согражданъ, старается отличиться какими-либо дѣлами. Ученый напрягаетъ свой умъ къ открытію какихъ-либо новыхъ истинъ; правитель къ установленію порядка и законовъ; полководецъ къ изобрѣтенію плановъ для пораженія непріятелей. Но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что желаніе заслужить славу бывало часто причиною самыхъ печальныхъ событій. Исторія показываетъ намъ какъ люди, увлекаемые честолюбіемъ, опустошали земли и истребляли тысячи другихъ, подобныхъ себѣ существъ.

§ 119.

Замѣчаніе о другихъ страстяхъ.

Кромѣ описанныхъ нами душевныхъ состояній и

страстей, есть еще много другихъ; но онѣ большею частію суть видоизмѣненія тѣхъ же самыхъ, кои мы доселѣ старались анализировать. Напр., страсть къ хвастовству и лжи, которою бываютъ заражены очень многіе, есть слѣдствіе суетной гордости и тайнаго честолюбія: ибо хвастунъ хочетъ себя превознести, хотя на словахъ; онъ тѣшитъ себя собственными похвалами.

Но, говоря о страстяхъ, нельзя пройти молчаніемъ о склонности нѣкоторыхъ людей къ особенному самолюбію, эгоизму. Самолюбіе должно быть разсматриваемо двоякимъ образомъ. Во 1-хъ, какъ источникъ вообще всѣхъ нашихъ душевныхъ состояній и страстей: ибо сіи послѣднія суть какъ-бы видоизмѣненія его. Во 2-хъ, какъ особенная исключительная наклонность думать и заботиться лишь о своемъ спокойствіи, о своихъ выгодахъ, пренебрегая и жертвуя собственнымъ интересамъ всѣми другими личностями; въ этомъ случаѣ она называется *эгоизмомъ*. Эгоистъ думаетъ лишь о себѣ и на всѣхъ людей смотритъ, какъ на орудія для своей личности. Такой человѣкъ бываетъ хладнокровенъ къ чужимъ страданіямъ и думаетъ лишь о томъ, чтобъ самому быть покойнымъ. Такое состояніе духа есть самое жестокое и безчеловѣчное. Холодный эгоистъ есть чудовище общества, — существо, лишенное человѣческаго чувства. Можно смѣло сказать, что эгоизмъ хуже всѣхъ прочихъ страстей и пороковъ: ибо прямо противоположенъ основному закону общественной жизни и общаго благосостоянія.

§ 120.

СТРАСТИ ПРЕДПОЛАГАЮТЪ ПРИВЫЧКУ КЪ НИМЪ.

Страсти въ собственномъ смыслѣ не вдругъ овладѣваютъ человѣкомъ, но постепенно. Присутствіе какой-бы то ни было страсти въ душѣ предполагаетъ, что человѣкъ пріучилъ себя къ ней, и до такой степени пріобрѣлъ привычку и вкусъ къ удовольствіямъ, въ ней заключеннымъ, что онѣ дѣлаются для него необходимою. Всякая же привычка рождается въ насъ въ слѣдствіе лишь частаго повторенія однихъ и тѣхъ же ощущеній и дѣйствій: слѣд., чтобы пріобрѣсть страсть, надобно доставлять себѣ нѣсколько разъ то удовольствіе, которое составляетъ предметъ желанія. Исключеніе составляетъ развѣ одно сластолюбіе, которое проявляется, въ слѣдствіе устройства организма, безъ всякой привычки; но и оно отъ привычки можетъ усилиться. Отсюда-то и происходитъ, что человѣкъ такъ сильно подчиняется страстямъ: ибо привычка, какъ извѣстно, сильнѣе самой природы. Отсюда-же происходитъ и то явленіе, что чѣмъ сильнѣе питается страсть, тѣмъ она становится настойчивѣе, и, чтобы освободиться отъ нея, не надобно ей удовлетворять, или надобно стараться пріобрѣсть противоположныя ей привычки.

В. НѢКОТОРЫЯ ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ О ДУШЕВНЫХЪ СОСТОЯНІЯХЪ.

§ 121.

КАКАЯ СУЩНОСТЬ ВСѢХЪ ДУШЕВНЫХЪ СОСТОЯНІЙ?

Изъ всего сказаннаго доселѣ очевидно, что сущ-

ность всѣхъ душевныхъ состояній есть ощущение удовольствія или неудовольствія, съ тѣмъ различіемъ касательно страстей, что онѣ заключаются болѣе въ желаніи, или сильномъ стремленіи къ извѣстнымъ удовольствіямъ. Мысль эта подтверждается всѣмъ предыдущимъ анализомъ. Но несмотря на то, что сущность всѣхъ сихъ состояній одинакова, каждое изъ нихъ въ душѣ нашей чувствуется совершенно иначе, такъ что каждое изъ нихъ должно считать особымъ состояніемъ. Душа иначе чувствуетъ радость, иначе любовь, иначе удовлетвореніе честолюбію, и иначе удовольствіе отъ приобрѣтенія корысти и пр. Любовь, напр., мы чувствуемъ какъ воспоминаніе, или представленіе того предмета, который доставляетъ намъ удовольствіе, или какъ стремленіе къ нему; а радость, какъ удовлетвореніе настоящее, минутное. Или возьмемъ, напр., два состоянія — страхъ и гнѣвъ: оба они суть ощущенія непріятныя, состоянія тяжелыя; но онѣ чувствуются весьма различно, и мы никакъ не смѣшиваемъ ихъ между собою. Въ страхѣ первая мгновенная мысль бываетъ объ опасности, первое движеніе — избѣгнуть, уйти отъ нея прѣчь. Въ гнѣвѣ, напротивъ, замѣчается какое-то стремленіе нанести зло, уничтожить предметъ гнѣва. Печаль и стыдъ — также чувства непріятныя, но какъ различно они въ насъ чувствуются. Въ печали дѣйствуетъ мысль, что мы лишились извѣстнаго удовольствія; въ стыдѣ первое движеніе души — это опасеніе, что мы стали предметомъ насмѣшки, или что мы унизили себя.

Замѣчательно также, что непріятныхъ душевныхъ состояній гораздо больше, и они многообразнѣе; напротивъ того, состоянія пріятныя не столь разнообразны.

Конечно, каждое удовлетвореніе страсти есть вмѣстѣ и пріятное состояніе души; но самая страсть, по своей сущности, есть больше непріятное, чѣмъ пріятное состояніе. Да и самое это удовлетвореніе бываетъ только временное: ибо всякая страсть тѣмъ-то и несносна, что никогда не бываетъ вполне насыщена: удовлетвореніе болѣе раздражаетъ ее, чѣмъ угашаетъ. Въ этомъ и заключается объясненіе того, почему человѣкъ всегда бываетъ недоволенъ, всегда ищетъ лучшаго и большаго.

§ 122.

О вліяніи на человѣка душевныхъ состояній.

Здѣсь мы разсмотримъ, во 1-хъ, вліяніе душевныхъ состояній на нравственную сторону человѣка и, во 2-хъ, на организмъ его.

Можно принять за общее правило, что душевныя состоянія пріятныя, каковы: любовь, сожалѣніе, радость и проч. дѣлаютъ человѣка лучше и добрѣе. Кто не знаетъ, что искренняя любовь, имѣющая предметомъ лице или занятіе достойныя, облагораживаетъ человѣка и побуждаетъ его къ самоусовершенію. Любящій человѣкъ старается сдѣлать себя достойнымъ предмета своей любви, а потому старается ему нравиться хорошими качествами. Радость дѣлаетъ человѣка мягкимъ, добрымъ. Въ радости онъ готовъ скорѣе сдѣлать добро, простить оскорбленіе, забыть зло. Чѣмъ сильнѣе чувство радости, тѣмъ человѣкъ становится общительнѣе: онъ какъ-бы хочетъ, чтобы всѣ были съ нимъ счастливы.

Изъ состояній или чувствованій непріятныхъ только нѣкоторыя и притомъ въ особенныхъ случаяхъ прино-

сять пользу человѣку. Такъ, напр., скорбь и особенно видъ ея — сожалѣніе. Послѣднее, впрочемъ, есть уже проявленіе хорошей стороны души. Скорбь заставляетъ человѣка углубиться въ самага себя и узнать себя. Она смиряетъ гордость и тщеславіе, дѣлаетъ его снисходительнѣе къ другимъ. Кто испыталъ много горя, тотъ лучше сочувствуетъ страданію ближняго; но все это въ извѣстной степени и при извѣстныхъ обстоятельствахъ.

Всѣ же другія состоянія души суть какъ-бы болѣзни ея, и потому вредны и унижительны. Возмите, напр., страхъ: онъ унижаетъ душу, отнимаетъ силы и способности и даже совершенно отупляетъ ее. Въ гнѣвѣ человѣкъ теряетъ умъ и совершаетъ поступки непростительные. Ненависть ослѣпляетъ душу, дѣлаетъ ее недоступною и нечувствительною къ добру. Вліяніе страстей еще сильнѣе. Онѣ совершенно поработаютъ разумъ и волю. Такимъ образомъ всѣ дурныя состоянія души сходятся въ томъ, что онѣ омрачаютъ умъ и покоряютъ или ослабляютъ волю.

Вліяніе душевныхъ состояній на организмъ, какъ отчасти было объясняемо прежде, не менѣе сильно. Впрочемъ не всякая страсть обнаруживаетъ себя въ видимыхъ признакахъ, и притомъ это зависитъ отъ силы воли и привычки человѣка. За общее правило и здѣсь можно принять то, что пріятныя ощущенія поддерживаютъ здоровье, а непріятныя, напротивъ, вредятъ ему. Любовь, радость, надежда оживляютъ человѣка, производятъ кровообращеніе, способствуютъ пищеваренію: иногда внезапная радость вылечиваетъ больнаго.

Дурныя состоянія дѣйствуютъ вредно и тѣмъ вреднѣе, чѣмъ онѣ сильнѣе и продолжительнѣе. Печаль и

скорбь замедляютъ обращеніе крови, стѣсняють дыха-
ніе, а при высшей степени производятъ смертныя болѣз-
ни, какъ-то чахотку и т. п. Гнѣвъ волнуеъ кровь, за-
ставляеъ приливать ее къ головѣ, къ сердцу и даже про-
изводитъ параличъ. Вообще, въ комъ эти чувства живы и
сильны и часто повторяются, тотъ никогда не бываетъ
слишкомъ здоровъ. Напротивъ того, одинъ видъ здоро-
ваго и толстаго человѣка ясно показываетъ, что въ
немъ нѣтъ этихъ страстей, что онъ — спокойнаго тем-
перамента.

§ 123.

Слѣдствія нѣкоторыхъ душевныхъ состояній.

Но вліяніе душевныхъ состояній, въ нѣкоторыхъ ис-
ключительныхъ случаяхъ, бываетъ особенное, страш-
ное. Онѣ иногда производятъ растройство разума, или
душевную болѣзнь. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторыя душев-
ныя болѣзни суть прямыя слѣдствія описанныхъ выше
состояній и страстей, и объясняются ими вполнѣ. Онѣ
суть напряженіе, или высшая степень душевныхъ ощу-
щеній, превратившихся въ продолжительное и нормаль-
ное состояніе. Объяснимъ это примѣрами. Меланхолія,
очевидно, есть продолжительное, постоянно скорбное
расположеніе духа. Меланхоликъ въ душѣ чувствуетъ то-
же, что и всякій человѣкъ печальный, только съ тѣмъ
различіемъ, что состояніе меланхолика непрерывное, а
не временное.

Описывая гнѣвъ, мы сказали, что на высшей степе-
ни онъ доводитъ до безумныхъ поступковъ, до самозаб-
венія. Но представьте себѣ, что человѣкъ ежеминутно

предается бѣшеному гнѣву, что этотъ гнѣвъ постоянно помрачаетъ его разумъ — и вы будете имѣть совершенный образецъ извѣстнаго помѣшательства (*mania furibonda*). Легко можетъ случиться, что такое напряженіе гнѣва превратится въ непрерывное состояніе, и тогда разумъ окончательно померкнетъ, и человѣкъ сдѣлается помѣшаннымъ.

Вообще всякое сильное напряженіе страстей есть само по себѣ родъ помѣшательства. Умъ, ослѣпленный какою-бы то ни было страстью, разсуждаетъ и понимаетъ совершенно превратно, вопреки здравому своему состоянію. Въ страхѣ человѣкъ видитъ и слышитъ совершенно не такъ, какъ въ нормальномъ состояніи; ненависть рисуетъ ему предметы въ другомъ свѣтѣ, а любовь также — въ иномъ. Словомъ, какъ мы замѣтили еще выше, при сильномъ дѣйствіи страстей человѣкъ всегда близокъ къ помѣшательству. Когда же страсть постоянно поддерживается на высшей точкѣ: то значить — умъ постоянно молчитъ, и человѣкъ становится сумасшедшимъ.

И такъ главное проявленіе высшей страсти есть то, что она помрачаетъ разумъ и ослабляетъ волю, а сдѣлавшись постояннымъ, нормальнымъ состояніемъ, превращается въ страшную болѣзнь — помѣшательство.

§ 124.

О началѣ душевныхъ состояній въ человѣкѣ.

Наблюдая надъ развитіемъ души человѣческой съ самыхъ первыхъ дней жизни и до старости замѣчаемъ:

Во 1-хъ, что душевныя состоянія проявляются весьма рано, почти съ колыбели младенца. Если мы станемъ на-

блюдать за дѣтями, которому не болѣе даже года, то увидимъ въ немъ начало большей части описанныхъ выше чувствованій. Дѣтя любятъ мать и няньку, и эта любовь его есть ничто иное, какъ чувство удовольствія, получаемаго имъ отъ матери. Мы замѣтимъ въ немъ ревность, ибо оно сердится, досадуетъ, когда ея мать ласкаетъ чужаго ребенка. Въ этой ревности заключается и зависть и гнѣвъ. Впрочемъ оба послѣднія чувства яснѣе и чаще проявляются въ дѣтяхъ въ видѣ капризовъ, плача и другихъ движеній. Если ребенокъ видитъ игрушку въ рукахъ другаго ребенка, то старается отнять ее и при этомъ явно обнаруживаетъ зависть и досаду. Часто, чтобы заставить дѣтя выпить или скушать что нибудь, бываетъ достаточно показать видъ, что хочешь отдать питье или кушанье другому ребенку. Эти и подобные факты ясно показываютъ, что въ сердцахъ дѣтей кроются уже зачатки соревнованія и тщеславія. Гордость, суетность, презрѣніе къ другимъ развиваются въ нихъ нѣсколько позже; но уже дѣтя двухъ лѣтъ очень хорошо замѣчаетъ, если оно одѣто лучше и богаче другихъ; оно видитъ, что значеніе его выше нѣкоторыхъ другихъ дѣтей, и съ пренебреженіемъ смотритъ на сихъ послѣднихъ. Къ сожалѣнію, также рано и проявляются въ дѣтяхъ скрытность, притворство, лукавство и другія неодобрительныя чувства. Отличительное же свойство дѣтскихъ чувствъ есть непостоянство и переменчивость. Дѣти чрезвычайно подвижны въ своихъ чувствахъ: у нихъ плачь и смѣхъ слѣдуютъ другъ за другомъ, безъ промежутковъ.

Во 2-хъ, душевныя состоянія имѣютъ свои возрасты, слѣдующіе физическому возрасту человѣка. Юность и возмужалость есть пора напряженія и кипѣнія чувствъ

и страстей. Но не всё страсти и состоянія слѣдуютъ этому закону. Юноша, полный силы и возраста, больше преданъ нѣкоторымъ только чувствамъ, а о другихъ не думаетъ: имъ наиболѣе владѣютъ плотскія страсти, честолюбіе, стремленіе къ почестямъ и славѣ.

Наконецъ, въ 3-хъ, въ старости однѣ душевныя состоянія и страсти ослабляются, за то другія, кажется, еще болѣе усиливаются. По крайней мѣрѣ замѣчено, что старики сильнѣе подвержены страсти честолюбія и скупости, нежели молодые. Эти двѣ страсти преслѣдуютъ человѣка до гробовой доски. Не странно ли, что чѣмъ болѣе человѣкъ близится съ минутою, въ которую окончательно долженъ разстаться со всѣми почестями и богатствами, тѣмъ онъ сильнѣе иногда начинаетъ любить ихъ. Казалось бы одна мысль о томъ, что всё эти сокровища и вся земля начинаютъ измѣнять ему, должна бы ослабить въ немъ эти страсти, а выходить на оборотъ.

§ 125.

О наслажденіи изящными предметами.

Наслажденіе изящными предметами есть явленіе глубоко психологическое и объясняется изъ тѣхъ же началъ, какъ и прочія душевныя состоянія. Здѣсь мы рассмотримъ, какая причина производитъ въ насъ удовольствіе, при созерцаніи разныхъ изящныхъ предметовъ.

Причина удовольствія, возбуждаемаго въ насъ изящными предметами, заключается въ способѣ впечатлѣнія отъ нихъ на наши чувства, или лучше въ *возбужденіи* въ насъ игры разныхъ чувствъ и представлений.

Пріятныя впечатлѣнія на чувства рождаются въ насъ или отъ произведеній такъ называемаго пластическаго искусства, какъ-то, живописи, ваянія, зодчества, или же отъ произведеній самой природы, какъ то, отъ разныхъ мѣстоположеній, морей, горъ и проч. Созерцая произведеніе искусствъ, человѣкъ наслаждается въ живописи — выраженіемъ дѣйствительности, вѣрнымъ воспроизведеніемъ природы, размышленіемъ объ искусствѣ художника. Созерцая какую либо величественную картину природы или искусства, мы чувствуемъ въ себѣ и удивленіе, и страхъ, и сожалѣніе; тутъ заняты и умъ, и воображеніе: словомъ, въ насъ возбуждается жизнь, игра чувствъ. Если вникнемъ глубже, то увидимъ также, что въ удовольствіяхъ отъ изящнаго предмета немалое участіе принимаетъ и чувство самолюбія: намъ пріятно думать, намъ льститъ мысль, что мы можемъ сочувствовать искусству и цѣнить его. Словомъ сказать, изящный предметъ нравится отъ того, что онъ возбуждаетъ въ насъ игру чувствъ.

Это еще яснѣе открывается во вліяніи на насъ произведеній поэтическихъ. Поэзія овладѣваетъ нашимъ воображеніемъ, возбуждаетъ дѣятельность его, а также и всѣ другія чувства. Прибавьте къ этому пріятную игру созвучій, мѣрность языка, остроуміе, порывы чувствъ поэта, и вы увидите, что сущность впечатлѣнія здѣсь состоитъ въ игрѣ разныхъ чувствъ. Краснорѣчіе стремится прямо къ тому, чтобы убѣдить человѣка доводами разумными и также возбужденіемъ въ немъ тѣхъ или другихъ чувствъ. Короче — душѣ нравится то, что шевелитъ ее, возбуждаетъ въ ней жизнь, дѣятельность.

§ 126.

О БЕЗКОРЫСТНЫХЪ ЧУВСТВАХЪ.

Въ теоріяхъ изящныхъ наукъ, или эстетикахъ, принято говорить о безкорыстныхъ чувствахъ, т. е. о безкорыстномъ наслажденіи изящными предметами. Соображая все, что было сказано доселѣ о душевныхъ состояніяхъ или чувствахъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что съ психологической точки зрѣнія нельзя вполнѣ согласиться съ ученіемъ объ этихъ безкорыстныхъ чувствахъ. Безкорыстная любовь, или безкорыстное удовольствіе, говорятъ эстетика, состоитъ въ томъ, когда удовольствіе возбуждено въ человѣкѣ мимо всякой мысли о пользѣ матеріальной. Напр., если я наслаждаюсь прекрасною картиною, величественнымъ мѣстоположеніемъ, красивымъ зданіемъ и пр., то вовсе не думаю о пользѣ, какую могутъ принести человѣку эти предметы.

Но такое раздѣленіе удовольствій на корыстныя и безкорыстныя съ психологической точки зрѣнія не справедливо. Слова — удовольствіе и безкорыстіе другъ друга опровергають. Для души нашей есть одна корысть — удовольствіе. Душа наслаждается тѣмъ, въ чемъ привыкла находить удовольствіе. Кто понимаетъ искусство и привыкъ цѣнить его произведенія, тотъ, значитъ, приучилъ себя къ наслажденію изящными произведеніями: Но тотъ же самый человѣкъ наслаждается также своимъ богатствомъ, и оба эти наслажденія, по сущности своей, одинаковы; потому что какъ то, такъ и другое, состоитъ въ ощущеніи пріятнаго, въ удовлетвореніи, въ удовольствіи. Я не отвергаю того, что удовольствіе отъ изящныхъ предметовъ чувствуется иначе, чѣмъ удоволь-

ствіе отъ богатства и денегъ: въ первомъ заключается нѣчто возвышающее, нѣчто очищающее чувства, облагораживающее душу, а въ послѣднемъ — нѣчто эгоистическое, самолюбивое; но все-таки сущность обоихъ одинакова. Для чего мы любимъ изящныя произведенія? Для того, что онѣ доставляютъ удовольствіе. Почему мы любимъ богатство? Потому что богатство есть средство ко всѣмъ удовольствіямъ, между прочимъ и къ полученію удовольствій отъ изящныхъ предметовъ. Словомъ сказать, для души нашей есть одинъ способъ наслажденія, — это полученіе удовольствій отъ чего бы то ни было. Человѣкъ любить деньги и богатство не для нихъ, а потому что онѣ суть средства къ удовольствіямъ: онъ любить славу, ибо она льститъ его гордости и суетности. Точно также онъ и изящные предметы любитъ потому, что они доставляютъ ему удовольствіе. Если-бы какое либо удовольствіе можно было назвать безкорыстнымъ: то, наслажденіе Гарпагона (въ Мольеровой комедіи), съ жадностію смотрящаго на золото и любующагося его блескомъ, было-бы чисто безкорыстнымъ удовольствіемъ. Согласитесь, что онъ вовсе не думаетъ извлечь матеріальной пользы изъ золота; напротивъ, одна мысль растаться съ нимъ приводитъ его въ трепеть; онъ просто любитъ золото; ему доставляетъ наслажденіе одинъ видъ его, одна мысль, что онъ хозяинъ этого золота; словомъ, онъ наслаждается золотомъ, какъ другій картину или другимъ изящнымъ произведеніемъ.

Къ сему надобно прибавить еще слѣдующее. Во всѣ такъ называемыя безкорыстныя удовольствія входитъ чувство, котораго никакъ нельзя назвать безкорыстнымъ, это — чувство удовлетвореннаго самолюбія. Намъ

доставляютъ удовольствіе тѣ предметы, которые возвышаютъ насъ въ собственныхъ нашихъ глазахъ, раждаютъ въ насъ чувство величія человѣческаго. Таково созерцаніе великихъ произведеній Генія, видъ величественнаго мѣстоположенія. Въ этихъ случаяхъ, если глубже вникнемъ въ себя, тщеславіе наше удовлетворено мыслию, что мы способны обнять умомъ великій предметъ; тутъ играетъ роль то общее всѣмъ людямъ чувство, по которому подвигъ другаго, кажется намъ собственнымъ дѣяніемъ, потому что всѣ мы люди.

Любовь матери къ своему дитяти есть чувство, по видимому, самое безкорыстное, но разберите его: мать любить дитя, какъ свою плоть, какъ свое рожденіе. Она наслаждается имъ, она олицетворяетъ въ немъ свои чувства, — это ея плодъ, трудъ, гордость. Тутъ, какъ и во всемъ и вездѣ, удовольствіе есть удовлетвореніе своего чувства.

Словомъ, психологически говоря, нѣтъ удовольствій безкорыстныхъ. Душа различаетъ въ себѣ только пріятныя и непріятныя ощущенія. Все пріятное, все, что доставляетъ ей удовольствіе по какимъ-либо причинамъ, составляетъ предметъ ея стремленій, а все непріятное — предметъ отвращенія.

Безкорыстными же чувствами и наслажденіемъ, въ собственномъ и возвышеннѣйшемъ смыслѣ, можно назвать лишь одни религіозныя чувствованія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О РЕЛИГИОЗНЫХ ЧУВСТВОВАНИЯХ.

---

§ 127.

СОДЕРЖАНИЕ ГЛАВЫ.

Религіозныя состоянія души, или религіозныя чувствованія, по своей важности и глубоко-психологическому значенію, должны быть предметомъ отдѣльнаго, тщательнаго изслѣдованія. Психологическое значеніе ихъ открывається изъ того, что они проникають душу глубже всѣхъ другихъ состояній и что ни одно чувствованіе не имѣеть такихъ оттѣнковъ и степеней, а также ни одно изъ нихъ не имѣеть столь глубокаго и благодѣтельнаго вліянія на всю человѣческую природу; по этому постараемся, по мѣрѣ силъ, представить въ этой главѣ краткій анализъ религіозныхъ состояній. Но напередъ надобно замѣтить, что если вообще трудно анализировать всякоедушевное чувствованіе, то тѣмъ труднѣе — религіозныя состоянія. Здѣсь-то болѣе всего требуется, чтобы человѣкъ самъ испыталъ ихъ, если хочетъ ихъ понять.

§ 128.

РЕЛИГИОЗНАЯ РАДОСТЬ.

Религиозная радость есть то приятное ощущение души, то состояніе довольства, спокойствія и душевной тишины, которое раждается въ ней или въ слѣдствіе общаго настроенія всей жизни, или въ слѣдствіе совершенія какого-либо христіанскаго подвига, одобряемаго внутреннимъ голосомъ совѣсти. Религиозная радость, какъ явленіе временное, какъ слѣдствіе какого-либо частнаго поступка, напр., пламенной молитвы, или подвига милосердія, встрѣчается въ жизни многихъ людей; но, какъ слѣдствіе образа всей жизни и настроенія души, есть явленіе рѣдкое: ибо въ насъ, въ теченіи земной жизни, происходитъ постоянная борьба добра и зла, и рѣдко можно найти человѣка, который до такой степени побѣдилъ бы свои страсти, чтобы совѣсть не возмущала болѣе его душевнаго спокойствія. Но если кто достигъ такого совершенства и твердости въ добрѣ, что душевное спокойствіе въ немъ не нарушается упреками совѣсти, и въ сердцѣ нѣтъ борьбы противоположныхъ чувствъ, а есть одно преобладаніе религіознаго настроенія: то его радость, его сердечная тишина, есть постоянное и господствующее чувство, — есть то, что въ священномъ Писаніи называется радостію *о Дусѣ Святѣ*. Велико и поразительно различіе такой радости отъ той, которую мы описали въ предъидущей главѣ. Какъ-бы ни была чиста радость, происходящая отъ представленія какого-либо земнаго удовольствія, или отъ обладанія какимъ-либо земнымъ преимуществомъ, въ ней заключается что-то неудовлетворительное; она не надолго успокоиваетъ

душу; напротивъ того болѣе волнуется, чѣмъ утоляетъ ея желанія, такъ что, чѣмъ выше и сильнѣе бываетъ она, тѣмъ сильнѣе бываетъ реакція, ибо всякій знаетъ, что послѣ сильной радости человекъ впадаетъ въ грусть. Не то бываетъ въ религіозной радости! Она заключаетъ въ себѣ что-то удовлетворяющее душу, утоляющее ея жажду.

§ 129.

РЕЛИГИОЗНАЯ ПЕЧАЛЬ.

Религіозная печаль можетъ быть разсматриваема: 1-е, какъ угрызеніе совѣсти; 2-е, какъ раскаяніе; 3-е, какъ умиленіе.

1) *Религіозная печаль* начинается *угрызеніемъ совѣсти*. *Угрызеніе* совѣсти, это-непріятное, тягостное ощущеніе или безпокойство, происходящее въ слѣдствіе представленія, что мы совершили какой-либо дурной поступокъ. Часто бываетъ довольно трудно отдѣлать и различить его отъ схожаго съ нимъ чувства — стыда. Оба они иногда происходятъ отъ одной причины, но стыдъ есть чувство болѣе безотчетное, а угрызеніе заключаетъ въ себѣ ясное сознаніе проступка. Стыдъ иногда входитъ, какъ составная часть, въ угрызеніе совѣсти. Последнее же есть мученіе души, ея тоска, томленіе за содѣланный себѣ строгій приговоръ. Отсюда, большею частію, угрызеніе совѣсти есть чувство смѣшанное. Когда, напр., убійца представляетъ свой поступокъ; когда воображеніе рисуетъ ему сцену преступленія, видъ жертвы, его мольбы: то онъ чувствуетъ ужасъ, сожалѣніе, страхъ о возмездіи; каждая черта, каждое новое представленіе до-

водить его до сумашествія. Но такое состояніе нельзя еще назвать состояніемъ религіознымъ. Въ религіозномъ угрызеніи печаль происходитъ отъ представленія, что мы нарушили заповѣдь Божию; душа тоскуетъ, что оскорбила своего Творца; ей стыдно, мучительно сознать, что она оказалась недостойною предъ Богомъ. Угрызеніе совѣсти происходитъ отъ внутренняго анализа поступка, отъ признанія виновности и грѣховности. Это есть какъ-бы анализъ представленія о грѣхѣ.

2) *Раскаяніе* имѣетъ близкую связь съ предъидущимъ чувствомъ; но оно съ нимъ не одно и то же. Оно большею частію бываетъ слѣдствіемъ угрызенія и имѣетъ свои отличительные признаки. Въ немъ заключается и скорбь, но преобладающій элементъ его — это рѣшимость исправиться, рѣшимость быть лучше. Въ раскаяніи человѣкъ, вполне сознавши виновность и недостойнство грѣха, старается сдѣлать его чуждымъ себѣ, старается мысленно отдѣлать себя отъ него.

Весьма естественно, что, когда угрызеніе совѣсти показало грѣхъ въ настоящемъ свѣтѣ, мы начинаемъ отъ него отвращаться. Доколѣ страсть ослѣпляетъ душу, мы полагаемъ свое счастье въ удовлетвореніи ей, и это удовлетвореніе кажется намъ необходимою; но проходитъ страсть, и мы начинаемъ чувствовать всю низость совершеннаго дѣла. Оно является намъ въ настоящемъ видѣ и мы, хладнокровно разбирая свое дѣяніе, видимъ всѣ дурныя его стороны и отвращаемся отъ него. Сіе-то отвращеніе отъ грѣха и рѣшимость впередъ избѣгать его и составляютъ сущность раскаянія.

Иногда съ раскаяніемъ смѣшиваютъ совсѣмъ другія чувства. Весьма часто за оное принимаютъ досаду на се-

бя, охлажденіе страсти, страхъ возмездія за преступленіе; но, повторяемъ, — въ раскаяніи преобладаетъ одна спокойная рѣшимость исправиться. Хотя раскаяніе есть чувство сложное, и притомъ оно не всегда слагается изъ однихъ и тѣхъ же ощущеній; но достоинство и благое вліяніе его на человѣка всегда зависитъ отъ того, какое въ немъ преобладаетъ представленіе. То не есть еще истинное раскаяніе, когда человѣкъ боится только послѣдствій своего грѣха, когда онъ стыдится лишь людскаго мнѣнія. Въ истинно христіанскомъ раскаяніи преобладаетъ чувство скорби о томъ, что мы нарушили заповѣдь Божию. Это чувство сына, проливающаго слезы отъ мысли, что онъ огорчилъ любящаго отца.

3) Въ этомъ послѣднемъ видѣ раскаяніе дѣлается *умиленіемъ*. Въ умиленіи душа чувствуетъ не страхъ послѣдствій своего проступка, не досаду, происходящую отъ униженнаго самолюбія, не стыдъ отъ мысли о людскомъ мнѣніи; но чувствуетъ одну глубокую, искреннюю печаль, что она оскорбила Отца своего — Бога, что помрачила въ себѣ образъ Божій, лишилась Его любви и благоволенія. Въ этой печали нѣтъ, какъ при угрызеніи и раскаяніи, волненія и борьбы противоположныхъ представленій; здѣсь чувствуется только одно тихое умиленіе, родъ сожалѣнія къ самому себѣ. Въ ней сознаніе грѣха бываетъ глубже; но это сознаніе не повергаетъ душу въ мучительный стыдъ, а напротивъ сопровождается представленіемъ, что грѣхъ сталъ чуждъ душѣ. Примѣръ всего лучше объясняетъ это чувство, а лучшей примѣръ умиленія представляетъ намъ Евангельская грѣшница, которая въ дому Симона обливала ноги Спасителя слезами и отирала ихъ волосами своей головы.

Она, безъ сомнѣнія, уже перешла чрезъ чувства угрызенія и раскаянія къ умиленію. Только въ этомъ послѣднемъ состояніи она могла, отбросивъ въ сторону стыдъ, рѣшиться пасть къ ногамъ Спасителя и дерзнуть къ Нему прикоснуться. Въ противномъ случаѣ, она не осмѣлилась бы войти въ это собраніе гордыхъ людей, считавшихъ оскверненіемъ одно прикосновеніе къ ней. Видно, что происшедшее въ ней умиленіе возродило въ ней нѣкоторую надежду и заставило смотрѣть на прежнюю жизнь, какъ на чуждую ея душѣ. Такимъ образомъ одно только чувство умиленія дѣлаетъ человѣка лучше и чище: потому что въ немъ уже нѣтъ ничего эгоистическаго и нечистаго.

§ 130.

О молитвенномъ чувствѣ.

Молитвенное чувство, или молитвенное умиленіе, имѣетъ близкое отношеніе къ предъидущему состоянію души: ибо оно часто бываетъ слѣдствіемъ умиленія покаяннаго; но и отдѣльно отъ него заключаетъ въ себѣ тѣже самыя черты. Молитва вообщѣ есть изліяніе разныхъ чувствъ предъ Богомъ словами, или едва замѣтными внутренними ощущеніями. По этому молитва всегда есть явленіе психологическое. Въ ней мы можемъ выразить и скорбь сердца, и радость, и раскаяніе въ грѣхахъ, и благодарность къ Богу. Но, при высшемъ напряженіи молитвеннаго чувства, состояніе души трудно анализировать: тутъ, отъ полноты чувствъ душа не чувствуетъ ничего такого, чтобы можно было выразить словами. Впрочемъ молитвенное умиленіе не у всѣхъ про-

является одинаково. Одинъ чувствуетъ въ себѣ полное и совершенное, такъ сказать, самоуничженіе; таково было состояніе души мытаря, который, не смѣя возвести очей на небо, билъ себя въ грудь, восклицая: *Боже, милостивъ буди ко мнѣ грѣшному!* Другій чувствуетъ въ себѣ преобладаніе любви, стремленія къ Божеству. У иного сердце наполняется только восторгомъ. Но, во всѣхъ этихъ случаяхъ, одна общая черта неизмѣнно сопровождаетъ чувство молитвеннаго умиленія: это — исчезновеніе изъ сердца всего дурнаго, всѣхъ нечистыхъ мыслей и порочныхъ склонностей, по крайней мѣрѣ, на то время, пока продолжается умиленіе. Въѣтъ съ симъ человѣкъ начинаетъ чувствовать себя лучшимъ, и бываетъ готовъ обнять злѣйшаго врага, забыть всякую обиду. Молитвенное чувство, какъ всякое сильное чувство, иногда бываетъ молчаливо, иногда же изливается въ обильныхъ рѣчахъ. Напрасно думаютъ, что сильныя чувства не любятъ длинныхъ рѣчей. Нѣтъ! Иногда чувство бываетъ очень многорѣчиво отъ того, что не можетъ высказаться вполнѣ, — отъ того, что оно какъ-бы укрѣпляется собственными своими изліяніями и хочетъ выразиться все сильнѣе и, не удовлетворяясь словами и выраженіями одними, ищетъ словъ и выраженій другихъ сильнѣйшихъ, ибо глубокое чувство тѣмъ именно отличается, что его трудно выразить словами.

§ 131.

МИЛОСЕРДІЕ.

Милосердіе, какъ психологическое явленіе, какъ состояніе души, есть удовольствіе, находимое человѣкомъ

въ томъ, чтобы исполнять дѣла милосердія. Кто дошелъ до такой степени нравственнаго совершенства, что находитъ для себя пріятнымъ занятіемъ помогать ближнимъ; кто не можетъ хладнокровно смотрѣть на страданіе другихъ; кто, съ другой стороны, съ удовольствіемъ смотритъ на счастье и довольство ближнихъ: тотъ, значить, имѣетъ чувство милосердія. Отсюда очевидно, что не всѣ дѣла благотворительности могутъ быть названы милосердіемъ. Кто удѣляетъ отъ избытка часть своего богатства на благотворительность, но удѣляетъ безъ всякаго сердечнаго участія, тотъ не можетъ еще быть названъ милосерднымъ. Милосердіе, какъ сердечное чувствованіе, составляется изъ участія, состраданія, любви и есть привычка находить удовольствіе въ упомянутыхъ выше поступкахъ. Бываетъ очень часто, что иная особа съ раздражительными нервами не можетъ безъ волненія смотрѣть на нищету и страданія и нерѣдко проливаетъ слезы, при видѣ ихъ; но это опять не есть милосердіе. Надобно, чтобъ оно происходило въ слѣдствіе влеченія сердца, чтобъ оно нравилось намъ болѣе другихъ занятій. Въ этомъ послѣднемъ видѣ оно становится чувствомъ прямо противоположнымъ эгоизму, который есть источникъ всѣхъ описанныхъ въ предыдущей главѣ душевныхъ состояній. Вотъ отчего чувство милосердія такъ высоко ставится въ христіанской нравственности.

Но чувство еще болѣе противоположное эгоизму есть самоотверженіе. Оно отчасти заключается и въ милосердіи: ибо кто находитъ удовольствіе въ томъ, чтобъ дѣлать счастливыми другихъ, тотъ, значить, меньше думаетъ о себѣ. Но истинно религіозное самоотверженіе есть привычка находить удовольствіе не въ удовлетвореніи своихъ

земныхъ чувствъ и страстей, а въ удовлетвореніи чувствъ религіозныхъ, есть склонность любить въ себѣ не пороки, а добродѣтели, — не тѣло, а душу.

§ 132.

РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЮБОВЬ.

Любовь религіозная можетъ быть разсматриваема, или какъ общее религіозное настроеніе души, или въ частныхъ своихъ проявленіяхъ, какъ любовь къ Богу, къ ближнему и къ самому себѣ. Любовь, какъ общее религіозное настроеніе, какъ чувство вѣры, есть удовольствіе, ощущаемое при представленіи этой вѣры, при мысли, что мы обладаемъ святѣйшими и спасительными истинами, при размышленіи и изученіи этихъ истинъ, а также есть стремленіе къ той жизни, которая собразна съ этою вѣрою. Что истины вѣры христіанской, соприкасаясь душѣ, возбуждаютъ въ ней любовь и удовольствіе, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Человѣческая душа чувствуетъ удовольствіе, при познаніи вообще всякой истины; но изученіе и принятіе религіозныхъ истинъ возбуждаетъ въ ней самое чистѣйшее удовольствіе. Божественная наша вѣра предлагаетъ истины многостороннія, способныя обнять и удовлетворить всѣ стороны души. Но кто полюбилъ эти истины и находитъ въ нихъ удовольствіе, тотъ сдѣлалъ еще не все: онъ долженъ еще стараться о томъ, чтобы приложить ихъ къ жизни. По этому, кто пріучилъ себя находить успокоеніе въ добродѣтели, въ сочувствіи къ ближнимъ, въ молитвѣ, милосердіи: тотъ имѣетъ религіозную любовь. Это общее настроеніе будетъ содержать

въ себѣ всѣ религіозныя состоянія, какъ составныя части. Таковы были, по преимуществу, святые, цѣлую жизнь и каждую минуту жизни, чувствовавшіе въ себѣ пламенную любовь къ вѣрѣ. У другихъ же благочестивыхъ людей подобная религіозная любовь проявляется во всей силѣ только по временамъ, хотя и общее чувство ихъ также близко къ нему.

Любовь къ Богу выше и чище всякой другой любви. Это есть чувство неизъяснимаго восторга, который ощущаетъ благочестивая душа при одной мысли о Богѣ. Странно, по видимому, и непонятно, какъ мы можемъ любить Бога, существо невидимое: ибо, если мы любимъ какой либо предметъ, то, при этомъ, представляемъ себѣ то удовольствіе, какое онъ доставляетъ намъ. Но какъ совмѣстить такое понятіе о любви съ представленіемъ о Богѣ?

Любя Бога, мы именно должны чувствовать восторгъ, при мысли о Немъ; иначе любовь не возможна. Восторгъ же этотъ долженъ происходить отъ размышленія о Богѣ, какъ существѣ совершеннѣйшемъ, какъ Отцѣ и благодѣтелѣ нашемъ. Вотъ, отчего любовь къ Богу есть чувство самое святое, безкорыстное, великое. Любя Бога, мы любимъ какъ-бы самое совершенство, любимъ самую благость, самую мудрость, самое милосердіе, самую, такъ сказать, любовь. Но чтобы любить эти высокія качества, чтобъ сдѣлать себя способнымъ находить удовольствіе въ представленіяхъ о благости, мудрости, величіи, необходимо уже имѣть извѣстную степень душевной чистоты и совершенства. Порочная душа никогда не въ состояніи почувствовать истинной любви къ Богу. Вотъ, отчего любовь къ Богу очищаетъ

человѣка, возвышаетъ его душу. Вотъ, отчего только одна сія любовь можетъ назваться безкорыстною: ибо, здѣсь мы наслаждаемся самымъ добромъ, самымъ совершенствомъ.

Любовь къ ближнему, происходящая отъ вѣры, есть чувство благорасположенія, участія, снисхожденія ко всякому человѣку, истекающее изъ мысли, что всѣ люди суть творенія Божія и братья наши: слѣд., это чувство есть слѣдствие любви къ Богу. Эта любовь заставляетъ насъ скорбѣть болѣе о духовномъ убожествѣ ближнихъ, т. е. объ ихъ порокахъ, нежели о прочихъ тѣлесныхъ нуждахъ. Эта любовь стремится къ тому, чтобы всѣ ближніе сдѣлались достойными Бога и истинными христіанами.

Любовь къ самому себѣ, какъ слѣдствие любви къ Богу, есть чувство своего достоинства, какъ созданія Божія, искупленнаго Его кровію. Это чувство совершенно чуждо эгоизму. Эгоизмъ любитъ себя, какъ существо плотское, земное, любитъ въ себѣ одно недостойное любви, свои страсти и пороки. Напротивъ того, христіанинъ любитъ въ себѣ то, что въ немъ есть достойнаго, божественнаго, любитъ чистую совѣсть, стремленіе къ Богу и добру, а все дурное составляетъ предметъ его борьбы, скорби и сожалѣнія.

§ 133.

Христіанская ревность.

Любовь къ Богу раждаетъ въ душѣ чувство ревности. Ревность къ Богу есть чувствованіе неудовольствія, скорби, при видѣ того, какъ имя Божіе хулится въ людяхъ, есть стремленіе распространить славу Божію

между людьми, радость, происходящая, при видѣ истиннаго Богопочитанія. Но ревность къ Богу не имѣетъ того тягостнаго вліянія на душу, какъ ревность плотская. Последняя есть слѣдствіе зависти и злобы, первая — стремленія къ благу ближняго. Но, къ сожалѣнію, ревность къ Богу можетъ заблуждаться, какъ заблуждается въ чловѣкѣ всякое другое чувство, съ тѣмъ только гибельнымъ различіемъ, что извращеніе этого чувства часто раждаетъ въ душѣ страшное явленіе — *фанатизмъ*. Фанатизмъ не заключаетъ въ себѣ ничего похожаго на истинно — христіанскія чувства, а потому сіи послѣднія никакимъ образомъ не могутъ съ нимъ совмѣщаться въ одномъ сердцѣ. Фанатизмъ можетъ найти убѣжище въ сердцѣ такого чловѣка, который дурныя страсти, какъ-то: злобу, гнѣвъ и пр., хочетъ облечь въ религіозную броню; къ нему были склонны только ложныя религіи, которыя не могли умягчить души чловѣческой, а напротивъ ожесточали.

§ 134.

Порокъ и добродѣтель суть явленія психологическія.

Изъ всего, что было доселѣ сказано, очевидно открывается, что всякій отдѣльный порокъ и добродѣтель суть чувствованія сердечныя, а слѣд. психологическія явленія. Главныя черты порока, какъ душевнаго явленія, суть:

1) Порокъ помрачаетъ разсудокъ. Всякій могъ испытать на самомъ себѣ, какое властительное вліяніе имѣетъ на душу всякая страсть, какъ безсильны требованія ума надъ влеченіями, и какъ рабствуетъ воля предъ нею.

Особенно любопытно наблюдать это надъ невинными душами, въ первый разъ почувствовавшими прикосновение какого-либо порока. Какое тягостное ощущаютъ оны волнение!

По совершеніи грѣха, въ первую минуту, человѣкъ чувствуетъ какое-то странное спокойствіе. Убійца, который ничего не видѣлъ и не чувствовалъ во время припадка ненависти, вначалѣ, по совершеніи преступленія, не чувствуетъ никакого безпокойства, какъ будто съ нимъ ничего особеннаго и не произошло; но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе возбуждается его совѣсть. Борьба начинается мало по малу. Доколѣ въ человѣкѣ бушуетъ страсть, онъ не въ состояніи разсуждать о чемъ либо, а стремится только къ ея удовлетворенію. Но коль скоро человѣкъ удовлетворилъ порыву страсти, она охлаждается, и совѣсть вступаетъ въ свои права. Эта реакція бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе была страсть. Томительное чувство досады, ужаса, гнѣва на самого себя, стыдъ и угрызения совѣсти овладѣваютъ душою и начинаютъ ее терзать.

2) Порокъ заключаетъ въ себѣ нѣчто, унижающее душу, нѣчто ей чуждое и враждебное. Это видно изъ того, что онъ всегда производитъ въ насъ чувство недовольства, что онъ удовлетворяетъ только на мгновение, а послѣ оставляетъ по себѣ всегда горечь. Правда, есть люди, которые не чувствуютъ никакого волненія въ совѣсти, при совершеніи самыхъ ужасныхъ злодѣяній; но нѣтъ такого человѣка, который въ самой глубинѣ души не носилъ бы хотя легкаго сознанія грѣховности своего положенія. Нѣтъ человѣка, который чувствовалъ бы полное удовольствіе отъ порока.

Добродѣтель, напротивъ того, заключаетъ въ себѣ всѣ противоположныя свойства. Она, во 1-хъ, сопровождается ясностью и полнымъ самообладаніемъ ума и всѣхъ душевныхъ силъ. По этому совершеніе всякаго добраго дѣла производитъ полное удовлетвореніе, тишину и спокойствіе въ душѣ. Во 2-хъ, добродѣтель улучшаетъ нашу душу, облагораживаетъ ее, дѣлаетъ доступною ко всему высокому и святому.

§ 135.

О БОРЬБѢ ВНУТРЕННЕЙ.

Кто наблюдалъ надъ своею внутреннею жизнію, хотя самымъ поверхностнымъ образомъ, тотъ легко могъ замѣтить, что жизнь души нашей, внутренняя ея основа, есть борьба между чувствами, борьба двухъ началъ — добраго и злаго. Отъ колыбели до гроба продолжается эта внутренняя борьба, это странное раздвоеніе единой души. Ежеминутно замѣчаемъ мы, какъ умъ велитъ одно, а мы желаемъ другаго, увлекаясь противнымъ стремленіемъ. Многіе даже изъ языческихъ философовъ знали частію объ этомъ внутреннемъ раздвоеніи. Но вполнѣ объяснила эту борьбу, ея источникъ и основаніе христіанская вѣра. Поэтому, тотъ не знаетъ самыхъ первыхъ основаній христіанской нравственности, кто не вникнулъ въ ту внутреннюю борьбу между разными чувствами, которую долженъ выдержать всякій въ душѣ своей. Все наше воспитаніе должно быть направлено къ выдержанію этой внутренней борьбы. Всѣ наши поступки должны истекать и дѣйствительно истекаютъ изъ нея. — Въ особенности, никогда не должно выпускать изъ виду

этого высоко-психологическаго явленія тому, кто хочет разгадать душу человѣка, ея дѣятельность, какъ частную, такъ и историческую. Безъ сознанія этого внутренняго раздвоенія человѣкъ не можетъ быть истинно добродѣтельнымъ: ибо, думая, что поступаетъ хорошо, онъ можетъ грѣшить, дѣйствуя по внушеніямъ предосудительныхъ чувствъ. Въ этой внутренней борьбѣ ослабленіе можетъ произойти лишь тогда, когда перевѣсъ склоняется на сторону какого-либо изъ двухъ началъ. Предъ совершеніемъ перваго сознательнаго порока борьба бываетъ сильна; при повтореніи его, она бываетъ слабѣе, и чѣмъ чаще человѣкъ его повторяетъ, тѣмъ болѣе она ослабѣваетъ, тѣмъ сильнѣе человѣкъ привыкаетъ къ хладнокровному совершенію грѣха, и, наконецъ, то самое, что прежде возбуждало величайшее смятеніе, онъ совершаетъ хладнокровно и даже съ удовольствіемъ. Такова исторія развитія всякой страсти въ душѣ человѣческой. Ослабленіе борьбы бываетъ и тогда, когда перевѣсъ получаетъ доброе начало. Но ослабленіе это идетъ гораздо медленнѣе, а борьба вполне никогда не уничтожается, на какой бы высокой степени совершенства ни стоялъ христіанинъ. Но и здѣсь, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе утверждаетъ онъ въ добрѣ, тѣмъ ближе становится къ Богу и сильнѣе начинаетъ чувствовать суету земныхъ удовольствій. Наконецъ, онъ бываетъ гото въ совсѣмъ оставить міръ, чтобы ничто не мѣшало ему стремиться къ Богу.

Такова краткая исторія добродѣтели въ человѣкѣ и объясненіе того дивнаго влеченія, какое имѣли первенствующие христіане наполнять собою пещеры и пустыни для уединенной жизни, — влеченія, которое до

сихъ поръ продолжается во многихъ душахъ христіанскихъ.

Но кто хладнокровно и безпристрастно сообразить всю силу и настойчивость дурнаго начала въ душѣ; кто подумаетъ о томъ, сколько оно находитъ благопріятствующихъ обстоятельствъ для своего развитія, какъ всѣ чувства, вся внѣшняя обстановка способствуютъ къ его возрастанію, и сколько напротивъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ для укрѣпленія другаго противоположнаго ему начала: тотъ увидитъ, какъ трудно человѣку собственными силами, безъ содѣйствія благодати Божіей, дать въ себѣ перевѣсъ добру надъ зломъ.

§ 136.

Кому особенно нужно изучать сію борьбу?

Тщательное изученіе свойствъ этой внутренней борьбы особенно необходимо и полезно тому, кто посвятилъ свою жизнь для исправленія нравственности другихъ людей. Онъ долженъ стараться пріобрѣсть вліяніе на ихъ мысли и чувства; но возможно ли сдѣлать это, не зная свойствъ души? Стремясь къ исцѣленію нравственныхъ болѣзней общества, онъ, подобно искусному медику, долженъ хорошо изучить свойства душевныхъ болѣзней. Отсюда важность изученія психологіи для всякаго человѣка, назначающаго себя въ духовное званіе. Разумѣется, что знаніе психологіи, какъ знаніе самаго себя, важно для всякаго человѣка; но для Богослова оно пріобрѣтаетъ двойную цѣну по тому благовому употребленію, какое онъ въ состояніи сдѣлать изъ него. Слѣдующее соображеніе еще болѣе докажетъ эту необходимость.

Многіе молодые проповѣдники, приступая къ наставленію христіанъ безъ достаточнаго изученія свойствъ сердца человѣческаго, не могутъ дѣйствовать на волю своихъ слушателей, какъ слѣдуетъ. Они очень красно-рѣчиво доказываютъ слушателямъ, что порокъ вреденъ, а добродѣтель полезна и почтенна; но этого еще слишкомъ мало. Слушатели и сами убѣждены въ томъ, безъ всякихъ доказательствъ; но тѣмъ не менѣе чувствуютъ, какъ страсти берутъ перевѣсъ въ ихъ сердцахъ. Поэтому, вмѣсто того, чтобы доказывать пользу добродѣтели, все усиліе проповѣдника должно быть обращено къ убѣжденію слушателей въ томъ, что добродѣтель можетъ доставить такое же, или еще большее, чистѣйшее удовольствіе, нежели порокъ, и что надобно только приучить свою волю къ ней, чтобы находить въ ней свое счастье. Убѣждайте сколько угодно, что грѣхъ вреденъ, страсти губительны, а добродѣтель прекрасна: всѣ будутъ съ вами согласны, но жизни не перемѣнятъ. Надобно, чтобы слушатель почувствовалъ, что страсти доставляютъ мнимое и непрочное удовольствіе, но что истинное, прочное, лучшее удовольствіе душа можетъ обрѣсти лишь въ христіанскихъ чувствахъ.

§ 137.

О томъ, какъ необходимо приучать себя къ религіознымъ чувствамъ.

Несомнѣнный и всеобщій опытъ убѣждаетъ насъ, что человѣкъ не можетъ жить безъ удовольствій. Это есть почти аксіома, ибо чувства суть жизнь души; но душа не можетъ не жить: слѣд., она не можетъ не стремить-

ся къ удовольствію. Стремленіе къ пріятнымъ ощущеніямъ и удаленіе отъ всего непріятнаго, скучнаго, есть неизбѣжный фактъ, — неизбѣжное слѣдствіе самой сущности души. Подобно тому, какъ душа не можетъ иначе мыслить, какъ только въ формѣ сужденій и умозаключеній, точно также она иначе не можетъ жить, какъ въ формѣ своихъ внутреннихъ ощущеній, пріятныхъ или непріятныхъ. Этой мысли психологъ не долженъ выпускать никогда изъ виду. Изъ нея, какъ изъ плодотворнаго начала, объясняется:

1) То, что нѣтъ человѣка на землѣ, который бы не стремился къ удовольствію. Но, стремясь къ нимъ, одни стараются разнообразить свои удовольствія, имѣть какъ можно болѣе разнородныхъ ощущеній, собирать, такъ сказать, дань со всѣхъ чувствъ и со всѣхъ предметовъ. Другіе же, и это — болышею частію, останавливаются на какомъ либо одномъ удовольствіи и постоянно къ нему стремятся: отсюда происхожденіе отдѣльныхъ страстей. Нѣтъ человѣка, который не относился бы къ одной изъ сихъ категорій. — Кто пріучилъ себя постоянно находить удовольствіе въ деньгахъ, тотъ дѣлается корыстолюбцемъ; кто привыкъ наслаждаться представленіями о почестяхъ, о славѣ, тотъ дѣлается честолюбцемъ; словомъ — нѣтъ на землѣ человѣка, который не поставлялъ бы въ чемъ нибудь своего счастья. Поэтому-то счастье и играетъ такую роль въ жизни человѣческой. Всѣ стремятся къ счастью; всѣ любятъ говорить о немъ; всякій въ чемъ нибудь да олицетворяетъ его для себя.

2) Изъ этого же стремленія къ удовольствію, среднаго душѣ, объясняется величайшій фактъ христіанской нравственности; именно — ея требованіе, чтобы мы не-

премѣнно старались полюбить добродѣтель, старались довести себя до того, чтобы она сдѣлалась наслажденіемъ нашей души. Въ самомъ дѣлѣ невозможно сдѣлаться истиннымъ христіаниномъ до тѣхъ поръ, пока мы не приучимъ себя находить удовольствіе въ молитвѣ, милосердіи, самоотверженіи, любви къ Богу и ближнему. Отчего многимъ кажется скучнымъ стоять въ церкви? Отъ чего многіе находятъ тягостнымъ исполненіемъ христіанскихъ обязанностей? Отъ того, что они не вникнули въ свою душу, не приучили себя къ добродѣтели, не почувствовали сладости добра.

Отсюда слѣдуетъ, что человекъ всѣ усилія свои долженъ обратить къ тому, чтобы христіанскія добродѣтели сдѣлались для него потребностью, чтобы душа его находила удовольствіе въ ихъ исполненіи. Стремленіе къ мірскимъ удовольствіямъ можно изгнать изъ сердца только тогда, когда имъ противоположимъ удовольствія религіозныя. Только тогда мы получимъ отвращеніе къ пороку, когда почувствуемъ сладость добродѣтели. Тутъ требуется именно одна привычка. Въ первый разъ исполненіе добраго поступка можетъ показаться скучнымъ, потомъ оно покажется легче, далѣе оно будетъ нравиться, и наконецъ душа наша будетъ имъ наслаждаться. — Это наслажденіе добромъ и есть самая добродѣтель воли, есть сущность христіанской нравственности.

§ 138.

Что еще объясняется этимъ приученіемъ души къ добру?

Навыкомъ души къ добру или къ пороку объясняет-

ся великое таинство вѣры нашей, таинство загробной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что умираютъ два человѣка, грѣшный и праведный. Душа перваго переходитъ на тотъ свѣтъ искаженная всѣми земными страстями и стремленіями, съ любовью къ богатству, съ стремленіемъ къ земнымъ почестямъ, со страстью къ наслажденіямъ земнымъ. Что же сдѣлаетъ она съ этими чувствами за гробомъ? Въ чемъ она можетъ найти тамъ удовольствіе? Удовлетворить этимъ привычкамъ тамъ нельзя: ибо тамъ нѣтъ денегъ, которые она любила; тамъ нельзя удовлетворить желанію нравиться, блистать нарядами, властвовать надъ другими. Не будетъ ли душа подобнаго человѣка за-гробомъ сама въ себѣ носить ада? Ибо, къ невозможности находить удовольствія, прибавьте угрызенія совѣсти, которая будетъ упрекать душу въ томъ, что она потеряла земную жизнь даромъ, что гонялась за пустяками и выпустила изъ виду главную цѣль жизни. Напротивъ того, когда переселится въ другой міръ человѣкъ, привыкшій находить счастье въ добродѣтели, т. е. въ любви къ Богу и ближнему: то на томъ свѣтѣ онъ еще сильнѣе и безпрепятственнѣе можетъ удовлетворять этимъ потребностямъ. Тамъ ничто не будетъ омрачать его наслажденія: ни скорби, ни болѣзни, ни другія земныя превратности. Тамъ онъ на самомъ дѣлѣ получитъ то, къ чему здѣсь онъ стремился только желаніями сердца. Прибавьте къ этому радость, проистекающую отъ одобренія совѣсти, и вы увидите, что праведный въ самой душѣ своей будетъ носить рай.

Вотъ объясненіе того, почему земная жизнь для христіанина есть приготовленіе къ небесной; почему

она почитается временемъ сѣянiя, а жатва ея — въ будущей жизни. Вотъ, наконецъ, связь психологiи съ Богословiемъ, связь, дѣлающая эту науку столь необходимою для богослова.

§ 139.

ЗАКЛЮЧЕНIЕ.

Въ заключенiи скажемъ еще, что религiозныя состоянiя души составляютъ отличительную принадлежность чловѣка предъ всѣми другими земными тварями. Всѣ описанныя въ предыдущей главѣ состоянiя принадлежать и животнымъ, но только одинъ чловѣкъ можетъ возвыситься до побѣжденiя въ себѣ плотскихъ вожделѣнiй, до любви чистой, безкорыстной, религiозной.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВОЛИ.

---

§ 140.

СОДЕРЖАНІЕ ГЛАВЫ И СВЯЗЬ СЪ ПРЕДЫДУЩИМЪ.

Анализируя во 2-ой главѣ дѣятельныя или желательныя способности души, мы сказали, что нужды раждаютъ въ душѣ безпокойство, безпокойство возбуждаетъ желаніе или стремленіе къ его удовлетворенію, а воля есть самая рѣшимость души на извѣстное движеніе, — выборъ, или даже самое начатіе извѣстнаго дѣйствія. Въ этой главѣ мы займемся рѣшеніемъ всѣхъ вопросовъ о дѣятельности воли, а въ особенности главнаго — о свободѣ воли. Этотъ важнѣйшій философскій вопросъ не разъ бывалъ предметомъ самыхъ глубокихъ изслѣдованій многихъ метафизиковъ, и какъ обыкновенно бываетъ со всѣми метафизическими вопросами, породилъ много противоположныхъ мнѣній. Сущность вопроса состоитъ въ томъ — свободна ли воля въ своихъ дѣйствіяхъ, т. е. свободно ли, безъ принужденія ли она рѣшается на тѣ или другія дѣйствія, или же она всегда и по необходимости должна желать и дѣйствовать такъ,

а не иначе. Мы постараемся разрѣшить этотъ вопросъ сообразно съ основаніями нашей Психологіи.

§ 141.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ ПОНЯТІЯ О СВОБОДѢ.

Если внимательно вникнемъ въ понятіе наше о свободѣ, то увидимъ, что оно неизбѣжно предполагаетъ, во 1-хъ, разумъ, во 2-хъ, силу или возможность къ извѣстному дѣйствию.

Не трудно согласиться съ тѣмъ, что гдѣ нѣтъ разума или размышленія, тамъ не можетъ быть свободы, и что свобода можетъ быть только удѣломъ существа мыслящаго и должна быть слѣдствіемъ мышленія. Существо неодушевленное, неразумное, не можетъ быть свободнымъ: ибо оно дѣйствуетъ механически, не сознавая своихъ движеній и неизбѣжно покоряясь силамъ внѣшнимъ. Когда камень падаетъ внизъ, или пары водяные поднимаются вверхъ: это суть слѣдствія механическихъ силъ и называются механическими инертными явленіями. Напротивъ того, существо, сознающее свои дѣйствія, размышляющее о нихъ, отличающее худшее отъ лучшаго и стремящееся къ послѣднему, необходимо предполагается свободнымъ. Поэтому необходимость связи разума съ свободою основана на томъ, что только разумъ можетъ избрать лучшее и направить къ нему волю. Если бы, съ другой стороны, при разумѣ человѣкъ не имѣлъ свободы: то выходило бы, что онъ можетъ отличать лучшее отъ худшаго, но не можетъ избирать между ними, т. е., не имѣетъ силы дѣйствовать по своему пониманію; тогда разумъ былъ бы бесполезенъ. Далѣе, если

мы возьмемъ одну свободу, безъ разума, то рѣшительно не можемъ представить себѣ, что она будетъ означать и какія будетъ имѣть свойства, ибо свобода значить возможность дѣлать то, что мы считаемъ за лучшее; но безъ разума сама свобода не могла бы для себя опредѣлить направленія дѣятельности. Слѣд. свобода должна быть въ неразрывной связи съ разумомъ. Безъ разума свобода есть ничто, мечта.

Во 2-хъ, свобода необходимо предполагаетъ силу или возможность дѣйствовать. Тамъ, гдѣ нѣтъ силы къ дѣйствованію — нѣтъ и свободы. Ибо, предположимъ, что разумъ избралъ лучшее; но если у человѣка нѣтъ силы и возможности стремиться къ этому лучшему и достигать его, то нѣтъ у него и свободы. Вотъ, почему свобода человѣка простирается только до тѣхъ предѣловъ, которыми ограничены самыя силы человѣка. Заключенный въ темницу не имѣетъ свободы выйти изъ нея; упавшій съ высокаго мѣста не въ состояніи, не свободенъ остановить себя въ срединѣ паденія. Вотъ, почему и говорится, что свобода человѣка ограничена, но что только Богъ безграниченъ въ своей свободѣ. Человѣческая свобода находится въ полной зависимости отъ тѣхъ средствъ и орудій дѣйствованій, которыми одарилъ ее Творецъ. Имѣя ноги, мы свободны ходить или сидѣть, но не можемъ летать.

Никто не станеть, кажется, спорить съ нами въ томъ, что понятіе о свободѣ находится въ необходимой связи съ сими двумя существенными признаками, именно — разумомъ и съ возможностью исполнить внушенія разума. Но изъ этихъ двухъ свойствъ нашей свободы мы надѣемся объяснить всѣ явленія дѣятельности воли.

§ 142.

О побужденіяхъ къ дѣятельности.

Воля, какъ мы сказали во 2-ой главѣ, есть самая рѣшимость души начать то или другое дѣйствіе; но рѣшимость эта никогда не бываетъ безъ причинъ или побужденій, иначе она была бы слѣпая, безсознательная. Рѣшимость, или воля, всегда является у человѣка въ слѣдствіе разныхъ побужденій. Укажемъ существеннѣйшія изъ нихъ:

Во 1-хъ, воля дѣйствуетъ часто, или лучше большею частію, подъ вліяніемъ чисто чувственныхъ побужденій, т. е. представленій удовольствія или неудовольствія. Такова воля, напр., у дѣтей, которыя стремятся только къ тому, что имъ кажется пріятнымъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ соображеній. Такова воля и у многихъ взрослыхъ людей, которые въ выборѣ своихъ дѣйствій всегда руководствуются внушеніями чувствъ. Но въ сихъ побужденіяхъ надобно различать многія обстоятельства. Воля иногда опредѣляетъ къ выбору быстро, безсознательно, какъ напр. въ дѣтяхъ и во многихъ малоразвитыхъ людяхъ, а иногда даже насильственно, какъ напр. въ припадкѣ сильныхъ чувствъ, гнѣва, ужаса, сильной страсти, или напр. у помѣшанныхъ людей. Очевидно, что въ сихъ случаяхъ мало свободы, ибо здѣсь разумъ не принимаетъ никакого участія въ дѣйствованіи.

Если же воля хотя и подъ вліяніемъ низшихъ чувственныхъ влеченій, избираетъ сознательно, съ размышленіемъ, и тогда разумъ служитъ орудіемъ чувствъ, помогаетъ выбору, руководитъ волю: то дѣйствіе должно быть признано совершенно свободнымъ, произволь-

нымъ. Напр., положимъ, что кто либо обладаемъ страстию корыстолюбія и стремленія къ обогащенію. Когда онъ въ этомъ состояніи напрягаетъ весь свой умъ, всѣ силы душевныя къ достиженію цѣли: то хотя и дѣйствуетъ въ угоду низшей чувственности, стремится къ пріятному, но дѣйствуетъ совершенно свободно. Если же и говорится, что страсти лишаютъ насъ свободы: то сіе означаетъ, что человѣку трудно бываетъ освободиться отъ страстей, какъ скоро онъ подчиняется имъ. Но чтобы дойти до такого порабощенія, чтобы страсть обратилась въ привычку, въ природу, надобно было подчинить ей свою волю, поработить ей себя. Притомъ мы видимъ, что многіе люди твердостью воли побѣждаютъ въ себѣ дурныя привычки, а иногда изгоняютъ изъ себя сильнѣйшія страсти; слѣд. и тутъ остается возможность выбора.

Во 2-хъ, воля иногда дѣйствуетъ въ слѣдствіе побужденій, чисто разумныхъ, и дѣйствуетъ вопреки влеченію чувствъ, вопреки представленій удовольствія и неудовольствія. Можно усумниться въ свободѣ воли, когда она влечется нуждами тѣлесной природы и выбираетъ подъ вліяніемъ представленій пріятнаго; но когда она, повинувшись убѣжденіямъ разума, дѣйствуетъ вопреки стремленію своихъ чувствъ, вопреки даже желанію своему, то тутъ нельзя отвергать свободы человѣка. Таково бываетъ состояніе воли, когда душа при выборѣ дѣйствій смотритъ не на то, что пріятно нашимъ чувствамъ, а болѣе на то, что сообразно съ истиною, когда волю опредѣляетъ не внутреннія побужденія, а достоинство самыхъ вещей. Мы, напр., подчиняемъ волю авторитету законовъ добровольно, мы стремимся къ добродѣтельнымъ поступкамъ,

хотя для минутныхъ чувствъ противоположныя дѣянiя и были бы прiятнѣе, а потому во всѣхъ сихъ случаяхъ нельзя отвергать свободы воли.

§ 143.

О связи между побужденiями и дѣйствiями воли.

Такимъ образомъ ясно, что побужденiя, опредѣляющiя волю къ извѣстному образу дѣйствiй, не могутъ сдѣлать человѣка существомъ несвободнымъ. Последнее было бы возможно лишь въ томъ случаѣ, когда связь между побужденiемъ и дѣйствiемъ была бы необходима, т. е. когда бы извѣстное побужденiе неизбѣжно и непремѣнно влекло бы волю къ тому, а не къ другому дѣйствiю, какъ тяжесть влечетъ тѣло къ центру, а не отъ центра. Побужденiя всегда есть, но связь ихъ съ дѣйствiями не необходима, т. е. воля можетъ склониться на нихъ, но можетъ и не слѣдовать имъ. Но на такое рѣшенiе дѣлаютъ слѣд. возраженiе: »Всякое хотѣнiе или воля есть последнее опредѣленiе разума, послѣднiй его приговоръ; но никто не станетъ отвергать, что рѣшенiя разума всегда запечатлѣны необходимостiю; ибо разумъ по необходимости долженъ признать нѣкоторыя предложенiя истинными, а другiя ложными. Точно также разумъ по необходимости одобряетъ одни дѣйствiя, ибо они истинны и полезны по самой сущности своей и осуждаетъ другiя, потому что они по своей сущности вредны и несогласны съ истиною; слѣд., и воля, которая слѣдуетъ этому приговору разума, не можетъ быть признана свободною. Напр., человѣкъ, который думаетъ, что гораздо лучше слѣдовать внушенiю своихъ

чувствъ и стремиться къ удовольствію въ настоящей жизни, нежели ожидать будущихъ благъ, дѣйствуетъ точно по той же необходимости, по которой математикъ утверждаетъ, что всѣ три угла треугольника равны двумъ прямымъ. Отсюда выходитъ, что если человѣкъ во всѣхъ своихъ поступкахъ слѣдуетъ приговору разума, — то онъ не свободенъ; но если не слѣдуетъ ему, то онъ дѣйствуетъ слѣпо. «Таковы были возраженія противу свободы одного изъ сильнѣйшихъ защитниковъ фатализма, Коллена, въ его письмахъ къ ученому англійскому метафизику, Кларку; но глубокомысленный Кларкъ опровергъ это возраженіе весьма основательно. Приговоры разума всегда необходимы, потому что основаны на природѣ вещей; но воля не находится въ необходимой физической связи съ этими приговорами, ибо воля не всегда слѣдуетъ имъ. Дѣйствіе и свобода — двѣ идеи тождественныя. Гдѣ нѣтъ свободы тамъ есть только страданіе, а не дѣйствіе. Истина и ложь для ума тоже, что свѣтъ для глазъ. Мы не можемъ не видѣть, когда открыты глаза, и не можемъ не признать истины, когда умъ здоровъ; но иное дѣло судить, иное — дѣлать. Эти двѣ вещи зависятъ совершенно отъ различныхъ началъ. Первое — страдательно, второе свободно. Первое также отлично отъ втораго, какъ для человѣка зрячаго видѣть дорогу отъ самаго хожденія по дорогѣ. Нельзя сказать, чтобы хожденіе по дорогѣ было необходимымъ слѣдствіемъ видѣнія дороги; точно также нельзя сказать, чтобы рѣшенія воли были необходимымъ слѣдствіемъ приговоровъ разума. — Сколько разъ случается, что разумъ убѣждаетъ въ благотворительности того или другаго дѣйствія, но воля не слѣдуетъ его убѣжденію; сколько разъ также чувство влечетъ къ чему либо, но

воля дѣлаетъ противоположное чувствамъ своимъ. Слѣд., никогда нѣтъ необходимости въ опредѣленіяхъ воли.

§ 144.

Внутренняя борьба — доказательство свободы.

Борьба чувствъ съ разумомъ, внутреннее раздвоеніе, которое замѣчаетъ въ себѣ всякій человѣкъ, яснѣе всего доказываютъ свободу человѣческой воли. Тамъ, гдѣ дѣйствіе подчинено необходимымъ физическимъ законамъ, не можетъ быть никакой борьбы; а потому, если бы воля неизбѣжно должна была слѣдовать закону необходимости, она бы не колебалась, не выбирала, а дѣлала бы все безъ нерѣшительности. Гдѣ есть возможность въ выборѣ дѣйствія или покоя, въ выборѣ одного движенія между многими — не основательно предполагать волю несвободную. Внутреннее чувство увѣряетъ всякаго, что даже въ тѣ минуты, когда какая либо страсть неудержимо, повидимому, влечетъ его къ чему либо, онъ въ состояніи остановиться и повиненъ самъ въ своемъ дѣйствіи. Совѣсть осуждаетъ насъ за дурные поступки, этотъ внутренній голосъ сознательно и непогрѣшительно внушаетъ намъ, что мы должны вести борьбу, что мы должны довѣряться влеченію не низшихъ представленій, а внушенію разума. Внутреннее довольство наше, когда мы удержали чувственность, или побѣдили страсти, ясно показываетъ, что воля вышла побѣдительницею, что она боролась и не потеряла свободы, не сдѣлалась рабою. Эта внутренняя борьба неизбѣжна во всякомъ развитомъ человѣкѣ. Она можетъ ослабнуть иногда, но исчезнуть можетъ только въ двухъ случаяхъ:

1) Когда какое либо изъ борющихся началъ одержитъ совершенный перевѣсъ. Напр., когда чувства и страсти такъ завладѣли человѣкомъ, что воля его безъ всякихъ уже колебаній повинуется имъ; именно, когда стремленіе къ удовлетворенію низшимъ побужденіямъ сдѣлалось для него нормальнымъ. Таково, къ сожалѣнію, состояніе очень многихъ, именно тѣхъ, кои живутъ лишь для удовлетворенія низшимъ потребностямъ плоти.

2) Внутренняя борьба можетъ ослабнуть, но не исчезнуть и тогда, когда разумокъ одержалъ верхъ надъ чувствами; когда воля усовершилась и человѣкъ побѣдилъ въ себѣ чувственныя влеченія и живетъ лишь по внушенію нравственнаго закона. Мы сказали, что въ этомъ случаѣ борьба ослабѣваетъ, но не исчезаетъ: ибо на какой бы степени совершенства ни стоялъ человѣкъ, въ немъ всегда почти остается борьба съ низшими стремленіями.

§ 145.

О высочайшей свободѣ.

Высочайшая, возможная на землѣ свобода принадлежитъ только истинному христіанину, привыкшему подчинять свою волю закону нравственности, живущему сообразно предписаніямъ христіанской вѣры. Причина этому заключается въ слѣд.: никто не станетъ спорить въ томъ, что истинно свободнымъ можно назвать только такого человѣка, который и желаетъ всего безъ всякаго внутренняго, или внѣшняго принужденія, и исполняетъ свои желанія, не только безъ принужденія, но даже съ радостью, съ любовью, съ внутреннимъ наслажденіемъ.

Но желанія истиннаго христіанина совершенно не принужденны: ибо ни страхъ, ни стыдъ, ни какая либо вишняя власть не можетъ опредѣлить его желаній. Онъ желаетъ по одному свободному убѣжденію разума, по одной увѣренности въ превосходствѣ того, къ чему онъ стремится, желаетъ и рѣшается на добро и отвращается отъ зла, такъ сказать, естественно, въ слѣдствіе сердечнаго стремленія. Это до такой степени справедливо, что добрыя желанія никогда не могутъ раждаться отъ насильственныхъ побужденій. Можно принудить человѣка къ наружнымъ дѣйствіямъ, но не къ желаніямъ. — И такъ, если человѣкъ искренно, непритворно желаетъ добра, то желаетъ совершенно свободно.

Но если христіанинъ свободенъ въ желаніяхъ, то тѣмъ болѣе свободенъ въ дѣйствіяхъ. Нравственный законъ христіанскій имѣетъ то отличіе отъ всякаго человѣческаго закона, что онъ исключаетъ рѣшительно всякое принужденіе и насиліе. Истиннымъ христіаниномъ можно быть только въ слѣдствіе внутренняго расположенія. Истинный христіанинъ есть тотъ, кто находитъ удовольствіе въ добродѣтели; кто исполняетъ законъ свой въ слѣдствіе внутренняго влеченія, въ слѣдствіе того, что ему пріятно это дѣлать. Много нужно борьбы и усилія, чтобы довести себя до такого состоянія; но кто дошелъ до него, тотъ пріобрѣлъ истинно христіанскую свободу.

Но скажутъ: таково состояніе и противоположное, т. е. состояніе человѣка преданнаго страстямъ. Онъ также дѣйствуетъ по внутреннему влеченію и дѣйствуетъ съ удовольствіемъ, съ любовью. Справедливо, и въ этомъ онъ похожъ на человѣка добродѣтельнаго, ибо дѣйствуетъ свободно (отъ того-то онъ и повиненъ грѣху);

но какая между тѣмъ разница! Удовлетвореніе страстямъ и слѣпымъ влеченіямъ чувственности имѣетъ самое тягостное вліяніе на внутреннюю жизнь души. Страсть порабощаетъ волю, производитъ внутренній разладъ, борьбу и часто неудовольствіе, разочарованіе и пресыщеніе. Всякое удовлетвореніе страсти волнуется, но не успокоиваетъ человѣка. Словомъ, жизнь безнравственная есть не нормальное состояніе души, растройство ея. Только истинный христіанинъ носить въ душѣ *миръ Божій*.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О СОВМѢСТНОМЪ БЫТІИ ДУШИ И ТѢЛА.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ОБЪ ОТНОШЕНІИ МЕЖДУ ДУШЕЮ И ЕЯ ОРГАНИЗМОМЪ.

§ 146.

СОДЕРЖАНІЕ ГЛАВЫ.

Точное и вѣрное познаніе души, ея силъ и способностей, особенно же ея состояній, описанныхъ въ предыдущей главѣ, возможно лишь тогда, когда будетъ извѣстно истинное отношеніе между душею и организмомъ и вліяніе сего послѣдняго на душу: Изслѣдованіе въ высшей степени любопытнаго и важнаго для психологіи вопроса объ отношеніи между душею и тѣломъ далеко подвинуто въ настоящее время проникательностію нѣкоторыхъ Германскихъ ученыхъ, каковы Найе, особенно же Карусъ и Кленке. (*) Мы будемъ руководствоваться во многихъ случаяхъ, въ особенности со стороны фактической, ихъ указаніями. Но, отдавая полную справедливость глубокому ихъ знанію, мы, все-таки, изъ любви къ истинѣ, принуждены будемъ противорѣчить

(*) Сочиненіе послѣдняго: Органическая Психологія, переведено въ прошломъ 1856-мъ году Г. Пестичемъ на Русскій языкъ.

имъ во многихъ существенныхъ пунктахъ. Мы увѣрены, что никто не припишетъ этого противорѣчія нашей самодѣянности: истина чаще всего бываетъ результатомъ многихъ споровъ и разнородныхъ взглядовъ на предметъ. Одинъ человѣкъ, при всей учености и проницательности, не можетъ обсудить вопроса со всѣхъ сторонъ.

§ 147.

КОГДА МОЖНО НАБЛЮДАТЬ ОТНОШЕНІЕ МЕЖДУ ДУШЕЮ
И ОРГАНИЗМОМЪ?

Во 1-хъ, всякій безпристрастный человѣкъ согласится съ тѣмъ, что отношеніе между душею и организмомъ человѣка можно и должно наблюдать лишь тогда, когда и душа и тѣло получили уже нѣкоторое развитіе и обнаружили основныя формы своей жизни, а это бываетъ замѣтно не ранѣе того, какъ младенецъ нѣсколько уже начинаетъ обнаруживать слѣды понятливости, признаки нѣкоторыхъ душевныхъ способностей, т. е. не ранѣе, по крайней мѣрѣ, восьми или девяти мѣсяцевъ послѣ его рожденія. Всего же лучше наблюдать отношеніе между двумя составными частями въ взросломъ человѣкѣ: ибо тогда всѣ обстоятельства облегчаютъ и содѣйствуютъ такому наблюденію. Но если-бы кто вздумалъ начать эти наблюденія, напр., съ той минуты, когда организмъ человѣка зараждается въ утробѣ матери: то едва ли онъ успѣетъ въ своемъ намѣреніи. Предположивъ даже, что ему удастся прослѣдить за развитіемъ зародыша и изучить основательно всѣ перемѣны, какимъ онъ подвергается съ самой первой минуты своего оплодотворенія до того времени, когда изъ него образуется полный ор-

ганизмъ со всѣми своими формами, все же таки онъ изучить одну только сторону вопроса; но другая его сторона, т. е. начало души и отношеніе ея къ образуемому организму, всегда останется для него тайною: потому что невозможно понять и разгадать, въ какомъ отношеніи находится душа къ образуемому организму.

Во 2-хъ, вѣроятно всякій безъ труда согласится также и съ тѣмъ, что младенецъ развивается и совершенствуется мало по малу и притомъ съ помощію тѣхъ средствъ и способностей, какія получилъ отъ Бога, и развивается какъ по тѣлу, того и по душѣ: ибо, начиная съ того, какъ сосать грудь матери, какъ употреблять руки или ноги и другія члены, какъ пользоваться чувствами, и кончая способностію судить, умозаключать, познавать, все онъ пріобрѣтаетъ постепенно. Эти два положенія не требуютъ никакихъ доказательствъ: потому что ежедневный опытъ оправдываетъ ихъ самымъ несомнѣннымъ образомъ, такъ что ихъ можно признать аксіомами. Но, между тѣмъ, онѣ совершенно противорѣчатъ основной мысли упомянутыхъ нами выше ученыхъ.

Кленке, въ своей органической Психологіи, изученіе отношенія между душою и тѣломъ начинается не только до проявленія какихъ либо душевныхъ способностей въ новорожденномъ младенцѣ, но даже до образованія зародыша въ утробѣ матери. Онъ полагаетъ, что организмъ человѣческой съ самаго оплодотворенія зародыша и до смерти образуетъ сама человѣческая душа. Вотъ его слова: »Если взглянемъ на ходъ развитія организма вообще, то генетическое изслѣдованіе покажетъ намъ, что изъ неопредѣленной точки мало по малу проявляет-

ся жизненная дѣятельность и, сообразно внутреннимъ законамъ, изъ неопредѣленнаго развивается рядъ метаморфозъ и образований, которыя, по своей противоположности и взаимной зависимости, постоянно относятся къ цѣлому, совершающемуся во времени и пространствѣ. Но развитіе въ періодахъ и формахъ происходитъ столь правильно, что нельзя не признать творческаго могущества первообраза въ каждомъ моментѣ жизни, какъ высшей идеальной силы, происходящей въ каждомъ образованіи организма. Идеальное могущество (*) творить непрерывно и столь предусмотрительно, что какъ бы напередъ обдумываетъ слѣдующіе періоды и настоящимъ образованіемъ приготовляетъ будущее. Посему эта идея организма есть вмѣстѣ первообразъ цѣлаго, въ правильномъ движеніи и развитіи котораго проявляется сознательное мышленіе. Уже въ зародышѣ, какъ бы предвидя все будущее, она устрояетъ органы для жизни его въ атмосферѣ и свѣтломъ мірѣ явленій; и столь разумно устанавливаетъ періоды и метаморфозы развитія; что одинъ періодъ слѣдуетъ изъ другаго и съ каждымъ постепенно и яснѣе обнаруживается въ реальномъ мірѣ бытіе и воля идеи, опредѣляющей индивидуальную жизнь.»

»Столь красивый, изъ разнообразныхъ членовъ состоящій человѣческій организмъ, при первомъ вступленіи въ природу, представляетъ каплю яичной жидкости; однакожъ идея индивидуальности находится здѣсь нераздѣльною: ибо въ этой каплѣ уже начинается развитіе и формированіе будущаго многообразія. Въ этой каплѣ

(*) Это названіе у него означаетъ душу.

идея обнаруживается въ самомъ маломъ своемъ значеніи: ибо жизнь природы творить во времени и пространствѣ; въ капли ничной жидкости еще вовсе не замѣтно разнообразія, свойственнаго будущему организму; однако изъ этой же капли творчески зиждется организмъ. Творческая дѣятельность, исполненная сознательной, безконечной будущности, есть идея, которую мы называемъ душею. Она есть умственно понимаемое бытіе того феномена, который мыслить и изъ вѣчно пребывающаго первообраза творить, преобразуетъ и формируетъ матерію. Чѣмъ болѣе идея возрастаетъ въ своей реальной интенсіи, тѣмъ образованіе становится матерія, какъ экстенсивное отраженіе идеи.»

«Организмъ пребываетъ въ непрерывной дѣятельности. Эта дѣятельность обнаруживается только проявленіемъ всей полноты индивидуальной идеи въ формахъ; времени и пространствѣ, и рядомъ метаморфозъ достигаетъ до того, что каждое новое развитіе приближается къ своей цѣли. Непрерывная дѣятельность предполагаетъ уничтоженіе прошедшаго; но идеальное развитіе хотя дѣйствуетъ во времени, однако по сущности своей остается постоянно идеальнымъ: поэтому уничтоженіе исключительно свойственно только тѣлесной сторонѣ организма и проявляется феноменомъ исчезанія и перемѣны субстанции. Органическая идея образуется идеально и ею же образуется матерія до возможнаго, въ первообразѣ, предначертаннаго разнообразія. Какъ скоро идея предуготовляетъ новую взаимную дѣятельность организма съ природой, являются новые органы; вещество, получаемое организмомъ извнѣ для извѣстныхъ цѣлей, вступая въ соотношеніе съ индивидуальной жизнію, ли-

шается всѣхъ свойствъ внѣшняго міра и приводится въ однородность яичной жидкости, бывшей основаніемъ организма. Такимъ образомъ каждое мгновеніе повторяется основной феноменъ, — переходъ простаго въ много-различное, — и проч.» (*)

§ 148.

РАЗСМОТРѢНІЕ СЕГО УЧЕНІЯ.

Изъ приведенныхъ здѣсь словъ всякій можетъ видѣть, что въ немъ именно утверждается та мысль, что душа или идея сама образуетъ свой организмъ. Эта мысль есть господствующая и во всей психологіи Кленке. Но предположеніе, будто идея или душа сама образуетъ свое тѣло, заключаетъ въ себѣ тысячи несообразностей и не можетъ быть допущено положительною наукою.

Во 1-хъ, оно не можетъ доказано, какъ фактъ, какъ дѣйствительное явленіе, а останется всегда въ области гипотезъ. Какая есть возможность слѣдить за дѣйствіями идей или психей съ первоначальнаго развитія зародыша, когда образъ этого самаго развитія, самый способъ зародыша, его метаморфозы и пр. суть явленія столь трудныя для наблюденія, что ихъ нельзя вполнѣ ни понять, ни объяснить. Въ этомъ согласны всѣ физиологи. Если къ предположенію объ образующей идеѣ приводить то явленіе, что зародышъ развивается удивительно премудро, что всѣ метаморфозы образованія организма совершаются съ удивительною намѣренностію, цѣлесообразностію, то не должно забывать, что и всѣ другія яв-

---

(*) См. § 5 Органической Психологіи Кленке.

ленія внѣшней природы, даже самыя механическія, совершаются съ такою же премудростію, также разчитанно, какъ и образованіе младенца въ утробѣ матери. Напротивъ того, всѣ фізіологическія изысканія на счетъ этого послѣдняго предмета убѣждаютъ насъ, что организмъ человѣка образуется въ утробѣ матери по тѣмъ же точно законамъ, какъ растеніе изъ сѣмени. Кажется, что въ зародышѣ положена заранѣе форма всего будущаго организма, или то, что еще Аристотель называлъ энтелехією, и сѣмя мужа оплодотворяетъ, т. е., даетъ ей образовательный толчекъ, точно также какъ въ зернѣ растенія находится вся форма будущаго растенія, которая начинаетъ оживать, когда влага земли приведетъ ее въ броженіе. Въ этомъ мнѣніи утверждаютъ насъ свидѣтельства многихъ свѣдущихъ фізіологовъ. Вотъ слова Валентина: »Самодѣятельность органическихъ тѣлъ часто приводитъ къ предположенію, что матерією тѣла управляетъ особенная жизненная сила, которая производитъ дѣйствія, ей одной свойственныя, отличныя отъ дѣйствій неорганической природы и только чрезъ это обуславливаетъ жизненныя отправления . . . . . Но предположеніе объ этой жизненной силѣ не только не объясняетъ многихъ еще неизвѣстныхъ условій, а напротивъ ведетъ къ заключеніямъ, которыя противорѣчатъ точнѣйшимъ фізіологическимъ опытамъ. Оно воздвигаетъ несуществующую въ природѣ преграду между физико-химическими явленіями мертвой и живой природы. Правда, предположеніе это при первомъ взглядѣ увлекаетъ тѣмъ, что приписываетъ особенное, высшее вліяніе жизненнымъ процессамъ; но болѣе точное и безпристрастное изслѣдованіе показываетъ, что оно только затемняетъ по-

нятіе о болѣе чудномъ условіи: какииъ образомъ натура производитъ въ живомъ твореніи столь особенныя и многоразличныя дѣйствія посредствомъ дивно устроенной организаціи, пользуясь лишь однѣми общими силами:»

»Если разсудить, что жизненныя явленія суть слѣдствія безконечно мудраго органическаго плана, то всякія затрудненія исчезнутъ: мы можемъ представить себѣ, что въ зародышѣ заключены условія, посредствомъ которыхъ возникаютъ изъ усвоенныхъ пищевыхъ веществъ, новыя образованія, соотвѣтствующія общей пѣли. Такимъ образомъ возникаютъ, напр., клѣточки и пузырьки, качествомъ своимъ дѣйствующіе на существующіе уже элементы и опредѣляющіе превращеніе послѣдующей пищи.» (*)

Изъ сихъ словъ, а также изъ всѣхъ опытовъ и наблюденій тѣхъ фізіологовъ, которые не считаютъ нужнымъ прибѣгать къ гипотезамъ, можно заключить, что, при образованіи тѣла человѣческаго, также какъ и растений, господствуютъ одни физическіе, химическіе и органическіе законы. Большая часть фізіологовъ именно склоняются болѣе на то предположеніе, что зародышъ организма образуется по однимъ органическимъ законамъ; но едва ли кто либо изъ опытныхъ фізіологовъ согласится съ тѣмъ, чтобъ сама душа образовала его сознательно.

Во 2-хъ, изъ этого предположенія слѣдуетъ, что душа человѣка до своего дѣйствительнаго развитія, т. е. еще до того времени, когда она получитъ способность имѣть представленія, сознание мысли и пр., дѣйствуетъ

(*) Смotr. Фізіол. Валентина, стр. 4-ая.

разумно, сознательно и даже гораздо лучше и быстрее, чѣмъ въ послѣдствіи: ибо согласитесь, что образованіе для себя такой прекрасный организмъ есть дѣло болѣе важное и трудное, чѣмъ всѣ послѣдующія дѣйствія души. Если душа устроила глаза, потому что она предвидѣла, что въ мірѣ есть свѣтъ, который ей нужно воспринимать; если она устроила уши, потому что знала напередъ, что они будутъ нужны для воспріятія волненій воздуха и пр.: то душа была гораздо умнѣе до того времени, пока начала на самомъ дѣлѣ мыслить и дѣйствовать. Но какимъ образомъ происходитъ, что она, будучи столь разумною и проицательною въ утробѣ матери, теряетъ всѣ сіи свойства по рожденіи на свѣтъ младенца и снова должна учиться всему? Какимъ образомъ душа наша, насколько не сознаетъ этой образовательной своей дѣятельности? Для устраненія этихъ вопросовъ Г. Кленке предлагаетъ гипотезу о бессознательномъ мышленіи. Въдуншѣ, по его мнѣнію, два мышленія, сознательное и бессознательное и, при помощи сего послѣдняго, она образуетъ свой организмъ. Но что это за бессознательное мышленіе? Пусть всякій безпристрастный читатель подумаетъ: возможно ли бессознательное мышленіе? Мышленіе есть сознаніе, и сознаніе есть мышленіе; иного мышленія нѣтъ и быть не можетъ. Сказать, что есть бессознательное мышленіе — все равно, что доказывать, что есть неощущаемое ощущение, или неподвижное движеніе. Видь, послѣ этого, можно утверждать, что стулья, на которыхъ мы сидимъ, вмѣютъ ощущение и мышленіе только бессознательныя.

Наконецъ, въ 3-хъ, нельзя здѣсь не упомянуть еще объ одной несообразности. Если дѣйствительно сама ду-

ша намѣренно и разумно образуетъ свой организмъ, то отъ чего организмы многихъ людей очень часто выходятъ столь несовершенные, болѣзненные, съ большими недостатками въ членахъ и орудіяхъ? Еще болѣе, отъ чего вмѣсто обыкновенныхъ организмовъ выходятъ иногда уроды, непохожіе на человѣка? Странно было бы думать, что ихъ произвела сама душа: ибо за чѣмъ ей вредить самой себѣ; и вообще здѣсь никакой отвѣтъ не можетъ быть удовлетворителенъ: ибо представляется, что идея, или душа, есть зодчій, а зародышъ — матеріалъ, изъ котораго онъ творитъ по своему соображенію. Если вы скажете, что какія либо ненормальныя состоянія самаго матеріала, т. е. зародыша, изъ котораго идея или душа творитъ организмъ, производятъ ненормальные организмы, то тѣмъ самымъ допустите, что образованіе организма подчинено силамъ и законамъ физическимъ, и слѣд. не зависитъ отъ души.

§ 149.

ОБЪ ОСНОВАНІИ ТАКОГО УЧЕНІЯ.

Съ точки зрѣнія той философской системы, начала которой проникаютъ психологію Кленке, разсматриваемое нами мнѣніе имѣетъ свои, по видимому, достаточныя основанія. Эта система не находитъ существеннаго различія между душою и организмомъ, но считаетъ ихъ за единую сущность. »Организмъ, по ея мнѣнію, есть проявленіе, выраженіе идеи, или души, — или же идея, пришедшая въ реальность, — индивидуальное проявленіе всеобщей жизненной силы міра. Организмъ въ своемъ проявленіи, какъ цѣлое, подлежащее чувствамъ, есть

органическое тѣло, въ сущности же, какъ цѣлое идеальное, — есть органическая идея или душа.» (*) — »Идея и матерія взаимно условливаютъ другъ друга; идеальное цѣлое въ вещественности становится реальнымъ, потому причина обоихъ должна быть одна и таже; но объ, пришедши въ реальность, въ ихъ существенномъ соединеніи, представляютъ организмъ, органическое единство, дѣленіе котораго на тѣлесную и идеальную стороны есть произволь науки.« Эта послѣдняя тирада не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ этой системѣ не допускается генетическаго (существеннаго) различія между идеею (душею) и организмомъ: онѣ суть нѣчто единое, какъ двѣ стороны одной и той же сущности. Но кромѣ того, внимательное соображеніе всей книги Кленке окончательно убѣждаетъ, что душа и тѣло, по его мнѣнію, не суть различныя сущности, а душа есть особое проявленіе, частный видъ идеальной жизни вселенной, которое приходитъ въ индивидуальное и сознательное состояніе въ организмѣ. Наприм., возьмите слѣд. слова: »наука не вдругъ могла синтетическимъ способомъ умозерцанія постигнуть недѣлимое цѣлое, но сначала разсудокъ ищетъ различій и дѣленій, которыя впрочемъ не могутъ заключаться въ самомъ предметѣ, а основаны на субъективномъ его разумѣніи. И такъ наука интеллектуальнымъ способомъ раздѣлила цѣлое на тѣло и идею или душу и пр.« (**), слѣд., это раздѣленіе не основано на сущности предмета. Еще яснѣе выражено это въ другомъ мѣстѣ (***) . »Такъ какъ душа человѣка есть та сѣ-

---

(*) Смотр. § 4.

(**) тамъ-же

(***) § 7.

ра высшего единства духа природы съ Божественнымъ дукомъ, которая выражается индивидуальностію чело-вѣка» и относится къ индивидуальному явленію; то каж-дое органически выраженное направленіе, будучи про-явленіемъ душевнымъ, не можетъ оставаться въ той сфе-рѣ индивидуальности, которая относится къ духу вселен-ной и является сознательною индивидуальностію — пси-хею: «...»

Но подобное ученіе есть, очевидно, слѣдствіе пан-теистическаго направленія и нисколько не можетъ быть оправдано ни здравымъ разсудкомъ, ни опытомъ. Здѣсь не мѣсто опровергать пантеистическое ученіе во-обще; но разберемъ упомянутое мнѣніе съ той сторо-ны, съ какой оно касается нашего вопроса.

Во 1-хъ, мнѣніе это заключаетъ въ себѣ смѣшеніе различныхъ предметовъ и понятій. Не должно этому удивляться, потому что пантеизмъ въ томъ и состоитъ, что смѣшиваетъ всѣ субстанціи, считая ихъ видоизмѣне-ніемъ одной всеобщей субстанціи.

Безпристрастный разборъ физиологическихъ фактовъ приводитъ совершенно къ другимъ результатамъ. Изъ первой главы мы видѣли, что въ челоуѣкъ нельзя не до-пустить бытія какого-то существа, вовсе непохожаго на его организмъ, вещества нематеріальнаго, иначе нѣтъ возможности объяснить, какъ въ немъ происходятъ ощущенія. Да и самъ Г. Кленке приходитъ къ тѣмъ же результатамъ во всѣхъ случаяхъ, когда держится ближе фактовъ; но гдѣ только онъ увлекается желаніемъ подчи-нить ихъ пантеистической системѣ, тамъ онъ тотчасъ впадаетъ въ темноту, и слова его заключаютъ явное про-тиворѣчіе. Возьмемъ хоть приведенную выше тираду.

Трудно понять, что такое значить выражение: «идеальное цѣлое въ вещественности становится реальнымъ, поэтому причина должна быть одна и таже?» Но когда далѣе читаемъ: обѣ (т. е. идея и матерія), приведши въ реальность» и пр., то возникаетъ вопросъ: что такое матерія, пришедшая въ реальность? И неужели есть еще матерія, непришедшая въ реальность? Слово «матерія» до сихъ поръ означаетъ нѣчто реальное, вещественное, да и теперь ничего болѣе означать не можетъ. Посему выражение «идеальная матерія» заключаетъ противорѣчіе въ терминахъ. Или возьмемъ слѣд. выражение: «идея вещественности становится реальнымъ:» слѣд., она прежде не имѣла реальности, т. е. бытія, ибо реальность идей заключается не въ ея вещественности, а въ ея идеальномъ бытіи?

Чтобы удостовѣриться въ томъ, что всякая ложная система, при ближайшемъ разсмотрѣніи, сама себя изобличаетъ своею запутанностію и внутренними противорѣчіями, возьмемъ еще слѣд. мѣсто: «Сущность организма есть жизненная идея его бытія, т. е. идея, стремящаяся по законамъ природы сдѣлаться явленіемъ, т. е. принять вещественную форму. Вещественность происходитъ такимъ образомъ, что частная идея иногда становится моментомъ природы, т. е. въ развитіи своемъ, по законамъ времени и пространства, пребываетъ преимвственно и во взаимномъ условіи съ внутреннею полнотою жизни, покоящеюся въ идеальномъ первообразѣ; пребываніе частной жизни есть воплощеніе, т. е. проявленіе идеи, въ образовавшемся тѣлѣ» (*). Чѣмъ ближе вникаемъ въ

(*) § 4.

эти запутанные фразы, тѣмъ яснѣе открываются ихъ взаимное несходство, ихъ противорѣчія. Что разумѣется подъ именемъ идеи, стремящейся по законамъ природы сдѣлаться явленіемъ? Если это идея творческая, идея, которую имѣлъ Самъ Богъ отъ вѣчности и осуществилъ въ свое время: то объ ней нельзя сказать, что она стремится къ осуществленію *по законамъ природы*, ибо творческая идея не подчинена законамъ природы, а сама творить ихъ. Если-же это не такъ, то какимъ образомъ она имѣетъ бытіе? Личность ли это, или же свойство особой субстанціи? Словомъ, это представленіе какой-то идеи есть олицетвореніе собственной мысли автора; въ немъ ученый Психологъ представленію собственнаго ума приписалъ самостоятельное бытіе и заставилъ его играть слишкомъ значительную роль. Далѣе различается еще какая-то частная идея жизни, которая «воплощается въ организмъ, проявляетъ себя во времени и пространствѣ и находится во взаимномъ условіи съ внутреннею полною жизни первообраза». Потому-то это: «пребываніе частной идеи, сдѣлавшейся моментомъ жизни (??), есть воплощеніе, т. е. идеи въ образовавшемся тѣлѣ.» — Все это, повторяемъ, было-бы понятно тогда, когда-бы мы знали, что за идея, которая творить всѣ эти чудеса и какое мы имѣемъ право олицетворять эту идею, т. е. приписывать ей волю, разумъ, личную дѣятельность и пр.

Во 2-хъ, мы указали уже на странную гипотезу о бессознательномъ мышленіи, но въ разсматриваемой нами системѣ есть еще нѣчто болѣе странное; это мнѣніе—будто человѣческій организмъ есть повтореніе солнечной системы, есть жизнь космическая въ индивидуальномъ

видѣ; а потому солнце и планеты повторены въ человѣкѣ, жизненныя же напряженія, являющіяся между центромъ и периферіею солнечной системы, феномены движенія, свѣта, тяжести, химизма, электричества, гальванизма въ организмѣ повторяются, по общимъ законамъ, подъ видомъ жизненныхъ дѣйствій. Солнечный принципъ организма въ конкретной своей формѣ представляется въ человѣкѣ нервной системою, а планеты повторены въ видѣ внѣшнихъ чувствъ (*).

Такія мысли съ перваго разу кажутся заманчивыми: ибо онѣ какъ будто расширяють горизонтъ умственнаго зрѣнія, но онѣ не могутъ выдержать критики холоднаго разсудка. Сравненіе организма съ солнечною системою есть не болѣе какъ сравненіе и дальнѣйшаго значенія имѣть не можетъ. Сверхъ того, оно заключаетъ въ себѣ явныя противорѣчія съ прежними положеніями самой Психологіи, нами разсматриваемой. Давно доказано, и никакой здравомыслящей умъ не отрицаетъ, что вся солнечная система, всѣ эти феномены свѣта, электричества, магнетизма и пр. суть мертвыя, механическія явленія матеріи, основанныя на строжайшихъ законахъ математики: слѣд., если они повторяются въ организмѣ, то значить, что и весь организмъ управляется одними механическими законами, а не есть проявленіе какой-то разумной идеи. Но согласимся на минуту съ мнѣніемъ автора и повѣримъ, что нервная система въ человѣкѣ есть солнце, что наружныя органы его суть планеты и пр.; что же собственно выйdetъ изъ этихъ положеній? Какая сторона жизни ими объяснится? Лучше ли я пойму назначеніе и дѣятельность нервной системы, сказавши,

---

(*) Смотри. § 13.

что она есть солнце? Лучше ли пойму и устройство органовъ, усвоивши имъ роль планетъ? Едва ли! Кажется, что подобныя сравненія скорѣ могутъ привести къ ложнымъ умозаключеніямъ, нежели къ истиннымъ понятіямъ.

Въ 3-хъ. Идея, душа и психея представляются какъ три различныя состоянія одной и той же субстанціи; это суть три названія той жизненной силы, которая творитъ организмъ. Между тѣмъ, при употребленіи этихъ словъ, встрѣчаются разныя запутанности и противорѣчія. Напримѣръ, «она, т. е., психея, какъ не подлежащій чувствамъ составъ всѣхъ представленій (слѣд. психея есть составъ представленій??), обладаетъ тѣлеснымъ организмомъ только въ его напряженіи, равно какъ и на мозгъ дѣйствуетъ идеальнымъ только образомъ (??). Но не должно здѣсь смѣшивать психею съ душою. Душа, какъ основная идея индивидуальной жизни, временно проявляющаяся посредствомъ организма, живетъ во всемъ составѣ организма, который есть ничто иное, какъ самая душа, сдѣлавшаяся тѣлесною; она, какъ частное явленіе высшаго разумнаго бытія, мыслить безсознательно и всякое мышленіе въ организмѣ является дѣйствіемъ въ его гармоническомъ развитіи и сочлененіи.»

Но если психея и душа одна и та же субстанція, то она не можетъ такъ стройно раздѣляться, чтобъ одна часть ея сдѣлалась тѣлесною и мыслила въ организмѣ безсознательно, а другая, оставаясь только въ мозгу, мыслила столь сознательно. Очевидно, что здѣсь или совершенно отвергается различіе организма отъ духовной субстанціи человѣка, что ясно, впрочемъ, и изъ другихъ мѣстъ системы Кленке, или же подъ именемъ души надобно понимать не то, что подъ именемъ психеи.

Въ 4-хъ. Наконецъ послѣдняя несообразность разсматриваемой системы съ опытными наблюденіями та, что раздраженія внѣшнихъ органовъ или тѣ впечатлѣнія, какія органы сообщаютъ чрезъ нервы мозгу, смѣшиваются съ самыми ощущеніями. Опытная физиологія несомнѣнно доказала, что внѣ мозга, мимо впечатлѣній органовъ, нѣтъ ощущеній; что органы не сами собою ощущаютъ впечатлѣнія, а передаютъ ихъ нервному центру. Между тѣмъ, по системѣ Кденке, всѣ органическія сферы обладаютъ способностію ощущеній; всѣ онѣ, безъ помощи нервовъ, сами по себѣ могутъ ощущать. Этого еще мало, органическія сферы не только ощущаютъ, но мыслятъ; или, лучше, душа въ нихъ мыслить, хотя безсознательно, тѣмъ не менѣе разумно.

По всѣмъ симъ соображеніямъ трудно допустить, чтобъ душа сама образовала для себя тѣло: мы этого не сознаемъ, не можемъ понять и объяснить. Напротивъ того, образованіе нашего организма вовсе не зависитъ отъ производа души; организмъ образуется самъ, по своимъ органическимъ законамъ, изслѣдованіемъ которыхъ занимается опытная физиологія. Это, впрочемъ, не значитъ, чтобъ не было никакой зависимости и вліянія между развитіемъ организма и развитіемъ души. Оно необходимо есть, но, какъ увидимъ далѣе, въ иномъ видѣ.

§ 150.

Отъ чего произошли такія странныя мнѣнія?

Одна изъ главныхъ причинъ, которыя служатъ основаніями заблужденій, представленныхъ въ предыдущемъ параграфѣ, есть привычка многихъ ученыхъ

олицетворять умственные представленія законовъ природы, т. е. говорить о нихъ, какъ о личныхъ существахъ, дѣйствующихъ самостоятельно и намѣренно.

Таково, напримѣръ, олицетвореніе психеи, или души, которая творитъ организмъ человѣка. Душа человѣчская, безъ сомнѣнія, есть существо личное; но Г. Кленке говоритъ не о той душѣ, которая живетъ и дѣйствуетъ во взросломъ человѣкѣ: ибо эта душа, какъ очевидно, развивается постепенно и сама не можетъ творить своего организма. Очевидно, что идея, которая у Кленке творитъ организмъ, есть олицетвореніе того закона, по которому развивается организмъ въ утробѣ матери. Очевидно, говорю, что здѣсь авторъ олицетворилъ свое отвлеченное представленіе объ общей жизни природы и одарилъ это представленіе волею и разумомъ, далъ ему роль какого-то таинственнаго дѣятеля.

Такіе примѣры олицетворенія встрѣчаются у него на каждомъ шагу. Самые механическіе законы природы, самые простые феномены являются у него олицетворенными дѣятелями. Представимъ въ доказательство описаніе дѣйствія пищеваренія. Оно описано такъ (*): »противоположность между недѣлимьмъ и внѣшнимъ міромъ состоитъ во взаимномъ другъ на друга дѣйствіи и въ томъ самомъ моментѣ, въ которомъ они, сиюсь другъ друга уничтожить, проходятъ снова самостоятельное существованіе. Недѣлимое силится уничтожить внѣшній міръ, уподобляя его себѣ въ области своей жизни; внѣшній міръ уничтожаетъ недѣлимое, разрѣшая оное, приводя его обратно въ собственное, теллюрическое со-

---

(*) Смотр. § 73.

стояніе. Между тѣмъ недѣлимое постоянно устанавливаетъ внѣшній міръ, представляя себѣ оный и постоянно въ немъ отражаясь. Пищевареніе есть такая сфера индивидуальнаго организма, посредствомъ которой недѣлимое дѣйствіе на внѣшній міръ отрицательно. Но это отрицаніе происходитъ здѣсь въ самой матеріальной и какъ бы нисшей формѣ; поелику внѣшній міръ, какъ скоро вступаетъ въ непосредственное сношеніе съ сферою пищеваренія, теряетъ совершенно матеріальныя свойства и качества и, сдѣлавшись, такъ сказать, абстрактномъ матеріаломъ, приводится въ химическій сокъ, который послѣ подвергается вліянію индивидуальной жизни. И такъ организмъ уничтожаетъ свойства внѣшняго міра. Этимъ выражается преобладаніе индивидуальнаго надъ общимъ, и въ этомъ состоитъ признакъ самосохраненія, эгоизма въ организмѣ. — Организмъ желаетъ существовать какъ бы одинъ и усвоить себѣ, сдѣлать собственнымъ тѣломъ все, что можетъ служить его существованію.»

Очевидно, что въ этомъ описаніи простой и удобно изъясняемый въ физиологіи процессъ пищеваренія представленъ въ олицетворенномъ видѣ: химическое дѣйствіе разложенія принятой внутрь пищи называется усиленіемъ индивидуальной жизни уничтожить внѣшній міръ; представлена какая-то борьба между внѣшнимъ міромъ и индивидуальною жизнью, въ которой побѣда остается на сторонѣ послѣдней. Но подобное олицетвореніе органическихъ законовъ едва ли проливаетъ новый свѣтъ на что-либо. Говоря проще, желудокъ дѣйствуетъ по простымъ физическимъ и химическимъ законамъ безсознательно, а потому не должно представлять его дѣйствіе какимъ-то сознательнымъ и намѣреннымъ.

Это стремленіе все объяснять олицетвореніемъ производить то, что явленія простыя, не требующія большихъ соображеній и очень легко объясняемыя физиологіею, представлены въ какомъ-то таинственномъ видѣ. Напр., ничего нѣтъ проще, какъ объясненіе дѣйствій глаза, которое и было представлено нами въ первой главѣ. Но послушаемъ Г. Кленке (*): »Въ глазѣ заключается идея усвоенія и участія къ напряженію, дѣйствующему во внѣшнемъ мірѣ экцентрически, которое мы называемъ свѣтомъ; другими словами: индивидуальная жизненная идея посредствомъ глаза стремится войти въ соотношеніе съ дѣйствіями свѣта. Внѣшній міръ дѣйствуетъ на глазъ своимъ свѣтлымъ напряженіемъ и измѣняетъ органическую сферу; нервъ принимаетъ участіе въ этомъ измѣненномъ состояніи глаза и въ тоже время свою черепномозговую, покрывочную массу приводитъ въ такое состояніе, что жизненная идея чувствуетъ это измѣненіе подъ видомъ свѣта и пр.«

Пусть безпристрастный читатель хладнокровно разберетъ всѣ выраженія приведенной тирады, и онъ увѣрится, какъ все въ нихъ основано на игрѣ словъ и все запутано. »Внѣшній міръ дѣйствуетъ на глазъ свѣтлымъ напряженіемъ и жизненная идея чувствуетъ свѣтъ.« Понятнѣ ли это тѣхъ простыхъ объясненій зрѣнія, которыя предлагаетъ опытная физика? Или возьмемъ, напр., это объясненіе слуха (**): »Какъ скоро тѣла внѣшнимъ вліяніемъ побуждены къ внутреннему движенію и въ слѣдствіе этого обнаруживаютъ стремленіе свое къ раз-

---

(*) § 35.

(**) § 35.

рѣшенію, т. е. свое дифферетивное пребываніе привести снова въ первобытное эфирное существованіе: то въ такомъ случаѣ происходитъ замѣчательный феноменъ, называемый внутреннимъ качаніемъ, дрожаніемъ или волненіемъ вещественнаго разрѣшенія и сгущенія. . . . тогда происходитъ то, что мы называемъ звукомъ. Посредствомъ звука человѣкъ вступаетъ въ ближайшее соотношеніе съ вещественнымъ міромъ: ибо звучаніе тѣлъ есть стремленіе ихъ разрѣшиться, проявить основную свою сущность. Поэтому въ звукѣ болѣе всего проявляется основная сущность тѣла и пр., и пр.»

Это описаніе не легко понять; но, сверхъ того, оно заключаетъ въ себѣ существенныя невѣрности: ибо говорится, что звукъ есть проявленіе существенныхъ свойствъ матеріи. Это несправедливо: ибо звукъ не проявляетъ никакого почти свойства тѣла; оно есть особое, случайное его состояніе, именно дрожаніе. Душа очень мало узнаетъ посредствомъ слуха. Можно сказать, что ухо самый бѣдный органъ по отношенію къ познанію, а между тѣмъ говорится, что посредствомъ слуха мы узнаемъ самую сущность матеріи. Я уже не говорю, что такое значить: »стремленіе тѣлъ къ разрѣшенію;« или — »свое дифферетивное пребываніе привести въ первобытное эфирное состояніе?«

Хотите ли узнать, что такое свѣтъ? (*) »жизненное напряженіе вселенной, которое обнаруживаетъ дѣйствія, исходящія отъ извѣстныхъ космическихъ, центральныхъ, жизненныхъ пунктовъ и которое возбуждаетъ противудѣйствіе во всѣхъ тѣлахъ подлежащихъ его влія-

---

(*) § 35.

нію, въ слѣдствіе чего они сами становятся подчиненными центрами и пр. « Въ другомъ мѣстѣ свѣтъ — называется »жизненнымъ пульсомъ міра.«

Но подобный способъ міросозерцанія, подобное стремленіе олицетворять законы и явленія природы, а также и собственные умпредставленія, какъ кажется, есть болѣе младенческой образъ разсматриванія природы. Естественно, что люди въ младенческомъ возрастѣ, не постигая причинъ многихъ явленій, все считали одушевленнымъ, во всемъ видѣли дѣятелей разумныхъ, населили всю природу различными живыми силами; словомъ, олицетворили всѣ силы природы. Но чѣмъ болѣе умъ человѣческой усовершенствуется и мужаетъ, тѣмъ лучше онъ научается отдѣлять механическое отъ живаго и разумнаго и тѣмъ болѣе увѣряется, что вездѣ, гдѣ онъ подозрѣвалъ присутствіе живыхъ силъ, дѣйствуютъ механическіе законы. Ближайшее изученіе природы всегда показывало перевѣсъ механизма во вселивной. А потому, въ настоящее время, всѣ эти олицетворенія явленій можно считать за анахронизмъ. Никто не скажетъ, что свѣтъ есть какая либо жизненная сила природы, или что звучащее тѣло стремится къ какому-то разрѣшенію. Свѣтъ, звукъ, тяготѣніе, притяженіе, суть видоизмѣненія механическаго движенія частицъ матеріи; всѣ онѣ измѣренны и взвѣшены наукою. Словомъ, чѣмъ ближе мы будемъ изучать природу, тѣмъ сильнѣе станемъ увѣряться, что вся вселивная, разумѣется кромѣ живыхъ одушевленныхъ существъ, есть великій, но мудрый механизмъ (*).

(*) Многіе быть можетъ почтутъ излишними столь долгія разсужденія и

§ 151.

Сущность отношенія души и организма.

Сущность отношенія между душою и организмомъ состоитъ въ томъ, что душа и тѣло существуютъ не только совмѣстно, но и во взаимномъ условіи. Развитіе, совершенствованіе и вообще вся жизнь души и тѣла идутъ не только паралельно, но и при непрерывномъ взаимномъ вліяніи другъ на друга, и столь тѣсно, что онѣ обѣ составляютъ не два, а одно существо — человѣка. Всѣ, по крайней мѣрѣ, болѣе важнѣйшія явленія тѣла отражаются въ душѣ, имѣютъ вліяніе на ея состоянія, расположенія, представленія и вообще на всю ея жизнь, и наоборотъ, сіи послѣднія отражаются въ организмѣ, производя въ немъ часто особыя состоянія. Поэтому, не смѣшивая организма съ душою, не считая послѣднюю за сущность перваго, а первый — за проявленіе души, надобно только, сообразно здравому опыту и наблюденіямъ, показать, какія явленія душевныя зависятъ отъ органическихъ вліяній и какія душа, въ свою очередь, перемѣны и состоянія производитъ въ тѣлѣ.

опроверженія; во они имѣютъ близкое отношеніе къ разсматриваемому нами вопросу. Отдавая полную справедливость глубокимъ соображеніямъ упомянутыхъ выше ученыхъ, мы хотѣли только показать здѣсь, какъ трудно опытные наблюденія подчинить началамъ той философской теоріи, которая чужда всякому опыту. Исключая это обстоятельство, во всемъ прочемъ мы готовы первые отдать полную справедливость глубокой учености ихъ и первые воспользуемся приводимыми ими наблюденіями для объясненія различныхъ сторонъ душевной жизни.

§ 152.

О ПОСТЕПЕННОМЪ ОБРАЗОВАНИИ ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ СПОСОБНОСТЕЙ.

Наблюдая надъ развитіемъ способностей у дѣтей, мы приходимъ къ тому общему выводу, что организмъ, прежде всего, есть какъ бы орудіе, которое далъ Богъ душѣ для того, чтобъ посредствомъ него она могла приобрѣсть всѣ познанія. Тѣло наше, говорю, есть какъ бы наставникъ для души въ томъ смыслѣ, что душа всему научается посредствомъ своего организма. Подробный сводъ наблюденій надъ развитіемъ младенческой души, начиная съ первыхъ проблесковъ вниманія до полного проявленія всѣхъ способностей, вполнѣ доказалъ бы эту мысль, и, сверхъ того, былъ бы въ высшей степени полезенъ и важенъ въ многихъ другихъ отношеніяхъ. Онъ представилъ бы историческій сводъ происхожденія, порядка и развитія всѣхъ душевныхъ силъ и служилъ бы важнымъ пособіемъ для опытнаго психолога. Мы постараемся указать хотя нѣкоторыя черты изъ сихъ наблюденій.

Младенецъ раждается на свѣтъ, не имѣя и не обнаруживая никакихъ душевныхъ силъ и способностей, кромѣ развѣ механическаго движенія членовъ и нѣкоторыхъ внутреннихъ ощущеній голода, боли, холода и пр., безсознательныхъ, но обнаруживаемыхъ плачемъ. Нѣкоторый проблескъ души можно наблюдать въ немъ лишь спустя нѣсколько недѣль, а иногда и мѣсяцевъ по рожденіи. До того же времени дитя хотя и смотритъ глазами и, безъсомнѣнія, получаетъ впечатлѣнія отъ всѣхъ другихъ органовъ, а слѣд., въ душѣ его происходятъ

ощущенія свѣта, фигуры, звуковъ, запаховъ и пр; но оно не сознаетъ этихъ ощущеній, т. е. не понимаетъ, что эти ощущенія происходятъ именно въ немъ.

Первая способность, которую можно подмѣтить въ дѣтяхъ, есть именно вниманіе; а оно въ нихъ первоначально пробуждается большею частію отъ ощущеній звуковъ. Если няня, желая усыпить дитя, начинаетъ пѣть колыбельную пѣснь: то, чрезъ нѣсколько времени, дитя перестаетъ плакать и очевидно начинаетъ прислушиваться къ голосу, т. е., начинаетъ сознавать въ себѣ какія то ощущенія, слѣд., останавливать на нихъ вниманіе; но это вниманіе, это сознаніе звуковъ, долго еще бываетъ въ немъ довольно неопредѣленно, т. е. дитя долго еще не понимаетъ того, что причина этихъ ощущеній находится внѣ его, и уже въ послѣдствіи оно начинаетъ догадываться, что звуки исходятъ отъ посторонняго предмета.

Тоже бываетъ съ ощущеніемъ зрѣнія. Въ люлькѣ, надъ глазами ребенка часто вѣшаютъ какую нибудь игрушку. Дитя долгое время смотритъ на нее довольно безразлично; потомъ начинаетъ останавливать на ней глаза, но долѣе; слѣд., начинаетъ замѣчать то ощущеніе, которое рождается въ немъ отъ игрушки; но оно долго еще не понимаетъ, что эта игрушка есть предметъ, внѣ его находящійся; ему кажется, что она находится въ его глазахъ. Наконецъ, когда впечатлѣніе игрушки отъ частаго повторенія стало ему знакомо и дитя приучилось къ этому ощущенію — и, въ особенности, когда оно научилось владѣть руками: то мы можемъ замѣтить, какъ оно обнаруживаетъ намѣреніе схватить игрушку. Тутъ то можно наблюдать, какъ оно ошибается въ разстояніи

игрушки отъ себя. Дитя начинаетъ хватать ее тутъ же у самыхъ глазъ, и когда нѣсколько разъ повторившися неудачи показываютъ ему, что игрушка находится дальше: то оно научается понимать разстояніе вещей отъ себя и начинаетъ догадываться о бытіи внѣшнихъ предметовъ. Слѣд., первая способность, которая возбуждается въ душѣ человѣка, есть вниманіе и проявляется вслѣдствіе впечатлѣній предметовъ на чувства.

Въ послѣдствіи, дитя мало по малу начинаетъ сравнивать свои ощущенія, отличать одни лица и вещи отъ другихъ лицъ и вещей. Разумѣется, что оно прежде всего замѣчаетъ свою няньку, мать и тѣ вещи, которыя ближе къ нему. Вниманіе его привлекають сначала такіе предметы, которые производятъ на чувства болѣе сильныя впечатлѣнія. Яркій блескъ зажженной свѣчи, или огонь въ каминѣ, сильно возбуждаютъ его чувства, такъ что оно не можетъ сначала оторвать отъ нихъ глазъ. Но чтобы понять душевный процессъ, по которому дитя производитъ сравненіе своихъ ощущеній, представимъ слѣд. соображеніе. Дитя очень скоро привыкаетъ къ своей нянкѣ и отличаетъ ее отъ всѣхъ другихъ лицъ. Но по какимъ качествамъ и по какимъ впечатлѣніямъ оно узнаетъ и отличаетъ ее? Безъ сомнѣнія, по признакамъ ея наружнымъ, ярко бросившимся въ глаза, каковы: цвѣтъ платья, голосъ и пр.; но пусть нянька переодѣнется и подойдетъ къ ребенку: послѣдній начнетъ ее дичиться, начнетъ плакать и ни за что не пойдетъ къ ней на руки. Если нянька заговорить съ нимъ въ этомъ видѣ шумимъ голосомъ: дитя еще пуще начнетъ плакать и дичиться. Когда же нянька станетъ ласкать его своимъ обыкновеннымъ голосомъ: дитя успокоится, хоть все таки

будеть глядѣть на нее недовѣрчиво. Совершенно же оно успокоится лишь тогда, когда нянька надѣнетъ прежнее свое платье. Эти и подобныя примѣры ясно показываютъ, что дитя начинаетъ уже сравнивать свои ощущенія дѣлать сужденія и умозаключенія, хотя безъ словъ, но тѣмъ не менѣе правильно: слѣд. въ немъ уже появились зачатки мышленія и всѣхъ почти будущихъ способностей. Параллельно съ сими умственными способностями, и даже ранѣе ихъ, въ дѣтяхъ проявляются способности желательныя, зародышъ коихъ заключается въ ихъ душѣ съ самой минуты рожденія.

Дитя, какъ мы сказали еще прежде, имѣетъ при самомъ рожденіи только одну способность и силу двигать своими членами. Эту способность оно, впрочемъ, получаетъ еще въ утробѣ матерней: ибо мать на половинѣ своей беременности чувствуетъ движенія членовъ образующагося младенца. Но движенія младенца до рожденія и въ первые дни по рожденіи бываютъ болѣе механическія, безсознательныя. Дитя въ первые дни по рожденіи не умѣетъ даже сосать груди матерней и выучивается этому лишь послѣ того, какъ мать нѣсколько разъ вложить ему въ ротъ свою грудь и налить молока. Точно также оно не умѣетъ по рожденіи правильно владѣть своими руками и ногами и только, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, научается понимать назначеніе рукъ, а также научается обращать глаза въ ту сторону, откуда слышитъ звуки, чего не умѣло сдѣлать прежде. Замѣчательно, что дитя довольно долго по рожденіи не сознаетъ своихъ членовъ, т. е. не понимаетъ, что его ручки и ножки принадлежатъ ему: случается, что оно, при прорѣзываніи зубовъ, кусаетъ свои собственные пальцы и начинаетъ плакать, и это не одинъ разъ.

Такъ развивается душа ребенка, при помощи даннаго ему отъ Бога чуднаго организма ! Оно мало по малу начинаетъ знакомиться съ окружающими его вещами, ихъ употребленіемъ; оно начинаетъ обогащаться разнообразными свѣденіями, а когда дитя начинаетъ уже лепетать, то невольно обнаруживаетъ свое любопытство, спрашивая обо всемъ, что ни встрѣчается ему новаго. Тутъ-то легко можно предугадывать объ его природныхъ дарованіяхъ: ибо чѣмъ дитя любопытнѣе, тѣмъ оно пристальнѣе обращаетъ вниманіе на всѣ встрѣчающіеся предметы, — тѣмъ, значитъ, оно лучшія имѣетъ способности.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

ОБЪ ОТНОШЕНІИ НЕРВНОЙ И ДРУГИХЪ СИСТЕМЪ КЪ ДУШЕВНОЙ ЖИЗНИ.

---

§ 153.

СОДЕРЖАНІЕ ГЛАВЫ И РАЗДѢЛЕНІЕ.

Изложивъ въ предыдущей главѣ сущность отношенія между душою и тѣломъ вообще, приступимъ теперь къ изслѣдованію отношенія къ душѣ отдѣльныхъ органическихъ системъ. Но прежде всего надобно замѣтить, что однѣ изъ органическихъ системъ имѣютъ отношеніе исключительно къ познавательнымъ способностямъ души и назначены къ тому, чтобы душа могла чрезъ нихъ мыслить, — такова нервная система и особенно черепной мозгъ, а другія системы имѣютъ вліяніе болѣе на пожелательныя или дѣятельныя способности, чѣмъ на познавательныя, и способствуютъ къ образованію такъ называемаго темперамента. Сообразно съ этимъ мы въ настоящей главѣ рассмотримъ нѣсколько подробнѣе: какимъ образомъ нервная система становится орудіемъ мышленія? а также, какое вліяніе имѣютъ на мышленіе и другія системы?

А. ОТНОШЕНИЕ КЪ ДУШѢ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ.

§ 154.

Сущность сего отношенія.

Въ первой главѣ мы уже описали центръ нервной системы и дѣйствія нервовъ чувствованія и движенія, но это описаніе было неполное: ибо оно было направлено къ извѣстной частной цѣли и въ немъ говорилось объ этомъ предметѣ на столько, сколько было нужно для достиженія этой цѣли. Теперь же мы должны опредѣлить подробнѣе: какое имѣетъ вліяніе на душевныя дѣйствія нервная система.

Чтобы ни говорили физиологи — теоретики, подобные Кленке, желающіе всѣ факты подчинить заранѣе составленной теоріи, но существенное назначеніе нервной системы есть то, чтобы впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ на органы перенести къ чувственному центру, гдѣ ихъ воспринимаетъ душа. Это есть фактъ, постоянно подтверждаемый опытною физиологіею, которая удостоверяетъ, что безъ нервовъ нѣтъ чувствованія, и человекъ чувствуетъ и сознаетъ только тѣ изъ тѣлесныхъ перемѣнъ и раздраженій, которыя нервы доносятъ до мозга. Предположеніе, что периферіи или внѣшніе органы способны сами ощущать безъ всякихъ нервовъ, и что душа даже мыслить въ нихъ, но только безсознательно, всегда останется странною гипотезою. Потому-то самъ Кленке, приводя слова естествоиспытателя Окена: »каждая часть тѣла имѣетъ раздражительность и чувствительность сама по себѣ, не заимствуя отъ нервовъ: ибо каждая часть есть ничто иное, какъ грубая первная оболочка

ка нервовъ, достигшихъ своего совершенства« — продолжаетъ далѣе: »однакожь, нѣтъ сомнѣнiя, что чувствованiе свойственно одной нервной массѣ, и все чувствующее получаетъ эту способность потому и въ той степени, въ какой оно представляетъ преобразование нервной массы. Поэтому всѣ формации или ткани имѣютъ различную степень чувствительности, смотря по степени преобразования основной ткани, а не по количеству нервовъ, къ нимъ приходящихъ.« (*) Слѣд., прибавимъ мы отъ себя, безъ нервовъ все таки нѣтъ и не можетъ быть чувствованiя.

§ 155.

Способъ дѣйствiя нервовъ.

Г-нъ Кленке способъ дѣйствiя нервовъ, т. е. какъ нервы переносятъ впечатлѣнiя отъ периферiи къ центру, объясняетъ слѣд. сравненiемъ: »Кто желаетъ получить вѣрное представленiе о первичныхъ нервныхъ волокнахъ и ихъ дѣйствiяхъ, пусть посмотритъ на гальванической телеграфъ, какъ ближайшiй аналогъ съ нервной дѣятельностию. Проволока гальваническаго телеграфа образуетъ замкнутую цѣпь съ двумя полюсами, представляющими между собою такое единство, что самое легкое измѣненiе въ одномъ полюсѣ дѣйствуетъ и въ другомъ полюсѣ, отстоящемъ отъ перваго на нѣсколько миль; но какъ только цѣпь будетъ прервана, то мгновенно полярность обоихъ полюсовъ теряется. Нервное волокно имѣетъ такую же форму: оно периферическимъ концемъ своимъ заворачи-

---

(*) См. § 12.

вается и, нигдѣ не прерываясь, возвращается въ центръ къ своему началу. Въ немъ вращается эфирное вещество, дѣятельность подобная гальванизму, и только отъ различія линіи, по которой происходитъ центрофугальное и центропетальное дѣйствіе, зависитъ чувствующая или двигающая дѣятельность замкнутой цѣпи нервныхъ волоконъ.»

»Этимъ вещественно замѣтнымъ способомъ центръ нервной системы воспринимаетъ впечатлѣнія изъ всѣхъ органическихъ сферъ и дѣйствуетъ на нихъ обратно.»

»Первоначальныя формы, какъ центральной, такъ и другихъ нервовъ, суть сферическія тѣла и цилиндрическія трубки. Первыя, извѣстныя подъ разными именами — нервныхъ шариковъ, нервныхъ пузырьковъ, или покрывочной массы, у Г. Валентина находятся повсюду при нервныхъ трубкахъ, или первичныхъ волокнахъ. Последнія, имѣющія видъ волоконъ, служатъ проводниками между этими шариками покрывочной массы и прочими частями организма; онѣ, какъ тонкія нити проходятъ ко всѣмъ оконечностямъ тѣла, потомъ заворачиваются и сходятся въ центръ съ своимъ началомъ. Итакъ въ черепномъ мозгѣ находится центральный пунктъ безчисленныхъ нитей, выходящихъ со всѣхъ органовъ, сближающихся въ спинномъ мозгу и доходящихъ до него. Въ немъ находится ихъ центръ и заворотъ, куда онѣ приходятъ и откуда выходятъ обратно.» (*)

Здѣсь, въ центральномъ органѣ, около этихъ безчисленныхъ заворотовъ нервныхъ нитей, собирается шаровидная масса, нервные пузырьки, отъ измѣненія коихъ

(*) § 20.

динамическаго, или матеріальнаго, зависитъ вся жизнь нервовъ, ихъ дѣйствіе, ихъ проводимость. Все, что нервы проводятъ отъ органовъ, всѣ впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ на органы производятъ перемѣну покрывочной массы, и чѣмъ чаще и свободнѣе происходятъ эти измѣненія, чѣмъ лучше они развиты, и чѣмъ большее число пузырьковъ находится въ соприкосновеніи съ нервами, тѣмъ лучше и чище бываютъ чувствованія души и ея противодѣйствія. При каждомъ новомъ впечатлѣніи и при каждомъ новомъ чувствованіи бываетъ новое состояніе пузырочной массы. При воспоминаніи прежде бывшихъ состояній и представленій, надобно, чтобы эта масса пришла въ прежнее состояніе. Притомъ же, фактъ замѣчательный, открытый въ новѣйшее время, что чѣмъ длиннѣйшій путь проходятъ нервныя нити сквозь эту покрывочную массу и чѣмъ изолированнѣе и короче путь волокна отъ периферіи къ центру—мозгу, тѣмъ сильнѣе бываетъ жизненная энергія. Это именно и происходитъ въ мозгу болѣе развитыхъ животныхъ; особенно у человѣка.

Не могу рѣшить на сколько согласятся опытные, свѣдущіе физиологи съ тѣмъ мнѣніемъ Кленке, что нервы чувствованія и движенія не суть двѣ отдѣльныя нити, а одна и таже нить, завороченная и замкнутая подобно цѣпи гальваническаго тока, и -- перенесеніе впечатлѣній отъ органовъ къ центру и противодѣйствій отъ центра къ периферіямъ суть ничто иное какъ гальваническій, животный токъ. Многіе опытные физиологи отвергають однородность гальанизма съ тѣмъ началомъ, который дѣйствуетъ въ нервахъ. Впрочемъ для познанія души почти все равно какъ-бы не рѣшился этотъ споръ. Для

психологіи достаточно и того, что положительно извѣстно въ этомъ отношеніи.

§ 156.

Что собственно значитъ безсознательное мышление?

Здѣсь мы должны обратить особенное вниманіе на одинъ физиологическій фактъ, приводимый самымъ Кленке и имѣющій интересъ въ томъ отношеніи, что онъ объясняетъ весьма просто то, что Кленке назвалъ безсознательнымъ мышленіемъ души. Мы сказали въ предъидущемъ параграфѣ, что чѣмъ нервная нить, долженствующая пронести впечатлѣніе изолированнѣе, короче, тѣмъ она лучше проводитъ это нервное начало или нервный токъ къ мозгу и, слѣд., тѣмъ отчетливѣе бываютъ чувствованія: таковы нервы отъ органовъ пяти чувствъ; но не всѣ нервы имѣютъ это преимущество. Послушаемъ лучше самого Кленке. »Всѣ гангліозные нервы, хотя вопреки прежнему мнѣнію ученыхъ, имѣютъ центральный заворотъ полюса въ черепномъ мозгѣ, однако же не идутъ непосредственно къ этой центральной точкѣ, но прежде встрѣчаютъ на пути особенныя части, гангліи, которыя состоятъ изъ такъ называемой центральной покрывочной массы и въ разныхъ мѣстахъ прилегаютъ къ первичнымъ волокнамъ нервовъ образовательной жизни. Цѣль ихъ состоитъ въ измѣненіи происходящаго здѣсь центрального, иннервационнаго дѣйствія. Но мы знаемъ, что нервный токъ, относится ли онъ къ чувствованію, или противодѣйствию, бываетъ тѣмъ чище, изолированнѣе и яснѣе, чѣмъ изолированнѣе и короче путь

волокна отъ периферіи къ центру: отсюда, чѣмъ отдѣльнѣе и далѣе проходитъ онъ въ покрывочной массѣ черепнаго мозга, тѣмъ скорѣе впечатлѣніе становится чувствованіемъ, а реакція возвышается въ дѣйствіе воли.

»Нервы образовательной, безсознательной жизни, т. е. пищеварительныя, кровеносныя, лимфатическія и пр. не имѣютъ этихъ преимуществъ; и потому впечатлѣнія, проводимыя ими въ черепной мозгъ, остаются темными ощущеніями, и только моменты сильнаго раздраженія достигаютъ сферы сознанія подъ видомъ предчувствія и желанія, темнаго ощущенія органическихъ состояній, безотчетнаго противодѣйствія. Эти моменты извѣстны подъ именемъ месмеризма, сомнамбулизма, рабдомантизма и пр.« (*)

Изъ всего этого можно видѣть, что не всѣ перемѣны нашего организма одинаково отражаются въ черепномъ мозгѣ, а потому не всѣ производятъ одинаково отчетливыя ощущенія. Въ организмѣ бываютъ и такія перемѣны, отъ которыхъ впечатлѣнія рѣдко доходятъ до мозга черепнаго, да и то въ видѣ темныхъ, безсознательныхъ ощущеній; — но эти самыя темныя ощущенія, или, лучше, тѣ самыя перемѣны организма, кои не отражаются въ душѣ и названы у Кленке безсознательнымъ мышленіемъ. Но мышленіе есть то, что душа сознала отчетливо; въ него входятъ, какъ основанія, лишь тѣ впечатлѣнія и перемѣны организма, которыя отчетливо отразились въ душѣ. Напротивъ того, тѣ изъ перемѣнъ и впечатлѣній, которыя въ душѣ не возбудили вниманія, которыя душа не внесла въ формы своего мышленія, ос-

---

(*) § 19.

таются чужды душѣ совершенно, также какъ и тѣ изъ явленій внѣшняго міра, кои не произвели впечатлѣнія на чувства, или если и произвели, но душа не обратила вниманія на нихъ. И такъ нѣтъ никакого основанія называть сіи органическія перемѣны безсознательнымъ мышленіемъ души: ибо душа ихъ не чувствуетъ, и не мыслить о нихъ. Самое выраженіе: »безсознательное мышленіе« заключаетъ въ себѣ противорѣчіе въ терминахъ.

§ 157.

Объ общемъ чувствованіи.

Содержаніе § 22 органической Психологіи Г. Кленке въ высшей степени глубокомысленно и важно по своимъ слѣдствіямъ. Сказавши, что пропорція нервныхъ нитей чрезвычайно многочисленна, что весь организмъ со всѣми своими частями сообщается безчисленными нитями съ черепнымъ мозгомъ, что, слѣд., по этимъ нервамъ идутъ безконечные иннервационные токи до мозга и отъ мозга, Кленке прибавляетъ: »Всѣ нервныя нити непрерывно проводятъ бесознательныя, или достигающія сознанія внѣшнія впечатлѣнія въ центральный органъ; всѣ нервныя волокна центрофугальной инервации непрерывно проводятъ сознательно, или безсознанія, произволь души, волю жизненной идеи ко всѣмъ областямъ индивидуальной жизни, и изъ этой внутренней дѣятельности, изъ этой среды всей идеальной и реальной жизни необходимо должно произойти общее состояніе индивидуума, которое въ физиологіи называется *общимъ чувствомъ*.«

Это общее чувство служит объясненіемъ, какимъ образомъ происшествія всѣхъ сферъ организма, ихъ внѣшнія вліянія, наконецъ мышленіе, желанія и реализація жизненной идеи, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, становятся господствующимъ моментомъ сознательно основнаго строя души; какъ та бессознательная жизнь, которая течетъ по нервнымъ нитямъ бессознательной гангліозной массы къ черепному мозгу и обратно, можетъ возвыситься до степени сознательнаго момента, потому что такъ называемое общее чувство бываетъ возвышено до ненормальнаго состоянія.»

§ 158.

О дѣятельности собственно черепнаго мозга.

Мы сказали выше, что всѣ точки организма посредствомъ первичныхъ волоконъ имѣютъ связь съ черепнымъ мозгомъ, отъ чего всякое состояніе, или всякая перемѣна периферіи, тотчасъ повторяется въ мозгу. Слѣд., въ мозгу сосредоточивается вся жизнь всего организма, въ немъ только душа и можетъ сознавать и ощущать все свое тѣло. Посему, чѣмъ большее число первичныхъ и лучше изолированныхъ волоконъ приходятъ въ него отъ какихъ либо органическихъ сферъ, чѣмъ болѣе центральныхъ точекъ въ мозгу, чѣмъ наконецъ болѣе покрывочная масса волоконъ въ мозгу, тѣмъ сильнѣе и яснѣе должно быть ощущеніе души. Слѣд., по строенію, массѣ и прочимъ признакамъ черепнаго мозга можно уже нѣкоторымъ образомъ судить и объ умственномъ развитіи человѣка; но, впрочемъ, не такъ рѣшительно и непогрѣшимо, какъ многіе думаютъ.

Всѣ высшія способности души имѣютъ свой органъ мѣстопробыванія и такъ сказать орудіе въ черепномъ мозгу, и каждое измѣненіе, каждое дѣйствіе души прежде всего обнаруживается въ головномъ мозгу. Эта сила живая и дѣятельная, находящаяся въ эфирныхъ нервныхъ пузыряхъ, гораздо подвижнѣе, чѣмъ гальваническій токъ. Довольно сказать, что каждое представленіе души (а сколько есть въ душѣ представленій!), сопровождается особымъ состояніемъ извѣстныхъ частей покрывочной массы, которое снова возобновляется при повтореніи того же представленія, такъ что мы не можемъ припомнить ни одного представленія безъ того, чтобъ не повторилось тоже состояніе черепныхъ частей. Такое повтореніе должно происходить также и тогда, когда душа желаетъ долѣе и лучше помнить свои представленія. Въ книгѣ Кленке приводится превосходное сравненіе Каруса, объясняющее способъ дѣйствія души посредствомъ черепаго мозга. Нельзя отказаться отъ удовольствія выписать его: »Представьте себѣ комнату магика, которой стѣны покрыты многими зеркалами. Эти зеркала имѣютъ свойство, — всякое изображеніе, проведенное къ нимъ магнитнымъ способомъ извнѣ, отражать къ магику, сидящему на срединѣ комнаты, который, взглянувши на него однажды, какъ бы беретъ его и хранитъ у себя на всегда, какъ свою собственность. Такимъ способомъ магикъ получаетъ и хранитъ множество изображеній, которыми воегда можетъ располагать по своему произволу, при слѣдующемъ впрочемъ условіи: припоминая какое либо изъ этихъ изображеній, если захочетъ вновь его видѣть, долженъ взглянуть на то зеркало, посредствомъ котораго онъ въ первый разъ получилъ его,

и тогда, подобно молніи, оно мгновенно является предъ нимъ чистымъ и яснымъ, если зеркало чисто и цѣло; темнымъ — если зеркало тускло; не полнымъ — если зеркало запачкано или разбито, и можетъ совершенно не явиться, или остается не видимымъ — если зеркало совершенно разбито, или совсѣмъ тускло. Всѣ эти зеркала остаются чистыми и цѣлыми только при частомъ употребленіи оныхъ, т. е. необходимо частое провозженіе подобныхъ изображеній извнѣ, или повторительное смотреніе на нихъ изнутри, чтобы зеркало сохранило свое дѣйствіе. Но мало по малу легко можетъ случиться, что отъ недостаточнаго употребленія, или внѣшняго поврежденія и пр., всѣ зеркала тускнѣютъ и дѣлаются для магика негодными къ употребленію; они могутъ потерять способность магнитнымъ способомъ привлекать новыя для магика изображенія, а онъ не будетъ въ состояніи вызывать изнутри на старыхъ зеркалахъ тѣ изображенія, которыя сдѣлались его собственностію. Несмотря на это, изображенія, прежде доставшіяся ему посредствомъ зеркалъ, остаются на всегда; кто можетъ сомнѣваться въ томъ, что они хранятся у него въ продолженіе всей его жизни, хотя бы онъ никогда не могъ устроить новой панорамы зеркалъ свыше данною ему силою?» (*) Въ подтверженіе того, что каждое почти представленіе должно имѣть свой соотвѣтствующій органъ въ мозгу, или соотвѣтствующую перемѣну его частей, Кленке приводитъ примѣръ больнаго, который вдругъ потерялъ отъ мѣстнаго пораженія мозга одно представленіе — пить изъ стакана, между тѣмъ, какъ орудія предста-

---

(*) § 36.

вденія остались безъ перемѣны, и во время питья ему нужно было только подерживать стаканъ. Другой примѣръ представлялъ одинъ солдатъ, который, потерявъ чрезъ трепанацію часть мозга, вдругъ забылъ числа 5 и 7 и едва послѣ долгаго времени могъ снова выучить оныя.

Но никто не въ состояніи указать въ мозгу органовъ сихъ частныхъ представленій; ибо органы мозга, его пузырьки столь нѣжны, столь недоступны анализу, что невозможно ихъ изучать даже и посредствомъ лучшихъ микроскоповъ.

§ 159.

Замѣчаніе о сущности души.

Воспользуемся предъидущими фактами, чтобы снова подтвердить то, что мы старались доказать въ первой главѣ на основаніи устройства мозга, именно — нематеріальность и недѣлимость того существа, которое воспринимаетъ всѣ впечатлѣнія мозга. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ самыя факты, которые указываютъ на тѣсную зависимость отпращиваній души отъ мозга, вмѣсто того, чтобы служить опорой матеріализму, составляютъ сильнѣйшій, непоколебимый и ничѣмъ неоспоримый доводъ въ пользу недѣлимости и духовности души человѣческой.

Если бы кромѣ мозга не было въ человѣкѣ единого, недѣлимаго существа: то выходило бы, что способности человѣка суть отдѣльныя субстанціи, что умъ принадлежитъ особымъ частямъ, воля — другимъ, желанія — третьимъ и т. д. Этого мало, предъидущіе примѣры показали, что для каждаго представленія есть свой осо-

бый органъ, какъ напр., въ предъидущемъ примѣрѣ для представленія 7 и 5 у солдата; но кто будетъ такъ просто, чтобъ не видѣть, что всѣ эти мозговые пузырьки, весь мозгъ, есть только орудіе одной недѣлимой субстанции, душевной монады, которая совмѣщаетъ въ себѣ всѣ мысли и способности, которая пользуется мозгомъ, какъ музыкантъ струнами инструмента, изъ которыхъ при извѣстныхъ дѣйствіяхъ извлекаетъ желаемые звуки. Смѣшно думать, чтобы представленіе 7 и 5 заключались именно въ тѣхъ атомахъ мозга, которыхъ упомянутый солдатъ лишился, или которые повредились при операциі: очевидно, напротивъ, что извѣстные пузырьки были только органами для этихъ представленій. Когда же душа лишилась этихъ орудій, то позабыла на время самыя представленія; но послѣ снова пріучилась къ нимъ т. е. по всей вѣроятности сдѣлала орудіями этихъ представленій другіе атомы, или пузырьки мозга. Посему, всѣ приведенные до сихъ поръ примѣры вліяній органическихъ явленій на душевныя представленія, всѣ эти факты, показывающіе, въ какой зависимости находится мышленіе отъ органическихъ системъ, не только не должны никого привести къ той мысли, что душа есть нѣчто тѣлесное, есть какъ-бы субстрактъ, эссенція организма, какъ можно подумать при чтеніи книги Кленке и подобныхъ системъ; но еще сильнѣе убѣждаютъ насъ въ невещественности души.

Представимъ себѣ, для большей наглядности, какую либо часть мозга, состоящую изъ 18 атомовъ, изъ которыхъ каждый есть органъ 18 разныхъ представленій. Если въ мозгу нѣтъ одной монады — души, одного нематеріальнаго существа, которое совмѣщаетъ и сравни-

ваеѣ между собою всѣ эти представленія, то спрашивается: какимъ образомъ изъ этихъ 18 отдѣльныхъ пузырьковъ или органовъ представленій могутъ составиться сужденія? Не забудемъ, что сужденіе есть сравненіе двухъ представленій; но положимъ, что для извѣстнаго сужденія нужно сравнить представленія, заключенныя въ 1-мъ и 18-мъ пузырькахъ: кто же производитъ это сравненіе? сами ли 1-ый и 18-ый пузырьки? Но думать такъ было бы нелѣпо, ибо тогда въ насъ было бы столько же сравнивающихъ субстанцій, сколько есть сужденій. Слѣд., невозможно здравомыслящему человѣку не видѣть, не убѣждаться, такъ сказать, осязательно, что въ человѣкѣ есть какое то особое, непостижимое существо, которое соединяетъ въ себѣ состоянія всѣхъ этихъ атомовъ, которое сравниваетъ всѣ эти безконечныя измѣненія мозговыхъ пузырьковъ, отражающіяся въ немъ въ видѣ ощущеній.

Но внимательное разсмотрѣніе этого вопроса можетъ повести еще къ дальнѣйшимъ соображеніямъ. Мы говорили доселѣ о нервныхъ токахъ, которые доводя до мозга впечатлѣнія, измѣняютъ черепный пузырьчатый покровъ; говорили, что безъ этого измѣненія, безъ этого напряженія частицъ мозга, нѣтъ ни чувствованій, ни представленій. Но спросимъ себя: въ чемъ можетъ заключаться сущность этого впечатлѣнія нервного тока на мозгъ? какую именно перемѣну производить эти впечатлѣнія въ микроскопическихъ пузырькахъ мозга? Или иначе, въ чемъ состоитъ сущность того отпечатка, того впечатлѣнія (*impressio*), которое нервные токи производятъ на мозгъ для возбужденія представленій, и

которыя снова должны повториться въ мозгу, когда мы воспоминаемъ тѣже представленія?

Въ отвѣтъ на эти вопросы и заключается разность нашего воззрѣнія съ воззрѣніемъ Кленке и всѣхъ новѣйшихъ психологовъ. Мы глубоко убѣждены въ истинности нашего мнѣнія: потому что въ немъ утверждаетъ насъ безпристрастный разборъ всѣхъ физиологическихъ фактовъ.

Кленке и всѣ новѣйшіе физиологи и философы думаютъ, что эти самыя впечатлѣнія, эти самыя перемѣны пузырьковъ и суть ощущенія или чувствованія, такъ что изъ этого слѣдуетъ, что въ насъ все видитъ, слышитъ, чувствуетъ и пр. самый мозгъ. Этого мало, Кленке даже органы, или системы тѣла, почитаетъ способными чувствовать, и — даже думаетъ, что еще страннѣе, что душа мыслить во всѣхъ органахъ; отсюда его безсознательное мышленіе. Но очевидно, что это мнѣніе произошло отъ смѣшенія впечатлѣній съ ощущеніями. Чувствуетъ не мозгъ, тѣмъ болѣе не глазъ, не ухо, или носъ, а чувствуетъ душа. Въ органахъ и даже въ мозгу, въ пузырькахъ мозга, происходитъ одна химико-механическая перемѣна, которая не есть еще ощущеніе.

Кто силою мышленія и анализа успѣлъ понять это различіе и достаточно отдѣлить въ умѣ впечатлѣнія отъ самыхъ ощущеній, тому всѣ физиологическіе факты представляются въ новомъ свѣтѣ. Для него многое, что прежде казалось непонятнымъ, становится яснымъ. Но если бы даже это мое мнѣніе оказалось невѣрнымъ, т. е. если бы дальнѣйшіе физиологическіе опыты и изслѣдованія доказали, что ощущенія принадлежатъ именно самымъ органамъ или мозговымъ пузырькамъ, если

бы, говорю, мнѣніе Кленке и другихъ объ ощущающей матеріи, какъ основаніи организма, оказалось справедливымъ, чего по всѣмъ соображеніямъ никакъ нельзя ожидать: то и тогда сказаннаго въ началѣ сего § и также въ первой главѣ совершенно достаточно для доказательства нематеріальности души: ибо, предположивши также, что ощущенія принадлежатъ мозговымъ пузырькамъ, никакой здравомыслящій человѣкъ не можетъ сказать, чтобъ сами эти пузырьки и сравнивали ощущенія и дѣлали сужденія, потому что одинъ пузырекъ, или одна мозговая часть не можетъ знать того, что происходитъ въ другихъ отдѣленіяхъ мозга.

§ 160.

Значеніе частей мозга.

Въ первой главѣ мы кратко упомянули о значеніи разныхъ частей мозга: представимъ здѣсь еще нѣкоторыя подробности.

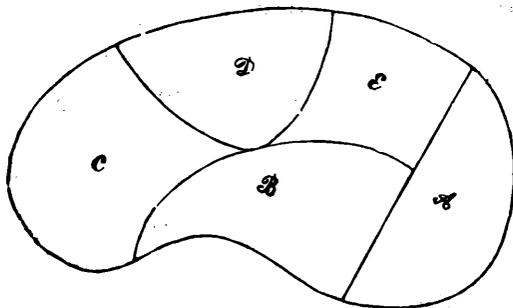
Припомнимъ сначала опять то, что было сказано о способѣ прохожденія нервовъ изъ периферій къ центру черепа: изъ нѣкоторыхъ органовъ нервы не прямо идутъ къ головному мозгу, а соединяются и перепутываются на пути прохожденія со многими другими частями организма, (напр., съ гангліями), и потому они не могутъ вполне доносить до сознанія нервнаго тока: таковы — нервы дыханія, кровообращенія, легкихъ и пр. Вотъ почему душа не чувствуетъ, не сознаетъ вполне нѣкоторыхъ тѣлесныхъ отравленій: напротивъ, когда нервъ какого либо органа идетъ изолированно и по короткому пути къ мозгу, и когда онъ болѣе погружается въ мозго-

вые шарики: тогда всё происшествія помянутаго органа яснѣе отражаются въ душѣ.

Черепный мозгъ раздѣляется по своему строенію на три части: на малый мозгъ, четверохолміе, или продолговатый мозгъ, и большой мозгъ. Наблюденія и опыты многихъ физиологовъ показали, что пораженія малаго мозга разстроиваютъ движенія мышцъ и конечностей: слѣд., малый мозгъ съ мостомъ (pons) есть органъ, коимъ душа производитъ движенія. Въ немъ проявляются желанія, ясныя или темныя, влеченія къ внѣшнимъ предметамъ и пр.

Большія полушарія малаго мозга содержатъ наибольшее число нервныхъ волоконъ, кои, прошедши длинный путь, становятся орудіемъ высшихъ способностей души, воли и сознательныхъ стремленій. Здѣсь оканчиваются и большія нити зрительнаго нерва. — Что же касается до нервовъ слуховыхъ, то и они безъ сомнѣнія имѣютъ свои завороты въ маломъ же мозгѣ.

Но главнѣйшее орудіе для душевныхъ способностей есть большой мозгъ. Наблюденія показали, что всё нервныя волокна, идущія отъ поверхности покрововъ, безчисленныя нервы туловища, особенно лица, имѣютъ въ немъ свой центральный заворотъ. Въ большомъ мозгу душа устроила для себя органъ сознанія внѣшняго міра, умственныхъ отправленій. Кленке представляетъ, слѣд. распредѣленіе пребыванія душевныхъ способностей въ мозгу.

А. Малый мозгъ. — Мѣсто побужденій, вожделѣній, движенія, инстинкта, полового вожделѣнія, чувствованія звука.

В. Четверохолміе. — Мѣсто образовательной дѣятельности и бессознательныхъ ея впечатлѣній и противодѣйствій, центральный пунктъ симпатической нервной системы, мѣсто чувствованія свѣта.

С. Передній большой мозгъ. — Мѣсто умственного познанія, разсудка, сознанія, чувствованія запаха.

Д. Большая полушарія надъ четверохолміемъ. — Мѣсто сознательнаго чувствованія и противодѣйствія, происходящихъ изъ образовательной жизнедѣятельности, высшей потенціи общаго чувства душевнаго расположенія.

Е. Большая полушарія надъ малымъ мозгомъ. Мѣсто сознательнаго желанія, произвола и высшаго познанія.

Что сказанное распредѣленіе вѣрно, то, по словамъ Кленке, подтверждено множествомъ опытовъ, часть которыхъ мы представили въ первой главѣ и подобное описаніе коихъ находится во многихъ физиологіяхъ. (*)

(*) § 31.

§ 161.

Слѣдствія изъ этого описанія частей мозга.

Изъ подробнаго изученія частей мозга и ихъ соотношенія между собою и къ органамъ всего тѣла выходитъ, что нервная система, особенно нервный центръ, имѣеть непосредственную связь и вліяніе на душу человѣка, и что по развитію мозговыхъ частей можно судить о душевныхъ его свойствахъ. Но это лишь отчасти. Вполнѣ же безошибочно угадывать о всѣхъ способностяхъ и состояніяхъ душевныхъ по знакомству съ мозгомъ нѣтъ возможности: ибо вещество мозга столь утонченно, что не допускаетъ никакихъ изслѣдованій. Премущественное развитіе той или другой части мозга даетъ намъ право заключать о нѣкоторыхъ, особенныхъ душевныхъ состояніяхъ. Вотъ, почему мозгъ и самая голова разныхъ поколѣній людей устроены не въ одной пропорціи. Напр., у эфіоповъ гораздо значительнѣе развиты заднія части мозга; и мы знаемъ, что у нихъ умственные способности гораздо ниже, чѣмъ у прочихъ племенъ, за то страсти, стремленія сильны и неукротимы.

Но, замѣчая это близкое отношеніе между развитіемъ мозга и умственными способностями, не надобно смѣшивать причину и дѣйствіе, или не надобно думать, что такой человѣкъ потому только былъ уменъ и даровитъ, что у него лучше развился мозгъ, а глупость другаго была слѣдствіемъ того, что мозгъ его не былъ хорошо развитъ. Думать такъ было бы ошибочно. Здѣсь, какъ и вездѣ, истина находится въ срединѣ между двумя крайностями. Не соглашаясь ни съ мнѣніемъ Кленке, котораго главная мысль есть та, будто душа сама безсозна-

тельно образуетъ себѣ органы, а слѣд. и мозгъ, что не подтверждается опытомъ, — нельзя признать за истину и систему краниоскоповъ и другихъ послѣдователей Галля, полагавшихъ, будто все развитіе души, всѣ ея состоянія, всѣ страсти и стремленія происходятъ въ слѣдствіе явленія въ мозгу извѣстныхъ органовъ.

Кажется, что здѣсь эти два явленія, т. е. развитіе органовъ и душевныя свойства, нельзя ставить въ строгомъ смыслѣ въ отношеніе причины и дѣйствія. Думаю, что опытные физиологи согласятся съ тѣмъ, что каждое изъ нихъ можетъ быть въ одно и тоже время и причиною и слѣдствіемъ. Душа и тѣло развиваются параллельно и подъ взаимнымъ вліяніемъ. Иное въ организмѣ условливается чисто психологическими свойствами, и на оборотъ — многія душевныя явленія суть слѣдствія органическихъ вліяній. Возмите, напр., того же самага Ефіюпа, у котораго всегда развивается задняя часть мозга; начните съ малыхъ лѣтъ образовывать его душу; упражняйте, какъ можно болѣе, его умственныя способности и, безъ сомнѣнія, чрезъ нѣсколько поколѣній у Эфіюпа получится иначе развитый мозгъ. Это очень естественно. У всякаго человѣка болѣе всего развивается именно тотъ органъ, который онъ упражняетъ чаще всего. Такъ, напр., у работниковъ мускулы рукъ развиты сильнѣе всего, а у человѣка ученаго болѣе развиты мозговья части.

§ 162.

О душевныхъ болѣзняхъ, какъ слѣдствіи
разстройства нервной системы.

Болѣзненные состоянія нервной системы произво-

дять произвольные нервные токи, которые часто возбуждаютъ, въ свою очередь, неправильныя чувствованія и представленія. Душа нѣкоторыми ненормальными напряженіями органовъ приводится къ обману, теряетъ ясное сознаніе вѣшняго міра, теряетъ волю и пр.; это значитъ — душа теряетъ правильный способъ мышленія чрезъ разстройство органа; она, по выраженію Кленке, играетъ на разстроенномъ инструментѣ.

Умопомѣшательство, по мнѣнію Кленке, бываетъ всегда слѣдствіемъ лишь разстройства нервовъ или организма. Но не всѣ физиологи и психологи согласны въ томъ. Что касается до насъ, то и мы съ своей стороны думаемъ, что душа сама независимо отъ разстройства органовъ можетъ впасть въ разстройство въ своихъ мысляхъ и представленіяхъ и, кажется, что если сличить всѣ наблюденія надъ помѣшанными, то мнѣніе это будетъ справедливѣе. Въ 5-ой главѣ этой Психологіи было сказано, что нѣкоторыя душевныя состоянія, при высшемъ своемъ напряженіи, могутъ переходить въ помѣшательство, и это, кажется, независимо отъ нервныхъ токовъ.

Физиологически, т. е. фактически, это разногласіе ученыхъ на счетъ главной причины душевныхъ болѣзней можно было бы рѣшить въ двухъ случаяхъ: 1-ое, если бы несомнѣнно можно было доказать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ умопомѣшательства не было замѣчено рѣшительно никакихъ слѣдовъ разстройства органовъ. Въ такомъ случаѣ ясно открылось бы, что душевная болѣзнь можетъ произойти иногда отъ чисто психологическихъ причинъ и независимо отъ растройства органовъ. Или же, 2-ое, если бы можно было доказать, что во всѣхъ

случаяхъ помѣшательству предшествовало разстройство нервного тока. Тогда бы открылось, что душевная болѣзнь всегда зависитъ отъ одного разстройства органовъ. Но какъ двухъ этихъ наблюдений нельзя произвести своевременно и въ достаточной степени: то вопросъ этотъ навсегда останется нерѣшеннымъ.

§ 163.

О значеніи глаза и зрѣнія по отношенію къ душѣ.

Какія ощущенія получаетъ душа отъ впечатлѣній глаза — это было достаточно объяснено прежде; здѣсь мы рассмотримъ обратное значеніе глазъ, т. е., какъ душа выражаетъ себя посредствомъ этого органа.

Ни въ какомъ органѣ душа не выражаетъ себя и не обнаруживаетъ такъ ясно своихъ чувствъ, мыслей и воли, какъ въ глазахъ. Каждый человѣкъ и даже каждое высшее животное имѣетъ свой особенный взглядъ. Во взглядѣ выражаются различно не только разныя состоянія души, но одинаковыя состоянія у разныхъ людей выражаются различно. Нервный токъ, или иннервація, распространяется по всей поверхности глазной, сѣтчатой оболочки и даже, какъ показываютъ опыты, переходитъ за предѣлы глаза и достигаетъ до другихъ лицъ и предметовъ. Этимъ только и можно объяснить вліяніе взгляда на нѣкоторыхъ звѣрей и людей. Многія животныя не могутъ сопротивляться вліянію взгляда другихъ животныхъ. Взглядъ змѣй и нѣкоторыхъ другихъ хищныхъ животныхъ оцѣпляетъ маленькихъ птичекъ. Нѣкоторые люди взглядомъ своимъ укрощаютъ дикихъ

звѣрей. Собаки часто понимаютъ взглядъ своихъ господъ. Нѣкоторые люди, вообще, имѣютъ особую способность выражать энергію воли во взглядѣ.

Эти и многіе другіе примѣры на самомъ дѣлѣ подтверждаютъ, что изъ глазъ человѣка должна истекать какая-то тончайшая эфирная матерія, быть можетъ, тоже нервное начало, или нервный токъ, и этимъ также можно объяснить вліяніе такъ называемаго дурнаго глаза. Разумѣется, что большая часть разсказовъ о дурномъ глазѣ бываетъ преувеличена; но нѣтъ сомнѣнія, что основаніе ихъ справедливо: ибо есть случаи, когда взглядъ нѣкоторыхъ людей на самомъ дѣлѣ дѣйствуетъ дурно, особенно на дѣтей. Состоянія душевныя, каковы: любовь, радость, гнѣвъ и пр., безъ сомнѣнія, должны существенно измѣнить и нервный токъ; и потому не удивительно, что глаза человѣка съ злою душею испускаютъ изъ себя дурной, вредный токъ, который можетъ произвести вредное вліяніе на тѣхъ, къ кому они обращены.

Но чтобъ понять, отъ чего во взглядѣ такъ хорошо выражается душа, надобно помнить, что во взглядѣ человѣка участвуютъ не одни глаза, а всѣ части лица, всѣ черты фізіономіи. Лицевыя мускулы способны выразить всѣ состоянія души разными линейными измѣненіями. Извѣстно, что хорошій фізіономистъ живописецъ двумя, тремя линиями умѣетъ выразить радость, страхъ, печаль, зависть и пр. Слѣд., всѣ сіи чувства измѣняютъ не только видъ глаза, но и всѣ черты лица; и взглядъ зависти, или любви, выражается кромѣ глазъ и всѣми лицевыми мускулами.

Остается сдѣлать здѣсь одно замѣчаніе. Зрительныя нервы имѣютъ свой заворотъ въ четверохолміи тамъ, гдѣ

заворачивается много симпатическихъ нервовъ, выходящихъ изъ разныхъ системъ, какъ-то: пищеварительной, кровеносной и проч., хотя сии послѣдніе нервы не провозждаютъ нервнаго начала до мозга, такъ что душа не ощущаетъ состоянія сихъ системъ. Но случается въ нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствахъ, когда бываетъ измѣнено состояніе дѣятельности сихъ системъ, что сии измѣненія посредствомъ усиленнаго нервнаго тока достигаютъ до сознанія, отъ чего и зрительныя первичныя нервы, окруженные сими нервами, могутъ участвовать въ этомъ измѣненномъ состояніи системъ и сами приходятъ въ особыя состоянія. Это служитъ объясненіемъ многихъ случаевъ, когда человѣку въ болѣзни представляются разные субъективные цвѣта. Можетъ быть, многіе замѣчали, что иногда горящее пламя свѣчи кажется намъ окруженнымъ ореоломъ разныхъ цвѣтовъ: это бываетъ особенно послѣ сытнаго стола. Этимъ же замѣчаніемъ объясняются и тѣ видѣнія, какія представляются человѣку во время различныхъ болѣзней, напр., бредъ горячки, желтизна въ золотухѣ и пр.

§ 164.

О значеніи слуха и звуковъ.

Значеніе звуковъ имѣетъ ту важность, что посредствомъ ихъ душа выражаетъ свои состоянія; съ другой же стороны, звуки и въ ней самой возбуждаютъ извѣстныя состоянія. Особенно сильно дѣйствуютъ на душу музыкальные звуки, возбуждая въ ней чувство пріятнаго. Даже животныя обнаруживаютъ сочувствіе къ музыкальнымъ тонамъ. Вообще высокіе тоны, слѣдующіе въ

быстромъ ритмѣ, оказываютъ на душу увеселительное вліяніе; напротивъ глухіе, низкіе и медленные тоны производятъ въ ней уныніе. Но здѣсь много зависитъ отъ внутренняго состоянія и настроенія разныхъ людей, что видно изъ того, что одна и таже музыка оказываетъ различное дѣйствіе на разныхъ особъ. Музыка, располагающая однихъ къ радости, къ воодушевленію, другихъ дѣлаетъ изнѣженными, мечтательными. Звучность матеріала, употребленнаго для произведенія тоновъ, также имѣетъ свое вліяніе на различныхъ лицъ. Всѣ эти вліянія музыки находятъ свое оправданіе въ физиологическихъ наблюденіяхъ. Центральная, покрывочная масса первичныхъ волоконъ слуховыхъ нервовъ находится тамъ, гдѣ сошлись всѣ первичныя волокна побужденій, воли, движеній и пр. Вотъ, отъ чего происходитъ сильное вліяніе на волю и на движеніе ощущенія звуковъ трубы, или воинственныхъ криковъ, кои мгновенно возбуждаютъ человѣка и вливаютъ бодрость въ душу. Сильный неожиданный звукъ, напр., внезапный выстрѣлъ, съ такою силою устремляетъ нервный токъ по слуховому нерву, что производитъ реакцію, именно потрясеніе всѣхъ членовъ, біеніе сердца и пр. Монотонный, часто повторяющійся звукъ для слуха несносенъ, и отъ продолжительнаго возбужденія покрывочной массы нервный токъ приходитъ въ разстройство. Извѣстно, какъ странно дѣйствуютъ на нѣкоторыхъ людей особые звуки, какъ то пискъ, скрипъ, звукъ отъ смычка, волимаго по струнамъ фальшиво. Такіе звуки возбуждаютъ даже судороги на кожѣ человѣка.

Замѣчательно также въ физиологическомъ отношеніи, что первичныя волокна слухового органа имѣютъ тѣс-

ную связь съ такими же волокнами органъвъ голоса. Волокна этихъ нервовъ имѣютъ свой центральный заворотъ въ одной и той же части черепнаго мозга, и покрывочная масса ихъ также должна находиться въ тѣснѣйшей связи. Отсюда и происходитъ, что голосъ человѣка есть реакція, отвѣтъ на всѣ впечатлѣнія слуха, и все, что ухо сообщаетъ душѣ, выражается голосомъ.

В. О ВЛІЯНІИ ДРУГИХЪ ОРГАНИЧЕСКИХЪ СИСТЕМЪ НА ПРЕДСТАВЛЕНІЯ.

§ 165.

ОСНОВАНІЕ СЕГО ВЛІЯНІЯ.

Физиологическіе опыты и глубокія изысканія новѣйшихъ ученыхъ, трудомъ которыхъ мы пользуемся въ этихъ главахъ съ чувствомъ благодарности, опредѣлили съ большою точностію и подробностію отношеніе къ душѣ органическихъ системъ, каковы: мышечная, кровеносная, пищеварительная, лимфатическая. Укажемъ здѣсь главнѣйшіе пункты сего соотношенія въ общихъ и краткихъ чертахъ; и при этомъ постараемся опредѣлить: какія взаимныя перемѣны производятъ другъ въ другъ душа и разныя органическія системы.

§ 116.

ПРИМѢРЫ ИЗЪ ЗООЛОГІИ, ДОКАЗЫВАЮЩИЕ СІЕ ОТНОШЕНІЕ.

Разсматривая разные классы животныхъ, можно замѣтить интересное явленіе, что они всегда обнаруживаютъ свой особый характеръ души, смотря по преимуще-

ственному развитію какой либо органической системы; именно, что основной характеръ ихъ тѣлосложенія выражаетъ и характеръ души.

У моллюсковъ, и вообще тѣхъ животныхъ, которыя имѣютъ малое развитіе дыхательныхъ органовъ, обнаруживается робкій лѣнливый характеръ; напротивъ того, животныя, имѣющія высшее развитіе легкихъ, обладаютъ характеромъ живымъ, бодрымъ, подвижнымъ; таковы: птицы, насѣкомыя и проч.

Наблюдая надъ душеврасположеніемъ, т. е. надъ безпрерывнымъ переходомъ отъ радости къ печали и наоборотъ, можно замѣтить, что такое душеврасположеніе находится только у тѣхъ животныхъ, коихъ кровеносная дѣятельность достигла высшей степени развитія. Напротивъ того, его вовсе незамѣтно у животныхъ, кои лишены обширнаго развитія кровеносной системы.

Эти и подобныя наблюденія надъ царствомъ животныхъ не суть что либо случайное, но основной законъ жизни. Но въ человѣкѣ сосредоточены и поставлены въ равновѣсіе всѣ тѣ органическія системы, которыя какъ бы разсѣяны по многимъ классамъ животныхъ. Человѣкъ тѣмъ отличается отъ всѣхъ животныхъ, что въ немъ развиты въ равной степени всѣ системы, такъ что ни одна не преобладаетъ надъ другою въ такой степени, какъ въ другихъ животныхъ. Посему въ человѣкѣ каждая органическая сфера имѣетъ свое равномѣрное отношеніе къ душѣ и есть какъ бы тѣлесное выраженіе души; каждая сфера должна быть выраженіемъ особаго направленія души. Слѣд., въ каждой органической сферѣ человека находится какая либо основная идея, и въ тоже время каждая сфера, посредствомъ своихъ нервныхъ волоконъ, дово-

дигъ до сознанія извѣстныхъ впечатлѣнїя. Первое можно узнать изъ наблюденїй надъ основнымъ значенїемъ органическихъ системъ и ихъ нормальнымъ и ненормальнымъ состоянїемъ. Что же касается до втораго, т. е. до впечатлѣнїй, которыя системы доводятъ до сознанїя, это также увидимъ далѣе. Мы удостовѣримся, какъ всякое состоянїе органической системы приводитъ къ сознанїю не только свойства жизненной ея идеи, но даже происшедшїя отъ влїянїя вышнїаго міра перемѣны сферъ органическихъ.

§ 167.

Нѣкоторыя другія доказательства дѣйствїя системъ на душу.

Врачи давно уже замѣтили, что страданїя легкихъ, кишечнаго канала, половыхъ органовъ, печени и пр. имѣютъ и въ нравственномъ отношенїи свой особенный отпечатокъ и производятъ особыя душевныя состоянїя. Состоянїе крови здоровое, или разстроенное, отражается въ душѣ точно также, какъ душа и свои состоянїя сообщаетъ крови. Здоровое отправленїе или разстроенное состоянїе желудка, какъ всякому извѣстно, также отражается въ душѣ. Кленке прекрасно объясняетъ общее отношенїе крови къ душѣ челоувѣка, а слова его о нѣкоторыхъ частныхъ, исключительныхъ явленїяхъ такъ замѣчательны, что мы не можемъ не выписать ихъ здѣсь, не смотря на то, что уже слишкомъ много пользуемся этимъ правомъ. »Извѣстное въ суевѣрїи открыванїе кладовъ посредствомъ волшебнаго прутика есть такъ называемая рабдомантїя индивидуума. Объясненїе здѣсь

очень просто. Каждый организм находится и развивается среди жизни природы, и потому находится въ связи со всѣми членами земной планеты: ибо каждая вещь, которую можно себѣ представить, зависитъ отъ совершеннаго еоцлененія всѣхъ безконечныхъ противоположностей и проходить въ безконечно-разнообразное внѣшнее притяженіе и отторженіе. Посему каждый организмъ получаетъ впечатлѣніе отъ цѣлой цѣпи планетныхъ предметовъ: ибо существованіе оныхъ зависитъ отъ взаимной противоположности и полярности. Каждое особое существованіе измѣняется всѣми внѣшними предметами въ большей или меньшей силѣ, вблизи или въ отдаленности находящимися, и всегда противодѣйствуетъ онымъ, поелику безъ этого противодѣйствія оно вовсе не могло бы существовать. Каждое внѣшнее тѣло должно поэтому находиться въ таинственномъ взаимномъ отношеніи съ организмомъ, и органическія сферы, какъ способныя принимать впечатлѣнія всѣхъ формъ, существующихъ въ природѣ, должны постоянно измѣняться и возбуждаться къ противодѣйствію. Организмы, которые возвысились до извѣстной степени самостоятельности своею особенною, идеальною независимостію жизни, т. е. самосознаніемъ, должны также освободиться и выйти изъ подъ вліянія цѣпи планетной: ибо самостоятельность въ индивидуумѣ пріобрѣтается всевозможнымъ обладаніемъ надъ внѣшнею природою. Поэтому идеи внѣшнихъ существъ и самые внѣшніе предметы могутъ производить слабыя только измѣненія въ самостоятельномъ организмѣ, и то большею частію въ бессознательныхъ жизненныхъ сферахъ. Но съ тѣми организмами, которые достигли меньшей самостоятельности, бываетъ совсѣмъ иначе. Жи-

вотныя большею частію находятся въ такой тѣсной связи съ теллюрическимъ состояніемъ, что ихъ всегда считали предвѣстниками будущихъ внѣшнихъ измѣненій; они ощущаютъ отдаленное дѣйствіе тысячи внѣшнихъ предметовъ, коихъ дѣйствіе въ нашемъ собственномъ организмѣ ускользаетъ отъ нашего ощущенія.

»Есть такіе организмы, которые по своему особенному образованію и основному строю постоянно находятся въ живѣйшемъ отношеніи съ членами теллюрическаго организма, — организмы, коихъ подчиненность общей жизни гораздо очевиднѣе, нежели у многихъ другихъ; или нервная система у такихъ недѣлимыхъ бываетъ слишкомъ воспріимчива, и она, при малѣйшихъ ощущеніяхъ и измѣненіяхъ нервныхъ частей, получаетъ особенный строй и посредствомъ сильной инерваціи проводитъ оный къ мозгу; или же болѣзненные состоянія обыкновенныхъ организмовъ причиняютъ иногда усиленное взаимное отношеніе къ земной жизни, по которому впечатлѣнія становятся ошутительнѣе и передаются противодѣйствующимъ органамъ тѣ, которыя въ прежнемъ нормальномъ состояніи индивидуума были для него незамѣтны. Такимъ образомъ нѣкоторые вдругъ получаютъ конвульсіи при нечаянномъ приближеніи къ угольнымъ копямъ; другіе въ совершенной темнотѣ узнаютъ по чувству извѣстные виды деревъ, падаютъ въ обморокъ при случайномъ прикосновеніи къ липѣ, а иные, напротивъ, успокоиваются, прикасаясь къ драгоценнымъ камнямъ, или чувствуютъ тоску при приближеніи къ извѣстнымъ металламъ. Посредниками всѣхъ этихъ ощущеній и состояній душевныхъ служатъ органическія системы, и пе-

ремѣны ихъ строя передаются сознанию посредствомъ измѣняющейся нервной дѣятельности.» (*)

Не менѣ замѣчательно то, что говорится у Кленке для объясненія магнетизма или сомнабулизма. Надобно признаться, что если сомнабулизмъ существуетъ какъ фактъ, то для него лучшаго объясненія и придумать нельзя. Мы не осмѣливаемся однакожь утверждать здѣсь, чтобъ сомнабулизмъ могъ существовать въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ его хотять выставить многіе; но съ другой стороны — отвергать вовсе его бытіе, есть крайность. Впрочемъ, изъ объясненія Кленке видно, что магнетизмъ и сомнабулизмъ вещи, не невозможныя.

§ 168.

Вліяніе кровеносной дѣятельности на умственные отправленія.

Представленія души безпрестанно движутся, круговращаются; человѣкъ не можетъ долго остановиться на одномъ представленіи, но безпрестанно переходитъ отъ однихъ представленийъ къ другимъ. Безпрестанно возникаютъ въ душѣ, по неразгаданнымъ законамъ, ряды новыхъ мыслей и представленийъ. Но извѣстно, что возбужденіе представленийъ всегда соединено съ нервнымъ токомъ; а поелику сей послѣдній находится въ зависимости отъ кровообращенія, то естественно заключить, что кровообращеніе имѣетъ вліяніе на теченіе нашихъ представленийъ. И такъ, чтобъ рѣшить, какое есть отношеніе между возникновеніемъ представленийъ и дѣятель-

---

(*) § 27.

ностию крови, надобно объяснить: во 1-хъ, какое имѣеть вліяніе на мышленіе состояніе черепнаго мозга; во 2-хъ, какое имѣеть отношеніе нервный токъ на самый черепный мозгъ, а черезъ него на представленія.

Мышленіе всегда находится въ необходимой связи съ дѣятельностию и устройствомъ мозга: душа мыслить посредствомъ мозга, который есть органъ души, и органъ самый необходимый, безъ котораго человѣкъ, по крайней мѣрѣ въ земной жизни, также не можетъ представлять и мыслить, какъ безъ глазъ видѣть, или безъ ногъ ходить. Черепный мозгъ, какъ органъ для обширной сферы представленій, всегда совмѣщаетъ особенныя, сообразныя съ этимъ назначеніемъ явленія и особое устройство. Большое пространство, большіе размѣры покрывочной массы представляютъ и большее поле для проявленія душевной силы. Жизненное проявленіе души, ея мышленіе, всегда происходитъ пропорціонально устройству и утонченности мозга. Но все получаемое центральнымъ органомъ, всѣ внѣшнія представленія привходятъ въ душу посредствомъ нервнаго тока, устремляющагося отъ внѣшнихъ органовъ къ мозгу, и который не можетъ не измѣнять пузырочной массы мозга. Сія послѣдняя должна напрягаться, располагаться сообразно впечатлѣнію и; при каждомъ возобновленіи представленія, снова должна придти въ положеніе, въ которомъ была прежде.

Но если, при всякомъ чувственномъ представленіи, измѣняются пузырьки мозга: то тоже самое должно происходить и въ той покрывочной массѣ, которая окружена нервными волокнами, исходящими изъ всѣхъ органическихъ сферъ, напр., изъ кровеносной. Это доказывается присутствіемъ въ человѣкѣ общаго жизненнаго чув-

ства, которое есть соединеніе всѣхъ частныхъ ощущеній, приходящихъ изъ всѣхъ сѣреръ организма. Это общее чувство принимаетъ свои оттѣнки, когда какіе либо обстоятельства вывели изъ равновѣсія частныя притоки. Произшедшія въ слѣдствіе того перемѣны въ частныхъ группахъ пузырьчатой массы проявляются тѣмъ же способомъ, какимъ и всѣ другія.

Теперь скажемъ о вліяніи крови на нервныя центростремительныя токи

Извѣстно, что кровь безпрестанно притекаетъ къ центральнымъ органамъ нервной системы, и притекаетъ сравнительно въ большемъ количествѣ: слѣд. между кровью и нервнымъ веществомъ безпрестанно происходитъ взаимный процессъ, т. е., кровь безпрестанно образуетъ и возобновляетъ нервное начало точно также, какъ и всѣ прочія части организма. Потомъ, при быстромъ, свободномъ движеніи крови, нервный токъ стремится сильнѣе, а при замедленіи кровообращенія сооѣтственно замедляется и нервный токъ. Сіе отношеніе крови съ нервнымъ токомъ можно подтвердить многими фактами. Напр., какъ скоро кровь раздраженіемъ отъ пищеваренія устремляется болѣе къ пищеварительнымъ органамъ, оставляя мозгъ, тотчасъ обнаруживается упадокъ и истощеніе нервного тока, и голова ослабѣваетъ. Когда питательный сокъ наполняетъ кровь и послѣдняя тяжелѣетъ, замедляетъ движеніе, въ головѣ опять чувствуется тяжесть, вялость, склонность ко сну; когда отъ усиленія дыханія, напр., при восходѣ на гору, мы чувствуемъ себя сначала живыми и бодрыми, то это происходитъ опять отъ усиленія нервного тока. Вообще много есть примѣровъ, ко-

торые доказываютъ, что кровообращеніе содѣйствуетъ или ослабляетъ нервный токъ.

И такъ, если нельзя не признать, что перемѣны и напряженія малѣйшихъ мозговыхъ пузырьковъ имѣютъ ближайшее отношеніе съ дѣятельностію мозга, а кровообращеніе, съ своей стороны, имѣетъ сильное вліяніе на эти напряженія: то понятно и очевидно вліяніе крови на дѣятельность душевныхъ представленій.

Тончайшія частицы крови окружаютъ, проникаютъ и химически соединяются съ тончайшими пузырьками покрывочной массы: слѣд., кровь возбуждаетъ, увеличиваетъ, а иногда препятствуетъ напряженіямъ и вообще отправленію этихъ мозговыхъ частицъ; почему состояніе крови должно имѣть вліяніе и на отправленіе представленій. Отъ сего близкаго вліянія крови на представленія происходитъ, что въ человѣкѣ рядъ представленій движется и волнуется подобно крови. Мы не въ состояніи оставить представленій, возникающихъ невольно одно за другимъ, производящихъ полетъ мысли, въ которомъ одни представленія органически связаны съ другими, что было нами объяснено прежде въ статьѣ объ ассоціаціи идей.

§ 169.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЕ ФАКТЫ, ДОКАЗЫВАЮЩІЕ ПРЕДЪДУЩЕЕ.

Много есть физиологическихъ фактовъ и примѣровъ, доказывающихъ предъидущее. Весьма замѣчательно, напр., что сильно возбужденное кровообращеніе въ лихорадкѣ производитъ полетъ представленій, и такъ на-

зываемыя субъективныя ощущенія. Съ другой стороны, если кровеносная дѣятельность замедлилась отъ сидячей жизни, и кровь дѣлается тихою, венозною: то происходитъ и медленность представленій, такъ что каждое частное представленіе сильно укореняется въ мозгу. Это задерживаніе особеннаго напряженія частицъ мозга происходитъ отъ нервнаго тока, возбужденнаго однообразіемъ жизни, и обнаруживается тѣмъ, что, при сидячей жизни, происходитъ часто преслѣдованіе одной и той же идеи и одностороннее углубленіе въ нее, отъ чего въ человѣкѣ иногда раждается даже такъ называемая *idée fixe*.

Большая часть сновидѣній, бывающихъ вскорѣ послѣ засыпанія и не за долго до пробужденія, совершенно зависитъ отъ теченія крови и прежнихъ, на яву бывшихъ, ощущеній. Предъ наступленіемъ, или при неполномъ пробужденіи, когда наши чувства иногда бываютъ въ полубодрственномъ состояніи, ряды видѣній возникаютъ предъ нами: мы видимъ, чувствуемъ, обоняемъ и пр. совершенно субъективно. Если всѣ эти явленія сравнимъ съ состояніями крови, то увидимъ параллель между ними. Сильныя и многочисленныя сновидѣнія всегда бываютъ слѣдствіями измѣненной кровеносной дѣятельности: онѣ бываютъ у людей, страдающихъ геморроемъ; — у женщины, которая разстроила мѣсячныя очищенія и проч.

§ 170.

Вліяніе пищеварительной системы на умственную дѣятельность.

Не меньшее вліяніе имѣетъ и пищеварительная система на умственную дѣятельность. Извѣстно всякому изъ

ежедневнаго опыта, что слишкомъ сильное и дѣятельное пищевареніе мѣшаетъ и ослабляетъ умственныя занятія. Всякій могъ замѣтить надъ собою, что при слишкомъ сытомъ желудкѣ онъ уже не въ состояніи легко размышлять. Отсюда пословица древнихъ: *plenus venter non studet libenter*. Самое близкое объясненіе сего явленія находимъ въ томъ, что принятыя во время пищеваренія и входящія вскорѣ послѣ того въ кровь частицы пищи еще слишкомъ грубы, не уподоблены и неспособны къ легкому возбужденію тонкаго нервнаго тока, нужнаго для умственной дѣятельности, отъ чего происходитъ тупость, вялость и медленность соображеній. Но человекъ обжорливый всего чаще подвергается этому физиологическому явленію, и слѣд. оно не есть случайное. Но, сверхъ того, преобладаніе пищеварительной системы заключаетъ и другія препятствія къ умственной работѣ. Человекъ, преданный удовольствію стола, бываетъ всегда удовлетворенъ однимъ ощущеніемъ желудка, и не можетъ выказать безкорыстной любви къ наукѣ и умственному труду. Самолюбіе, которое, какъ увидимъ далѣе, имѣетъ неразрывную связь съ сильнымъ развитіемъ пищеваренія, есть низшее стремленіе, есть желаніе, обратить въ свою пользу все постороннее; но занятіе наукою требуетъ самоотверженія, требуетъ способности находить удовлетвореніе не въ себѣ, а въ другой вещи. Вотъ отъ чего ни одинъ эгоистъ не былъ истинно гениальнымъ ученымъ, ни одинъ обжора не достигъ до какого либо отличія въ наукахъ. Этимъ же объясняется и противоположное явленіе, именно, что всѣ великіе люди, гени, всегда отличались слабымъ пищевареніемъ, а иногда и разстройствомъ желудка. Но перемѣны и разстройства пи-

щеварительной системы могут имѣть вліяніе на душевныя отправленія и на болѣе продолжительное время. Всякій и на себѣ и на другихъ могъ замѣтить, что испорченность желудка, дурное пищевареніе, портитъ характеръ человѣка, дѣлаетъ его раздражительнымъ. При продолжительномъ и болѣе глубокомъ поврежденіи желудка, можетъ приключиться и помѣшательство. Именно, какъ въ желудкѣ отражается самолюбіе, эгоизмъ: то, во всѣхъ случаяхъ, когда у помѣшаннаго преобладаетъ идея о самолюбіи, гордости, когда обнаруживается явное преобладаніе эгоизма, можно признать, что помѣшательство произошло отъ разстройства желудка. Многие примѣры сумасшествія подтверждаютъ эту мысль. Если мы глубже станемъ наблюдать характеръ человѣка, который сдѣлался раздражителенъ, золь отъ разстроенаго пищеваренія: то замѣтимъ особенность, которая ясно покажетъ намъ связь этой раздражительности съ его пищеварительной системой. Разстроенное пищевареніе — есть угнетеніе, ослабленіе чувства самосохраненія: отсюда человѣку кажется, что всѣ его гонятъ, всѣ задѣваютъ его самолюбіе. Эгоизмъ его, угнетенный въ тѣлесномъ своемъ проявленіи, старается вознаградить себя мысленно, въ проявленіи душевномъ.

§ 171.

О вліяніи на умственныя отправленія другихъ органическихъ системъ, какъ-то дыхательной, лимфатической, отдѣлительной и пр.

Подобно описанному въ двухъ предшествующихъ параграфахъ вліянію кровеносной дѣятельности на ум-

ственные отправленія, такое же вліяніе на нихъ производятъ и другія органическія сферы, какъ то: дыхательная, лимфатическая и отдѣлительная. Многочисленные факты и соображенія, доказывающіе эту мысль, можно найти въ той же самой книгѣ Кленке, изъ которой мы заимствовали всѣ нужныя опытные наблюденія для этого отдѣла нашей психологіи. Особенно же замѣчательныя и рѣзкія явленія, указывающія на частное соотношеніе между душою и отдѣльными органическими системами, легко можетъ наблюдать рѣшительно всякій надъ самимъ собою. Кому, напр., неизвѣстно, какое сильное вліяніе имѣетъ на свободу и ясность теченія нашихъ мыслей легкой и чистый воздухъ, во время теплой, лѣтней погоды; какъ напротивъ душа наша бываетъ угнетена, во время дурной, сырой погоды, или какъ неприятно дѣйствуетъ на душу затхлый воздухъ въ комнатѣ, наполненной народомъ и пр. Особенно ярко выказывается вліяніе органическихъ системъ на душу въ болѣзняхъ, въ паталогическомъ состояніи этихъ системъ, прекрасно описанныхъ у Кленке. Всякому извѣстно, что больной не такъ мыслить и представляеть, какъ здоровый; но притомъ состояніе представлений больного бываетъ различно, по различію самыхъ болѣзней, и смотря потому, какая именно система болѣе разстроена.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О ТЕМПЕРАМЕНТѢ И ХАРАКТЕРѢ.

---

§ 172.

СОДЕРЖАНІЕ ГЛАВЫ.

Какъ ни значительно вліяніе органическихъ системъ на умственные отправленія, но еще большее и значительнѣйшее вліяніе имѣютъ онѣ на чувствованія, или душевныя состоянія; такъ что послѣднія почти всѣ суть результатъ органическихъ впечатлѣній. Вслѣдствіе постояннаго и совмѣстнаго дѣйствія всѣхъ органическихъ системъ, или вслѣдствіе преобладающаго вліянія одной какой либо системы при содѣйствіи, впрочемъ, нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ, образуется такъ называемый *темпераментъ* челоуѣка. Посему разсмотримъ въ этой главѣ отношеніе къ душѣ каждой отдѣльной органической системы, или различіе темпераментовъ; но, прежде всего, покажемъ какое есть отличіе между темпераментомъ и, собственно, характеромъ.

§ 173.

РАЗЛИЧІЕ МЕЖДУ ТЕМПЕРАМЕНТОМЪ И ХАРАКТЕРОМЪ.

Понятіе темперамента и характера часто смѣшиваются, но между ними есть несомнѣнное различіе.

Темпераментъ есть общее настроеніе души или постоянный образъ чувствованій ея, происходящій болѣе всего отъ вліянія органическихъ системъ, такъ что темпераментъ иногда принимаютъ какъ исключительное свойство одной крови человѣка. Слѣд., онъ есть явленіе болѣе произвольное, естественное, независящее отъ свободной дѣятельности, или умственныхъ соображеній человѣка. Характеръ, напротивъ того, означаетъ болѣе настроеніе воли; онъ есть нѣчто пріобрѣтенное въ слѣдствіе, съ одной стороны, умственнаго преобладанія, а съ другой — свободно направленной воли. Въ темпераментѣ выражается болѣе тѣлесная сторона человѣка, въ характерѣ — духовная; первый есть принадлежность всякаго почти человѣка; второй бываетъ не у всѣхъ. Рѣдкій человѣкъ можетъ освободиться отъ вліянія темперамента, но какъ скоро кто силою воли и энергіею души усвоилъ себѣ извѣстный характеръ, темпераментъ перестаетъ мало помалу въ немъ обнаруживаться. Наконецъ, мы увидимъ далѣе, что въ образованіи характера принимаетъ участіе бѣльшее число обстоятельствъ, а темпераментъ есть явленіе менѣе сложное.

А. ТЕМПЕРАМЕНТЪ.

§ 174.

О ГЛАВНЫХЪ ВИДАХЪ ТЕМПЕРАМЕНТОВЪ.

Несмотря на чрезвычайное разнообразіе темпераментовъ, не смотря на то, что въ каждомъ почти чловѣкѣ есть свой, особый признакъ, темпераментъ. ихъ можно подвести, согласно съ Кантомъ, подъ слѣд. два рода съ соответствующими каждому роду двумя видами:

а) Темпераментъ, происходящій отъ господствующей склонности къ чувствованіямъ. Виды его:

1. При легкомъ, умѣренномъ возбужденіи, легкое чувство сангвиническаго темперамента.

2. При болѣе трудномъ возбужденіи, глубокое чувство меланхолическаго темперамента.

б) Темпераментъ, происходящій отъ господствующей склонности къ дѣятельной жизни.

1. При легкомъ возбужденіи, быстрый нравъ холерическаго темперамента.

2. При болѣе трудномъ возбужденіи, хладнокровная разсудительность флегматическаго характера. Сдѣлаемъ краткія замѣчанія въ оправданіе такого дѣленія.

Если наблюдать внимательно, какъ надъ отдѣльными личностями, такъ и надъ цѣлыми племенами: то можно увѣриться, что нѣкоторые люди и народы на самомъ дѣлѣ имѣютъ наклонность болѣе къ чувствованіямъ, внутреннимъ движеніямъ, нежели къ дѣятельности; напротивъ того, другіе болѣе склонны къ дѣятельной, трудолюбивой жизни и презираютъ всякія безплод-

ные порывы чувствъ. Таково, напримѣръ, различіе въ характерѣ жителей востока и запада.

Далѣе, два вида темперамента, сангвиническій и меланхолическій, соотвѣтствующіе первому роду, именно состоятъ въ преобладаніи извѣстнаго рода чувствованій и встрѣчаются у жителей востока; напротивъ того, темпераменты холерическій и флегматическій обозначаютъ болѣе качества дѣятельности.

Отличительныя качества сихъ видоизмѣненій темпераментовъ суть слѣд.: у людей съ темпераментомъ сангвиническимъ замѣтны умъ и память счастливыя, воображеніе быстрое и обширное, но преимущественно развито у нихъ чувство, отъ чего вся ихъ жизнь больше сосредоточена внутри. Въ жизни своей они болѣе любятъ наслажденія чувственныя, часто бываютъ легкомысленны и непостоянны. Они способны къ быстрымъ переходамъ отъ однихъ состояній къ другимъ. Глубокія страсти не ихъ принадлежность. Что же касается до организма ихъ, то самое названіе показываетъ, что этотъ темпераментъ есть болѣе всего свойство крови.

Человѣкъ, имѣющій меланхолическій темпераментъ, еще болѣе бываетъ сосредоточенъ во внутренней жизни; но изъ всѣхъ душевныхъ состояній онъ болѣе всего склоненъ къ печальнымъ ощущеніямъ, къ любви, къ уединенію. Онъ видитъ все въ печальномъ свѣтѣ, бываетъ склоненъ къ раздражительности и пр.

Холерическій темпераментъ заключаетъ въ себѣ признаки противоположные первымъ двумъ. Холерики обладаютъ сильными чувствами и продолжительною волею. Они преданы сильнымъ страстямъ, но болѣе постоянны и настойчивы въ своихъ стремленіяхъ, чѣмъ дру-

гіе. Они своенравны, самолюбивы, хитры, склонны къ честолюбію. Темпераментъ сей есть принадлежность всѣхъ великихъ историческихъ людей, кои умѣли подчинить своимъ страстямъ другихъ. Часто бываетъ, что темпераментъ меланхолическій есть видоизмѣненіе сего послѣдняго. Когда человѣкъ не достигъ своихъ стремленій и сосредоточился внутри себя: то чрезъ это онъ въпадаетъ въ задумчивость и дѣлается раздражительнымъ.

Хладнокровный или флегматическій темпераментъ, какъ показываетъ самое названіе, состоитъ въ умѣренныхъ и даже весьма мало замѣтныхъ чувствованіяхъ и соотвѣтственно въ малой склонности къ жизни дѣятельной. Флегматикъ неподвиженъ въ чувствахъ, какъ и въ дѣятельности наружной.

Перейдемъ теперь къ описанію тѣхъ видоизмѣненій, какія производятъ въ темпераментѣ разныя органическія системы.

А. О ВЛІЯНІИ НА ТЕМПЕРАМЕНТЪ МЫШЕЧНОЙ СИСТЕМЫ.

§ 175.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ ОБЪ УСТРОЙСТВѢ И НАЗНАЧЕНІИ КОСТНОЙ СИСТЕМЫ.

Костная и мышечная системы имѣютъ ближайшее отношеніе къ нервной: ибо онѣ служатъ какъ бы покровомъ и защитою послѣдней, и въ нихъ проявляется устройство нервной системы только болѣе въ грубомъ видѣ. Скелетъ есть оболочка нервной системы; посему части его, ближайшія къ высшимъ частямъ нерва, т. е. головной черепъ, своимъ развитіемъ и устройствомъ

могутъ обнаруживать устройства и свойство самаго мозга, а потому служить основаніемъ для высшихъ соображеній. Величина черепнаго мозга находится въ очевидной зависимости отъ величины и лучшаго обрзованія покрывочной мозговой массы; какое либо особое преимущественное развитіе одной изъ мозговыхъ частей можетъ отражаться и въ черепѣ; слѣд., по устройству его, можно судить, впрочемъ отчасти, и объ устройствѣ мозга. На этомъ-то основаніи и построена вся система краниоскопіи, т. е. сужденіе о способностяхъ души по размѣрамъ черепа.

Отъ костей, гочно также, какъ и отъ другихъ системъ, идутъ свои нервы, переносящіе нервный токъ къ мозгу; но токъ этотъ бываетъ чувствуемъ въ душѣ въ рѣдкихъ случаяхъ. Сюда относятся развѣ чувство силы и легкости, которое раждается въ насъ при лучшемъ состояніи костей. Съ упадкомъ костей, или ихъ разстройствомъ, нервный токъ доноситъ до души сознаніе вялости, тяжести. По направленію костей проявляется усиливающееся до боли чувство слабости. При болѣзненномъ состояніи костей, за каждымъ измѣненіемъ температуры слѣдуетъ извѣстное впечатлѣніе, усиливающееся до ужасной боли. Общее наше чувство, т.е. ощущеніе бытія, состояніе всего организма, есть всегда слѣдствіе тѣхъ нервныхъ токовъ, которые отъ каждой органической системы приходятъ до сознанія. Такъ, напр., когда костная дѣятельность, или обыкновенное состояніе костей нарушено, то нервные токи отъ нихъ доводятъ это до сознанія.

§ 176.

КАКІЯ РАЖДАЮТСЯ ВЪ ДУШѢ СОСТОЯНІЯ ОТЪ МЫШЕЧНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ?

Мышечная система есть тотъ органъ, посредствомъ котораго человѣкъ вступаетъ въ дѣятельное отношеніе съ внѣшнимъ міромъ и посредствомъ котораго выражается реакція души на всѣ внѣшнія впечатлѣнія. Существованіе мышечныхъ волоконъ указываетъ на существованіе такого органа, который передаетъ имъ волю и сообщаетъ имъ движеніе. Нервный токъ, стремясь отъ дѣйствія воли душевной къ оконечностямъ мышцъ, сообщаетъ имъ извѣстное отправленіе. Но такъ какъ отъ мышцъ также идутъ заворотами нервныя волокна: то очевидно всякое движеніе и измѣненіе ихъ одновременно, посредствомъ обратнаго тока, дѣлается извѣстнымъ душѣ. Послѣднія впечатлѣнія, т. е. впечатлѣнія, слѣдующія за нервнымъ токомъ отъ мышцъ къ мозгу, производятъ извѣстныя перемѣны въ душѣ. Крѣпкая, живая, мышечная дѣятельность производитъ пріятное чувство свободы, возвышаетъ охоту, бодрость; напротивъ того, всякая слабая, разстроенная мышечная дѣятельность производитъ скуку; скопленіе въ мозгу нервнаго тока, неиздержаннаго на движеніе, производитъ въ душѣ уныніе, меланхолію и даже помѣшательство. Свободными и быстрыми движеніями душа вступаетъ въ самостоятельное отношеніе съ внѣшнимъ міромъ. Перемѣною мѣста, касательно внѣшнихъ предметовъ, и измѣненіемъ ихъ формы, душа обнаруживаетъ надъ ними свою власть, какъ бы подчиняетъ ихъ себѣ, передаетъ внѣшнему міру свои желанія. Это обнаруженіе душею вліянія надъ внѣш-

нимъ міромъ есть проявленіе ея свободы, сознание ея самостоятельности; посему такія движенія возвышаютъ энергію души. Слабая, задержанная дѣятельность мускуловъ производитъ противоположное ощущеніе, т. е. уныніе, слабость.

Вотъ почему врачи всегда совѣтуютъ больнымъ движеніе, — упражненіе мышцъ: ибо только одно это упражненіе, возбуждая въ душѣ чувство вліянія на внѣшній міръ, чрезъ то самое возвышаетъ душевное положеніе. Кромѣ того, мышечная дѣятельность возвышаетъ дыханіе и кровообращеніе: слѣд. дѣйствуетъ на душу и посредствомъ другихъ системъ.

Если вспомнимъ, что сильное движеніе возбуждаетъ дѣятельность всѣхъ почти органическихъ системъ, что нервный токъ отъ всего организма быстро доходитъ и возвращается въ сознаніе, что въ этой усиленной дѣятельности состоитъ сущность здоровья, то лучше поймемъ значеніе мышцъ. Вотъ отъ чего такъ важно движеніе во многихъ болѣзняхъ, и отъ чего многіе ипохондрики вымечиваются лишь однимъ движеніемъ.

§ 177.

Мышечныя движенія — какъ выраженіе душевныхъ состояній.

Но мышечныя движенія имѣютъ другое значеніе: именно, ими выражаются состоянія души, соотвѣтствующія извѣстнымъ ея чувствамъ. Въ гнѣвѣ всегда обнаруживаются извѣстныя движенія, стремленіе подчинить внѣшній міръ; вотъ почему гнѣвливаго чловѣка можно укротить, остановивши его движенія. Радость

также имѣть свои движенія; врачамъ извѣстно, что самые веселые люди отъ продолжительной неподвижности теряютъ веселость и впадаютъ въ меланхолю и даже помѣшательство.

Отъ такого тѣснаго отношенія между душерасположеніемъ и движеніями мышцъ происходитъ то, что радость и печаль соединены съ извѣстными произвольными, или произвольными сокращеніями волоконъ; а съ другой стороны видъ извѣстно сгруппированныхъ движеній всегда рождаетъ извѣстныя представленія въ душѣ.

Въ радости всѣ мышцы приходятъ въ напряженіе, выпрямляются, сгибаются и разгибаются; отсюда происходитъ бодрое положеніе тѣла, красивыя, волнистыя движенія. Мускулы личной поверхности обѣихъ верхнихъ челюстей сокращаются; щеки дѣлаются выпуклыми, поднимаются вверхъ, чрезъ это поднимаются углы рта и образуютъ улыбку.

Боль сопровождается другими противоположными движеніями. Мускулы тѣла изнемогаютъ, придаютъ чловѣку стѣсненный, особенный видъ; углы рта протягиваются и сгибаются въ дугу, щеки дѣлаются плоскими, мускулы, отводящія губы, напрягаются и ротъ невольно раскрывается.

Гнѣвъ выражается также въ движеніи мышцъ. У разсерженныхъ напрягаются болѣе мышцы груди и движутся личныя мускулы, лежащія около носа. Замѣчательно также, что въ гнѣвѣ происходятъ произвольныя сокращенія желчнаго пузыря, вытѣсняющія желчь; это обстоятельство изъясняется тѣмъ, что печень есть продолженіе дыхательной сферы, которая сильно участвуетъ въ гнѣвѣ. Вотъ почему въ гнѣвѣ разливается

желчь. Страхъ, какъ чувство нѣкоторымъ образомъ противоположное гнѣву, сопровождается и противными мышечными движеніями. Замѣчательно здѣсь съуживаніе лицевой плоскости, которое сообщаетъ физиономіи испуганнаго заостренный видъ.

В. О ВЛІЯНІИ НА ТЕМПЕРАМЕНТЪ КРОВЕНОСНОЙ СИСТЕМЫ.

§ 178.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ПОЛОЖЕНІЯ.

Самое общее и основное положеніе отношенія между душою и кровообращеніемъ есть то, что сіе послѣднее производитъ душераспоженіе. Это общее положеніе Карусъ, знаменитый Нѣмецкій физиологистъ, выразилъ такъ: »Психея, безъ кровеносной системы, или системы, заступающей ея мѣсто, совершенно не имѣла бы душераспоженія (Gemüth) точно также, какъ безъ нервной системы она была бы лишена способности имѣть познанія.« (*) Подъ именемъ этого душераспоженія, происходящаго отъ крови, не надобно понимать то, будто кровообращеніе сообщаетъ душѣ какое либо частное представленіе о несчастіи или о какомъ либо радостномъ событіи, и отъ того душа приходитъ въ веселое распоженіе, или въ уныніе. Органическія сферы, особенно кровеносная, своимъ дѣйствіемъ сообщаютъ душѣ только общее настроеніе, располагаютъ болѣе или къ радости, или печали; словомъ, предрасполагаютъ душу къ такому или другому состоянію. Это дѣйствіе кровеносной си-

---

(*) Смотри. орган. Психологіи Кленке § 56.

стемы на душу происходитъ отъ того, что кровеносные сосуды, по анатомическому изслѣдованію, окружены самыми тонкими нервными нитями, кои всѣ приносятъ къ мозгу обратные токи, сообщающіе душѣ всѣ пере-мѣны кровотеченія.

Основное положеніе это подтверждается всѣми фактами. Наблюденія врачей именно доказали явную параллель между состояніемъ крови и душерасположеніемъ. Человѣкъ веселый тотчасъ теряетъ свою веселость, какъ скоро, по какимъ либо обстоятельствамъ, кровь его ослабѣла въ своемъ теченіи; напротивъ того, самый хладнокровный, или скучный человѣкъ, развеселится при замѣтной быстротѣ и легкости кровообращенія.

Такія пере-мѣны въ движеніи крови производятъ также питье вина, приемъ нѣкоторыхъ лекарствъ и проч. Дѣйствія всѣхъ сихъ средствъ согласно подтверждаютъ сказанное о душерасположеніи. При совершенно нормальномъ состояніи, впечатлѣнія нервовъ, сопровождающихъ кровеносные сосуды, не достигаютъ до сознанія; но въ упомянутыхъ здѣсь случаяхъ они передаютъ душѣ и производятъ измѣненія ея расположенія. Многіе опыты доказали, что всѣ нервы, идущіе отъ тѣхъ органическихъ сферъ, кои называются образовательными, какъ то: пищеварительной, лимфатической и особенно кровеносной, имѣютъ свой центральный заворотъ въ четверохолміи. Слѣд., всѣ впечатлѣнія отъ нихъ могутъ измѣнять покрывочную массу той части мозга, въ которой душа имѣетъ органъ своего расположенія.

Но чтобы не быть одностороннимъ, и потому ложнымъ, не надобно забывать и обратнаго дѣйствія души на кровеносную систему, — дѣйствія, подтверждаемаго

тысячью случаевъ и объясняемаго ими вполне. Представленія и состоянія чисто душевныя, не зависящія ни отъ какихъ органическихъ дѣйствій, производятъ измѣненія крови и ея движенія. Стыдъ заставляетъ кровь приливать къ сердцу; страхъ и забота удаляютъ его отъ оконечности также къ сердцу. Внезапное какое либо извѣстіе радостное или печальное производятъ соответствующія перемѣны кровообращенія. Какія либо несчастныя обстоятельства производятъ въ душѣ уныніе и измѣняютъ составъ крови. Во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣйствіе крови измѣняется вслѣдствіе нервнаго тока, устремленнаго изъ мозга, по одному вліянію чисто душевныхъ представленій. Душа сама независимо отъ состоянія крови приходитъ въ веселое или грустное расположеніе отъ своихъ собственныхъ представленій. Замѣчательны поэтому примѣры произвольнаго вліянія воли на кровообращеніе. Карусь разказываетъ объ одномъ молодомъ человѣкѣ, который силою воли могъ ускорять или замедлять бѣненіе пульса.

Послѣ сихъ общихъ положеній перейдемъ къ частнымъ объясненіямъ соотношенія души и кровеносной системы.

§ 179.

ПОЧЕМУ КРОВООБРАЩЕНІЕ ПРОИЗВОДИТЪ ДУШЕ- РАСПОЛОЖЕНІЕ?

Чтобъ рѣшить этотъ вопросъ, надобно имѣть въ виду значеніе крови. Кровь есть какъ бы жидкое мясо, она есть органъ, который дополняетъ, замѣняетъ и исправляетъ всѣ поврежденія другихъ органовъ. Кровь,

то сближается съ воздухомъ, чтобы принять отъ него кислородъ, то погружается глубоко въ организмъ, чтобы каждому мѣсту доставить свой питательный элементъ. Чѣмъ быстрѣе, чѣмъ чище и лучше движется кровь: тѣмъ она болѣе соотвѣтствуетъ своему назначенію, и тѣмъ впечатлѣнія отъ нея на душу бываютъ пріятнѣе, и душерасположеніе возвышается. Напротивъ того, чѣмъ кровь движется слабѣе, чѣмъ она гуще, испорченнѣе, тѣмъ нервныя токи, отъ нее идущіе къ мозгу, доставляютъ душѣ впечатлѣнія тяжелыя, и душерасположеніе падаетъ. Это возвышеніе и пониженіе душерасположенія дѣйствительно всегда слѣдуетъ за кровообращеніемъ. Какимъ образомъ, напр., выпитый стаканъ вина производитъ веселое расположеніе? Вино усиливаетъ движеніе крови, заставляетъ пульсъ биться сильнѣе, и чрезъ это возвышаетъ расположеніе души. Но когда это состояніе проходитъ, наступаетъ упадокъ и ослабленіе души. Точно также, если человѣкъ и въ веселомъ расположеніи принимаетъ средство, ослабляющее кровообращеніе, то настроеніе его духа скоро измѣняется. Врачи, часто пробовавшіе многія лекарства, пришли на счетъ сего къ согласнымъ результатамъ. Въ доказательство всего здѣсь сказаннаго можно привести много и другихъ фактовъ. Извѣстныя продолжительныя состоянія, происходящія, напр., отъ характера флегматическаго, производятъ окостенѣніе внутреннихъ артеріальныхъ оболочекъ, что особенно замѣчено у Англичанъ. Наблюдая надъ самими собою, мы можемъ увѣриться, что всякое радостное извѣстіе возбуждаетъ біеніе сердца, и мы чувствуемъ тогда какую-то легкость. Продолжительная печаль производитъ порчу крови въ венныхъ сосудахъ, и кровь полу-

чаетъ темный, траурный цвѣтъ; между тѣмъ продолжительныя радостныя впечатлѣнія возбуждаютъ артеріальную кровь.

Во многихъ болѣзняхъ состояніе души и крови отражается другъ въ другъ.

В. О ВЛІЯНІИ НА ТЕМПЕРАМЕНТЪ ПИЩЕВАРИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ.

§ 180.

ОБЩЕЕ ЗНАЧЕНІЕ СИСТЕМЫ ПИЩЕВАРЕНІЯ.

Пищеварительная система есть такой органъ тѣла, который можно назвать преимущественно органомъ самосохраненія. Посредствомъ желудка, человекъ уподобляетъ себѣ всякое способное къ его поддержанію вещество, т.е. превращаетъ въ свое тѣло всякую пищу, сохраняетъ себя на счетъ постороннихъ вещей. Это дѣйствіе организма въ душѣ отражается сроднымъ ему представленіемъ или чувствомъ, именно эгоизмомъ: ибо эгоизмъ есть стремленіе души, подобное стремленію желудка, уподобить себѣ, сдѣлать для себя годнымъ все постороннее. Это отраженіе дѣйствія пищеваренія въ душѣ происходитъ посредствомъ многихъ нервовъ, которыми пищеварительная сфера сообщается съ мозгомъ и которые доносятъ до него свои токи, возбуждающіе въ душѣ извѣстныя представленія.

§ 181.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЕ ФАКТЫ.

Наблюденія и опыты доказываютъ, что у всѣхъ эгоистовъ преобладаетъ система пищеваренія. Люди, которые любятъ много ѣсть и пить, обнаруживаютъ явное самолюбіе, такъ что, по словамъ Каруса, всякаго упитаннаго обжору безъ дальняго изслѣдованія можно причислить къ эгоистамъ. Это оправдывается не только примѣрами частныхъ лицъ, но и цѣлыхъ народовъ.

Тѣсное соотвѣтствіе эгоизма съ пищеварительною системою обнаруживается и при патологическихъ явленіяхъ: ибо, какъ скоро система пищеваренія разстроена, нѣкоторые люди дѣлаются сварливы, обидчивы, что проходитъ съ возстановленіемъ здоровья. Извѣстно также простое ежедневное явленіе, что при полученіи какой либо радости тотчасъ чувствуется стремленіе къ удовольствіямъ стола. Эгоистъ въ самомъ даже выраженіи лица представляетъ характеристическое явленіе: потому что взглядъ его представляетъ особый типъ. Далѣе, повторительное употребленіе въ пищу какихъ либо однородныхъ веществъ сообщаетъ и пищеварительной системѣ особое состояніе, особую восприимчивость. Кто, напр., всегда употребляетъ растительную пищу, у того и желудокъ имѣетъ иное расположеніе, чѣмъ у того, кто привыкъ къ животной пищѣ. Но это состояніе желудка невольно отражается и въ душѣ и можетъ измѣнить склонности и расположенія, какъ это и оправдываетъ ежедневный опытъ. Жители, напр., сѣверныхъ частей Европы, наиболѣе употребляющіе пищу животную, явно обнаруживаютъ и большое само-

любіе; напротивъ, жители южныхъ странъ, довольствующіеся одними лишь растительными веществами, менѣе склонны къ эгоизму.

Г. ВЛІЯНІЕ НА ТЕМПЕРАМЕНТЪ СИСТЕМЫ ДЫХАНІЯ.

§ 182.

ЗНАЧЕНІЕ ДЫХАНІЯ ДЛЯ ОРГАНИЗМА И ОТРАЖЕНІЕ ЕГО
ВЪ ДУШѢ.

Дыханіе имѣетъ высокое значеніе для организма. Посредствомъ дыханія организмъ заимствуетъ изъ внѣшней природы существенный ея элементъ — кислородъ. Когда кровь устремляется къ легкимъ, то онъ вступаетъ въ самое ближайшее соотношеніе съ воздухомъ, разлагая его, чтобъ заимствовать кислородъ. При этомъ сама кровь перемѣняется въ составныхъ частяхъ; ибо въ ней перегараетъ все постороннее, ненужное для организма, и дѣлается чрезъ то красною. Такимъ образомъ до соединенія съ воздухомъ венная кровь бываетъ лишняя для организма, а послѣ соединенія она обновляется, становится живою и полезною. Поэтому организмъ посредствомъ дыханія одушевляется во всемъ своемъ составѣ чрезъ освобожденіе ненужной части и пріобрѣтеніе нужнаго важнаго дѣтеля,

Такое благотворное дѣйствія дыханія отражается въ душѣ ощущеніемъ бодрости, веселости и самостоятельности. Иной постоянно бываетъ веселъ, бодръ; другой, напротивъ, унылъ, боязливъ и малодушенъ. Эти два состоянія происходятъ ближайшимъ образомъ отъ состоянія ихъ дыхательной системы. Даже всякій изъ насъ испы-

талъ; какая бываетъ въ насъ бодрость, веселость и ясность на чистомъ воздухѣ; напротивъ того, какъ бываетъ тяжело, скучно въ стѣсненномъ, тяжеломъ воздухѣ. Сильное движеніе, быстрое дыханіе цѣлительнаго воздуха, возбуждая всю жизнь организма, возвышаетъ чувство бытія, которое становится замѣтнѣе при этомъ сильномъ напряженіи. Посему слово *дыханіе плевра* имѣетъ глубокое значеніе, и въ книгѣ Бытія лучше, нежели во всякой физиологіи, объяснено это глубокое отношеніе дыханія къ жизни, *и воynu въ лице его дыханіе жизни и бысть человекъ въ душу живу*. Прекрасно выражается Карусъ въ своей физиологіи: какъ чрезъ соединеніе съ земнымъ магнетизмомъ увеличивается сила магнита, повышеннаго къ магнитному меридіану земли, какъ увеличивается дѣйствіе солнца на земныя тѣла, при ихъ совпадении съ прямою линіею напряженія солнечной среды съ земнымъ центромъ, какъ несомнѣнно энергія матери возбуждаетъ жизнь зародыша: такъ возбуждается жизненная энергія эпителигорической твари, когда, при всей цѣлости жизни, она вступаетъ во взаимное дѣйствіе съ теллюрическимъ организмомъ. (*)

Это благотворное вліяніе дыханія на душу производится посредствомъ нервныхъ токовъ, проходящихъ по нервнымъ волокнамъ, соединяющимъ систему дыханія съ мозгомъ. Но не должно думать такъ, будто бодрость, веселость могутъ быть слѣдствіемъ только исключительно этого отношенія. Есть много другихъ причинъ, рождающихъ тѣже явленія; но система дыхательная служитъ какъ-бы выраженіемъ и органомъ этихъ ду-

---

(*) Смотри. Псих. Кленке § 94.

шевныхъ явленій. Кто съ открытымъ духомъ имѣеть готовность воспринимать всѣ внѣшнія явленія, кто, подобно кислороду при вдыханіи, усволяетъ себѣ всѣ внѣшніе факты, того называютъ добрымъ, веселымъ.

§ 183.

БЛИЖАЙШЕЕ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ СЕГО СООТНОШЕНІЯ.

Физиологическое наблюдение показываетъ, что самое сильное или слабое, самое здоровое или болѣзненное существованіе находятся въ тѣсномъ отношеніи съ системою дыханія. Слабое дыханіе всегда соединено съ недостаточнымъ развитіемъ костной и мышечной системъ. Животныя, имѣющія слабое дыханіе, напр., рыбы, моллюски, имѣютъ мышечную систему мало развитую. Птицы и насѣкомыя, имѣющія сильное дыханіе, обладаютъ и значительнымъ развитіемъ системы костной. Самое различіе половъ, касательно ихъ силы и крѣпости, всегда обнаруживается разностию дыханія. Мужчины имѣютъ сильнѣйшую систему дыханія, чѣмъ женщины. Женopodobные мужчины имѣютъ слабую рѣчь и голосъ, а мужеподобныя женщины грубый, мужескій голосъ. Словомъ, всѣ факты показываютъ, что дыханіе представляетъ внутреннюю крѣпость, или слабость человѣка. Голосъ, который есть слѣдствіе дыханія, обнаруживаетъ состояніе дыхательной системы. Рѣчь громкая, рѣзкая, ясно показываетъ сильную грудь, а рѣчь слабая указываетъ на слабое дыханіе. Изъ всѣхъ этихъ фактовъ ясно слѣдуетъ, что система дыханія должна имѣть ближайшее отношеніе къ состоянію душевному, возбуждая въ ней

ощущеніе жизненности, бодрости и веселости, или же производя противоположныя состоянія. Но чтобы сильнѣе въ этомъ убѣдиться, обратимся къ ежедневнымъ опытамъ. Всякій испыталъ надъ собою, какъ различно наше душевное расположеніе на чистомъ, свѣжемъ воздухѣ, и въ душной, городской атмосферѣ. Въ горныхъ мѣстахъ человѣкъ чувствуетъ себя счастливымъ, веселымъ, — онъ тамъ иначе смотритъ на вещи; словомъ, онъ тамъ другой человѣкъ. Напротивъ того, человѣкъ, живущій въ спертomъ воздухѣ, чувствуетъ давленіе на грудь и во снѣ видитъ страшныя вещи. Еще замѣчательнѣе душевныя проявленія разстроеннаго дыханія въ болѣзняхъ: напр., то странное явленіе въ нѣкоторыхъ чахотныхъ, что они обнаруживаютъ разительную бодрость, не вѣрять своей опасности и иногда предъ самою минутою смерти мечтаютъ о долгой жизни и счастіи, объясняется тѣмъ, что дыханіе у нихъ приняло ненормальное напряженіе; кровь ихъ, не будучи возобновляема достаточно въ пищевареніи, стремится въ вену, и здѣсь улетучивается. Напротивъ, люди удушливые, хотя бы и при слабой степени болѣзни, становятся чрезвычайно мрачными и малодушными.

Д. ОТНОШЕНІЕ ЛИМФАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КЪ ТЕМПЕРАМЕНТУ.

§ 184.

ОСНОВАНІЕ СЕГО СООТНОШЕНІЯ.

Чтобы видѣть основаніе, по коему можно заключать объ особенномъ отношеніи лимфатической системы къ

душѣ, приведемъ слова Каруса. »Чтобы положить основаніе тому ученію, котораго опытъ мы сдѣлали впервые, надобно помнить, что лимфатическая система служить дополненіемъ пищеварительной; ибо въ нее поступаетъ питательный сокъ (chylus), выработанный въ желудкѣ, чтобъ перейти въ кровь.« (*)

Поэтому пустота лимфатической системы возбуждаетъ въ душѣ желаніе пищи твердой и жидкой и отражается въ ней вождельніемъ, стремленіемъ къ внѣшнему. Наполненіе ея возбуждаетъ въ ней удовлетвореніе — и сходное съ нимъ чувство довольства, пресыщенія, равнодушія.

§ 185.

Физиологическія доказательства сказаннаго.

Наблюденія и опыты физиологическіе подтверждаютъ сказанное здѣсь. Оба эти явленія лимфатической дѣятельности, т. е. ея оскудѣніе и переполненіе, выражаются въ душѣ: первое — стремленіемъ къ улучшенію, пріобрѣтенію внѣшняго; второе — самодовольствіемъ, желаніемъ уединеннаго спокойствія и равнодушіемъ къ тому, что прежде намъ нравилось. Такія явленія особенно явственны при патологическомъ состояніи лимфатической системы. Лимфа можетъ быть или особенно пустою, или же слишкомъ наполненною, сильно возбужденною или же торпидною, какъ бы парализованною. Въ первомъ случаѣ являются въ человѣкѣ вождельнія, желанія и мечтательность. Всякій можетъ замѣтить, что многіе особенно

мечтательны бывают на пустой желудокъ, когда человекъ чувствуетъ голодь и пр. Люди плотные не бываютъ столь мечтательны, какъ люди тощiе, худые. Напротивъ того, равнодушiе и пресыщенiе внѣшнею жизнью бываетъ слѣдствiемъ наполненiя лимфатическихъ сосудовъ. Когда же система эта подвержена безчувственности въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ, напр. въ водяной, происходитъ совершенное безстрастiе, неподвижность духа; больной водяною не обнаруживаетъ ни малѣйшаго желанiя къ приобрѣтенiю. Извѣстно также, что люди флегматическаго сложенiя не бываютъ жадны и не обнаруживаютъ вожделнiй. Если же лимфатическая система возбуждена, раздражена чрезъ мѣру, какъ у чахотныхъ, у золотушныхъ, въ такомъ случаѣ въ душѣ обнаруживается стремленiе къ лучшему, надежда и пр.

Е. ЗНАЧЕНIЕ СИСТЕМЫ ОТДѢЛИТЕЛЬНОЙ.

§ 186.

Физиологическое значенiе отдѣленiй.

Отдѣленiя въ организмѣ суть послѣднiй актъ крови, окончивающей свое назначенiе и возвращающей въ стихiйные элементы. Кровь начинаетъ свое броженiе въ дыханiи; обновившись въ немъ, кровь отдѣляетъ послѣ того нѣкоторые продукты, какъ то: желчь, слюну, которыя должны еще выполнить особое назначенiе, а другiя ея части, которыя уже не нужны организму, тотчасъ отдѣляются изъ него въ видѣ пота, мочи, слезъ и пр. Посему отдѣленiя представляютъ разрѣшающiйся, жидкiй организмъ. Центръ отдѣлительной системы есть пе-

чень. Поелику же отдѣленія суть какъ бы противоположный полюсъ дыханія, то они имѣютъ и противоположное душевное проявленіе, т. е. выраженіе унынія, печали, тоски и пр.

Изъ всего сказаннаго доселѣ въ этой главѣ слѣдуетъ, что кровь своею разнообразною дѣятельностію производитъ такъ называемое душеразположеніе. Обращеніе крови, т. е. стремленіе, то къ внѣшнему міру, то къ организму — производитъ въ душѣ самое движеніе душеразположенія. Кровь, стремясь къ внѣшнему міру, воодушевляется и производитъ въ душѣ веселость, бодрость, — а съ другой, приходя въ печень къ своему окончанію, какъ къ разрѣшенію, возбуждаетъ въ душѣ чувство дисгармоніи. Движеніе, уподобленіе крови, ея окисленіе отъ воздуха, выражаетъ въ душѣ бодрость, веселость; противоположное ея дѣйствіе, т. е. уничтоженіе, разрѣшеніе, отражается въ ей угнетѣніемъ.

§ 187.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА СКАЗАННАГО.

Человѣкъ въ спокойномъ состояніи находится какъ бы въ равновѣсіи съ самимъ собою и съ внѣшнимъ міромъ. Душеразположеніе его соотвѣтствуетъ нормальному движенію крови. Напротивъ того, спокойное душеразположеніе есть разстройство, разъединеніе однообразія и нормальности въ дѣйствіи крови. Какъ скоро чувство собственнаго бытія помрачено, то являються различныя страсти, беспорядочныя состоянія. Таковы, напр., уныніе, происходящее отъ потери единства съ самимъ собою, тоска и пр. душевныя состоя-

нія, болѣе противодѣйствующія непріязненнымъ внѣшнимъ предметамъ, напр., досада, гнѣвъ и пр. Во всѣхъ сихъ состояніяхъ организмъ становится вялымъ, пищевареніе ослабѣваетъ, отдѣленія увеличиваются, силы падаютъ и пр. Среднее между сими двумя состояніями есть состраданіе. Оно есть какъ бы поставленіе себя на мѣсто другаго и принятіе его печали и разстройства на себя. Состраданіе всегда сопровождается извѣстными отдѣленіями, напр., отдѣленіемъ слезъ; иногда увеличивается именно то органическое отдѣленіе, которое должно служить пособіемъ для страждущаго, напр., отдѣленіе молока у матери. Мать, которая сильно любитъ своего ребенка, болѣе отдѣляетъ молока; но у той, которая разсѣяна, оно отдѣляется въ весьма маломъ количествѣ. Замѣчательно, что у нѣкоторыхъ женщинъ, и даже у мужчинъ, тронутыхъ видомъ беспомощнаго ребенка, невольно образуется въ груди молоко. У людей, удрученныхъ тоскою и уныніемъ, увеличиваются отдѣленія, ослабленіе питанія, желчные разливы; у нихъ развивается сверхъ того венозность крови, признакъ, что кровь — жидкій организмъ обугливается, стремится къ смерти. Если эти состоянія достигаютъ высшей степени, то умираніе крови отражается въ душѣ ощущеніемъ или стремленіемъ къ самоубійству. Извѣстно также, что мгновенный испугъ производитъ сильныя отдѣленія. Замѣчательно, что во время досады и гнѣва — когда человѣкъ стремится къ уничтоженію внѣшняго, — обильно отдѣляется слюна. Слюна въ этомъ состояніи у многихъ животныхъ бываетъ ядовитою, напр., въ бѣшенномъ состояніи собаки. Даже у людей разсерженныхъ слюна дѣлается вредною. Но такъ какъ кровь въ гнѣвѣ

въ большомъ количествѣ притекаетъ къ воротной печени, гдѣ она умираетъ, то человекъ чувствуетъ угнетѣніе, упадокъ, давленіе. Извѣстно также, что всякое патологическое страдательное состояніе печени соединено съ измѣненіемъ душевнаго расположенія. Отсюда названіе желчный человекъ. У людей, страдающихъ печенью, всегда замѣтно особенное влеченіе къ скорби, къ самоуничтоженію, или наклонность къ гнѣву. Люди, подвергнутые разлитію желчи, имѣли часто наклонность къ самоубійству.

§ 188.

· **ТЕМПЕРАМЕНТЪ** ЕСТЬ СВОЙСТВО СОБСТВЕННО ДУШИ.

Изъ всего, сказаннаго доселѣ о тѣхъ вліяніяхъ, какія весь организмъ и отдѣльныя системы его имѣютъ на душу, явствуетъ, что всѣ душевныя расположенія, всѣ виды пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній, удовольствій и печалей, словомъ, весь темпераментъ человека есть слѣдствіе взаимнаго вліянія и совмѣстнаго бытія души съ тѣломъ. Видѣли мы, что кровообращеніе производитъ дуперасположеніе; дыханіе — бодрость, веселость, или же робость, малодушіе; печень, — гнѣвъ, досаду или соболѣзнованіе и пр., но самыя эти состоянія, т. е. самыя ощущенія бодрости, веселости, гнѣва находятся въ душѣ, а не въ организмѣ: онѣ суть душевныя явленія, происходящія иногда вслѣдствіе органическихъ перемѣнъ, и иногда совершенно независимо отъ сихъ послѣднихъ. Было-бы нелѣпо, напр., думать, что, когда я получаю какое либо извѣстіе, и во мнѣ родилась радость, гнѣвъ, досада, или сожалѣніе, мрачность, —

эти состоянія произошли отъ какихъ либо органическихъ причинъ. Они произошли независимо отъ нихъ, и въ свою очередь могутъ произвести, и дѣйствительно производятъ перемѣны именно въ тѣхъ органическихъ сферахъ, кои имъ соотвѣтствуютъ. Далѣе, необходимо еще прибавить, что воля человѣка можетъ несомнѣнно уменьшать и даже уничтожать эти органическія вліянія на душу. Въ этомъ легко могутъ удостовѣриться всѣ наблюдающіе надъ собою. Положимъ, напр., извѣстное болѣзненное состояніе той или другой сферы должно производить въ душѣ извѣстное ощущеніе, напр. раздражительность. Но много есть такихъ людей, кои очень хорошо сознаютъ, что ихъ раздражительность, недовольство происходятъ отъ болѣзненнаго состоянія, стараются преодолѣвать себя и успѣваютъ сохранить бодрость и спокойное состояніе духа. Только люди съ мало развитымъ самосознаніемъ и слабою волею вполнѣ подчиняются своимъ органическимъ вліяніямъ и слѣдуютъ своему природному нраву, но люди съ болѣе развитыми понятіями и крѣпкою волею мало помалу научаются вполнѣ владѣть своими чувствами.

В. О ХАРАКТЕРѢ.

§ 189.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ ХАРАКТЕРА.

Подъ именемъ характера разумѣется тотъ постоянный и общій образъ дѣятельности человѣка, который всегда бываетъ слѣдствіемъ единообразнаго настроенія всѣхъ душевныхъ силъ и, слѣд., выражаетъ внутреннюю

сущность души, т. е. умственные и нравственные ея особенности. Изъ этого очевидно, что въ образованіи характера принимаютъ участіе всѣ силы и способности человѣка, и что характеръ человѣка есть, можно сказать, весь человѣкъ. Отсюда же очевидно и то, почему изслѣдованіе о характерѣ должно быть заключительною главою психологіи. Въ этомъ опытѣ изученія души мы старались, чтобы предъидущее всегда подготовляло послѣдующее и чтобы сіе послѣднее всегда было слѣдствіемъ предшествовавшаго. Вотъ почему о характерѣ мы пишемъ теперь, когда уже изслѣдовали все, что составляетъ характеръ.

§ 190.

ОТЪ ЧЕГО ЗАВИСИТЪ РАЗЛИЧІЕ ХАРАКТЕРОВЪ?

Въ образованіи характера, какъ было сей часъ замѣчено, участвуютъ всѣ силы и способности души, но не всегда въ одной и той же степени. Большею частью въ характерѣ замѣчается преобладающее вліяніе однѣхъ способностей предъ другими. Въ этомъ состоитъ основаніе того разнообразія въ характерахъ, которое замѣчается въ людяхъ, и по которому каждый человѣкъ, можно сказать, имѣетъ свой собственный характеръ. Если дѣятельность воли строго подчинена расчетамъ ума, то происходитъ характеръ благоразумный, расчетливый, хладнокровный, хитрый. Если она болѣе подчиняется движеніямъ сердца или чувствъ, то происходитъ характеръ чувствительный, добрый, сострадательный и пр. Если человѣкъ увлекается сильными чувствами, дѣйствуетъ всегда безъ большихъ соображеній, но быс-

тро: то значить характеръ у него пламенный, быстрый, иногда опрометчивый и пр. Всякая, не только отдѣльная способность, но и отдѣльное чувство можетъ овладѣть волею и управлять дѣятельностью. Если человѣкъ преданъ одной какой либо страсти, одному стремленію: то у него образуется и характеръ сообразный съ этою страстью. Таковы бывають характеры людей честолюбивыхъ, гнѣвливыхъ, гордыхъ и пр.; словомъ, множество обстоятельствъ могутъ разнообразить до безконечности людскіе характеры. Посему-то и весьма трудно подвести всѣ характеры подъ извѣстное дѣленіе на роды и виды. Но сверхъ преобладающаго вліянія той или другой способности, разнообразіе характеровъ происходитъ и отъ различныхъ внѣшнихъ вліяній.

§ 191.

Вліяніе климата на образованіе характера.

Вліяніе мѣстности и климата на образованіе характера весьма сильно, и извѣстно всякому, такъ что на сіе не требуется доказательствъ. Отъ этого вліянія и происходитъ народный характеръ разныхъ племенъ и различныхъ странъ. Очевидно само собою, что въ климатѣ благорастворенномъ, тепломъ, на почвѣ плодородной и изобильной, въ воздухѣ свѣжемъ и здоровомъ, характеръ человѣка развивается иначе, чѣмъ въ климатѣ нездоровомъ, суровомъ и пр.. Если даже всякая жизненная личность иначе чувствуетъ себя и поступаетъ въ свѣжемъ и пріятномъ воздухѣ, иначе въ воздухѣ нездоровомъ, удушливомъ: то тѣмъ болѣе должно признать вліяніе воздуха, когда оно продолжается во всю жизнь.

Жители, напр., долинь имѣютъ иной характеръ, чѣмъ жители возвышенныхъ странъ. Въ характерѣ послѣднихъ преобладаетъ склонность къ самостоятельной жизни, въ сердцѣ — чувство свободы. Въ особенности же замѣчательнъ въ этомъ отношеніи характеръ жителей горъ. Вліяніе здороваго климата, чистаго, вольнаго, горнаго воздуха проявляется на нихъ самымъ разительнымъ образомъ. Они всегда отличаются мужествомъ, бодростію, веселостію, вѣрностію. Въ нихъ и наружныя и внутреннія свойства носятъ ясный отпечатокъ вліянія климата. Они любятъ свободу и независимость, которую они вдыхаютъ какъ бы вмѣстѣ съ воздухомъ.

Еще болѣе увѣримся мы во вліяніи климата на характеръ, если припомнимъ изъ исторіи, какъ племена, переселившіяся изъ одной страны въ другую, напр., переселенцы изъ Испаніи, Германіи и другихъ странъ въ Америку, перераждаются совершенно, измѣняясь еще болѣе по темпераменту, чѣмъ по наружнымъ своимъ свойствамъ. Такое вліяніе климата на характеръ объясняется тѣмъ, что климатъ совершенно преобразуетъ организмъ человѣка, а чрезъ то измѣняетъ и душевныя свойства, кои, какъ видѣли прежде, имѣютъ отъ нихъ большую зависимость.

§ 192.

Вліяніе воспитанія на образованіе характера.

Образъ воспитанія имѣетъ еще сильнѣйшее вліяніе на образованіе характера. Воспитаніе именно къ тому и должно быть направлено, чтобъ измѣнить или установить нравственный темпераментъ человѣка, и разумное вос-

питаніе всегда сообщает чловѣку извѣстное, на всю жизнь остающееся, настроеніе. Чтобы увѣриться въ этомъ, сравнимъ двухъ людей, изъ коихъ одинъ воспитанъ по всѣмъ правиламъ благоразумія, а другой былъ оставленъ на произволь природы. Какое замѣтно огромное различіе между ними, различіе во всѣхъ способностяхъ, во всѣхъ наружныхъ и внутреннихъ свойствахъ. Начиная съ простыхъ движеній, съ употребленія своихъ рукъ и ногъ, и до самыхъ высшихъ дѣйствій ума и сердца, воспитаніе кладетъ особый отпечатокъ на все. Это удивительное различіе чловѣка цивилизованнаго отъ дикаря, которое дѣлаетъ ихъ будто двумя разными существами, основано именно на воспитаніи. (*)

Въ чловѣкѣ необразованномъ страсти необузданны, дѣйствія его подчинены всегда грубымъ, животнымъ чувствамъ: весь онъ, такъ сказать, болѣе приближается къ животному, нежели къ чловѣку. Чловѣкъ образованный, напротивъ того, слѣдуетъ болѣе внушеніямъ ума, чѣмъ стремленію страстей. Не говорю, чтобы въ немъ не было тѣхъ же чувствъ и страстей, какими природа надѣляетъ всѣхъ вообще своихъ дѣтей; но страсти эти въ немъ проявляются совсѣмъ не такъ, какъ у необразованныхъ: онѣ въ немъ смягчены, подчинены разсудку.

(*) Чрезвычайно замѣчательно, какъ измѣняется характеръ дикихъ дѣтей Кавказа, съ малыхъ лѣтъ воспитавшихся въ заведеніяхъ Русскаго Государства. Два брата горца, изъ коихъ одинъ выросъ въ горахъ, а другой воспитался въ какомъ либо корпусѣ столичномъ, становятся столь различными другъ отъ друга, какъ два чловѣка, принадлежащіе двумъ различнымъ націямъ. Правда, что иногда природныя склонности такъ сильны, что ихъ ничѣмъ не истребишь, и подъ наружною образованнаго чловѣка, упомянутыя лица скрываютъ иногда всѣ прежнія наклонности, но измѣненіе большею частію бываетъ все таки разительное.

Воспитаніе именно должно быть направлено къ преобразованію естественнаго человѣка. То еще нельзя назвать воспитаніемъ, или образованностію, когда человѣкъ научился искусно маскировать свои страсти и пороки, или сообщилъ имъ блестящій лоскъ. Напротивъ того, образованіе должно умѣрять или же уничтожать природную грубость чувствъ.

§ 193.

Вліяніе религіи на характеръ.

Вліяніе религіи на характеръ бываетъ самое глубокое и неотразимое. Это доказывается и исторіею и различіемъ въ характерѣ народовъ, исповѣдующихъ различныя вѣры.

Стоитъ только слегка сообразить, какую переменъ въ мысляхъ и дѣлахъ народовъ произвела христіанская вѣра, чтобъ удостовѣриться въ этомъ. Христіанская вѣра измѣнила мысли человѣка, переменила ихъ чувства, сообщила имъ кротость, человѣчность, дала волѣ другое направленіе и, указавъ новыя цѣли стремленій, установила новыя отношенія между людьми, указавъ имъ любовь и братство, какъ основы общественнаго благополучія; словомъ, она совершенно преобразила людей во всѣхъ отношеніяхъ.

Но чтобы лучше видѣть вліяніе религіи, сравните въ настоящее время двухъ человѣкъ: Христіанина и магометанина. Пусть оба будутъ вполне сообразны своимъ религіямъ, вполне проявляютъ въ себѣ идею ихъ. Какое между ними можно найти сходство? Ни малѣйшаго! По характеру своему, это будутъ какъ бы совершенно осо-

быя существа. Въ то время, какъ одинъ изъ нихъ будетъ исполненъ самыхъ кроткихъ чувствъ; въ то время, какъ душа и сердце его вполне преданы высшимъ и благороднѣйшимъ помысламъ: другой питаетъ въ себѣ другія противоположныя чувства и стремленія. Магометанинъ исполненъ самымъ нестерпимымъ фанатизмомъ. Онъ стремится къ грубѣйшимъ чувственнымъ удовольствіямъ, считаетъ всякаго иновѣрца животнымъ, имѣя самыя низкія и нелѣпыя понятія о добрѣ и злѣ. Сверхъ того это грубое понятіе о неизбѣжной судьбѣ совершенно подавляетъ его способности, энергію воли, и дѣлаетъ существомъ тупымъ и мечтательнымъ.

§ 194.

Вліяніе на характеръ образа правленія и гражданскаго устройства.

Вліяніе образа правленія и исторической судьбы народа на образованіе отдѣльныхъ характеровъ не менѣе значительно и не менѣе замѣчательно. Чтобъ увѣриться въ этомъ, всего лучше сравнить подданныхъ государства, управляемаго мудрымъ, твердымъ монархомъ, подъ твердыми законами, съ подданными тѣхъ государствъ, въ которыхъ вмѣсто твердыхъ законовъ господствуетъ произволь тираннической власти. Возмите, напр., характеръ Персіянина, характеръ скрытный, низкій, коварный, подавленный страхомъ, рабскій, и сравните съ характеромъ Европейца, и вы увѣритесь въ отличіи ихъ. Особенно рѣзко проявляется различіе характера женскаго пода отъ образа ихъ жизни въ Европейскихъ и Азіятскихъ государствахъ.

§ 195.

Врождены ли человеку характеръ и темпераментъ?

Изъ предыдущаго ясно слѣдуетъ, что характеръ всякаго отдѣльнаго человека и цѣлыхъ народовъ образуется или подъ вліяніемъ многихъ, совмѣстно дѣйствующихъ причинъ, или же при исключительномъ вліяніи одной какой либо причины. Это замѣчаніе нѣсколько приближаетъ насъ къ рѣшенію предложеннаго здѣсь вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, характеръ человека на столько можно признать человекомъ врожденнымъ, на сколько тѣ причины, подъ вліяніемъ которыхъ онъ образуется, предшествуютъ его образованію и устанавливаютъ его формирование. Поелику человекъ рождается въ извѣстномъ климатѣ, воспитывается въ извѣстной религіи, подъ вліяніемъ извѣстныхъ политическихъ и нравственныхъ правилъ, въ особенности же получаетъ свой организмъ отъ извѣстныхъ родителей, то все это заранѣе опредѣляетъ будущій его характеръ. Но поелику характеръ, какъ мы сказали прежде, образуется чрезъ свободную дѣятельность, то его должно считать болѣе приобрѣтеннымъ, чѣмъ врожденнымъ. Что же касается собственно до темперамента, то его надобно признавать болѣе врожденнымъ, чѣмъ приобрѣтеннымъ: ибо темпераментъ есть слѣдствіе органическихъ вліяній на душу; но извѣстно, что происхожденіе отъ извѣстныхъ родителей имѣетъ сильное дѣйствіе на образованіе темперамента. Физиологія объясняетъ, что тѣло человека, происходя отъ сѣмени родителей, получаетъ свойства того организма,

изъ котораго оно произошло, а вмѣстѣ съ тѣмъ человекъ наследуетъ, при малыхъ исключеніяхъ, и всѣ душевныя качества родителей, т. е. ихъ темпераментъ. Отсюда объясняется то замѣчательное явленіе, что семейный характеръ какого либо человека на цѣлыя вѣка переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, а иногда цѣлыя даже народы носятъ на себѣ отпечатокъ характера своего предка. Впрочемъ этому явленію содѣйствуютъ, кромѣ того, многія подобныя обстоятельства. Младенецъ, воспитывающійся въ кругу извѣстнаго семейства, заимствуетъ первыя впечатлѣнія и первыя мысли отъ тѣхъ людей, кои его окружаютъ. На него неотразимо дѣйствуютъ примѣры его окружающихъ. Итакъ чтоже удивительнаго, если онъ наследуетъ и понятія, и чувства, и предразсудки, и весь темпераментъ своихъ родителей, и передаетъ тоже самое своему потомству? Но не должно думать такъ, будто бы только что родившійся младенецъ уже имѣлъ какой либо зачатокъ или зародышъ извѣстнаго характера: въ немъ есть только возможность къ усвоенію болѣе одного характера, чѣмъ другаго, есть условія, которыя его будутъ дѣлать способнымъ къ принятію извѣстнаго характера и трудному усвоенію другаго.

Самая возможность воспитанія нравственнаго, т. е. сообщенія человеку извѣстнаго нравственнаго состоянія, показываетъ, что вліяніе природныхъ склонностей не такъ неизбѣжно, чтобъ ихъ нельзя было, если не уничтожить, то значительно ослабить, и чтобъ сильная воля человека не могла сопротивляться природнымъ влеченіямъ.

§ 196.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ГЛАВЫ.

Мы представили въ этомъ второмъ отдѣленіи результаты трудовъ новѣйшихъ Германскихъ ученыхъ, старавшихся ближайшимъ образомъ изслѣдовать отношеніе между душою и организмомъ. Но да не подумаютъ, чтобъ этими трудами окончательно былъ рѣшенъ тотъ существеннѣйшій пунктъ сего вопроса, который былъ поводомъ тысячи теорій и гипотезъ, и всегда останется неразгаданною тайною природы. Какой же это вопросъ? Онъ состоитъ именно въ томъ, какимъ образомъ перемѣны органическія могутъ окончательно отражаться въ душѣ, а съ другой стороны, какъ душа можетъ дѣйствовать на тѣло? Чтобъ этотъ вопросъ сдѣлать болѣе понятнымъ, возьмемъ слѣд. частный случай. Впечатлѣніе органа зрѣнія отъ предметовъ, какъ извѣстно, передается посредствомъ зрительнаго нерва къ извѣстному пункту мозга, и производитъ въ немъ нѣкоторую перемѣну, — теперь, какимъ образомъ душа воспринимаетъ эту перемѣну въ видѣ свѣта или формы предмета? Или съ другой стороны: въ душѣ явилась воля двинуть какой либо членъ: какимъ образомъ она можетъ сообщить толчекъ тому нерву, который долженъ передавать волю въ видѣ движенія органу? Судя по тѣмъ представленіямъ, какія мы имѣемъ о внѣшнихъ предметахъ, мы знаемъ только одинъ способъ, по коему предметы могутъ дѣйствовать другъ на друга, именно способъ непосредственнаго прикосновенія; но мы несомнѣнно убѣдились, что душа есть существо совершенно непохожее ни на что матеріальное: поэтому какъ она можетъ воспринимать органи-

ческія впечатлѣнія, или перемѣны и раздраженія мозга — и какъ, съ другой стороны, можетъ сообщать толчекъ тѣлу? Словомъ, какъ можно объяснить окончательное соединеніе души съ тѣломъ? Этотъ вопросъ, повторяю, на всегда останется нерѣшеннымъ.

Карусъ, Кленке и другіе новѣйшіе психологи поступили страннымъ образомъ съ этимъ неизбѣжнымъ вопросомъ. Они не рѣшили его, чего и сдѣлать нельзя, а обошли, или лучше, уничтожили его тѣмъ, что признали организмъ тождественнымъ съ душою, называя его внѣшнимъ проявленіемъ идеи или души, а душу или психею — творцемъ своего организма.

Чтобы несомнѣнно и окончательно увѣриться, что таково именно мнѣніе Кленке въ его органической Психологіи, обратимъ вниманіе на слѣд. слова его: «Пищеварительная система соотвѣтствуетъ самосохраненію, поддержанію тѣлеснаго требованія. Это побужденіе самосохраненія не есть что либо присущее веществу, образованному въ тѣло, ибо вещество получаетъ определенное пребываніе въ смѣшеніи и формѣ только потому, что идеальная сила, представляющаяся въ природѣ особенною сущностію, монадою, становится въ ней явленіемъ только тогда, когда избранное вещество разоблачаетъ отъ всѣхъ качествъ, происшедшихъ въ ней самостоятельно, или въ слѣдствіе прежнихъ, переходныхъ формъ и во время зависимости отъ чуждой монады, преобразуетъ ее въ собственныя свойства и задерживаетъ. И такъ побужденіе къ самосохраненію зависитъ отъ идеальной силы, которая у животныхъ и человѣка называется душою, и которой высшее проявленіе у человѣ-

ка, чрезъ воспріятіе Божественнаго Духа, становится субъективнымъ духомъ, психеею.» (*)

При внимательномъ разсмотрѣніи сихъ словъ, откроется много такого, чего никакъ нельзя принять здравомыслящему философу, не только что христіанину. Обратимъ, во 1-хъ, вниманіе на то, что эта идеальная монада или душа »избранное вещество«, то есть, посторонняя тѣла, принимаемая въ пищу, преобразуетъ въ собственные свойства и задерживаетъ, т. е. уподобляетъ ихъ себѣ; но если эта идеальная монада, душа, однимъ словомъ, уподобляетъ себѣ принятія внутрь вещества: то очевидно слѣдуетъ, что она сама есть монада матеріальная, тѣлесная; ибо иначе она не могла бы придать матеріи своихъ свойствъ, или лучше преобразовать матерію въ себя, уподобить ее себѣ. Но это предположеніе, будто душевная монада есть матеріальная, хотя бы она была и нераздѣльная, весьма ложно и заключаетъ въ себѣ тысячи несообразностей, о которыхъ было говорено въ первой главѣ этой психологіи. Наука нигдѣ не открыла и не можетъ признать, чтобъ одна какая либо матеріальная монада, или одинъ физическій атомъ могъ такъ разниться отъ другихъ атомовъ, какъ душа наша разнится вообще отъ всякой матеріи. Далѣе, въ приведенныхъ словахъ заключается мнѣніе, что душа становится духомъ, или субстанціею самостоятельною, чрезъ воспріятіе Божественнаго Духа. Это мнѣніе можетъ быть понято и принято только съ точки зрѣнія пантеистической, но будучи разсматриваемо внѣ пантеизма, оно заключаетъ въ себѣ то противорѣчіе, что изъ тысячи людей только одинъ

(*) § 79.

обладаетъ духомъ субъективнымъ: ибо изъ тысячи только развѣ одинъ дѣйствительно воспринимаетъ Духа Божественнаго.

И такъ повторимъ еще разъ, что нѣтъ никакой возможности въ самомъ дѣлѣ разгадать сущность отношенія души съ организмомъ. Иногда лучше и честнѣе признать невозможность рѣшенія вопроса, нежели рѣшить его ко вреду и въ противность другимъ признаннымъ и утвержденнымъ истинамъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

ПРИБАВОЧНАЯ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О БЕЗСМЕРТІИ ДУШИ.

---

§ 197.

ОСНОВНЫЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА БЕЗСМЕРТІА ДУШИ.

Въ заключеніе нашего труда скажемъ нѣсколько словъ о безсмертіи души и ея назначеніи.

Само собою разумѣется, что безсмертіе не принадлежитъ къ тѣмъ изъ свойствъ души, которыя можно изучать посредствомъ опыта и наблюденій. Несмотря на то, одна только опытная психологія предлагаетъ самыя твердыя основанія, изъ которыхъ, по умозаключенію, можно увѣриться въ этой истинѣ. точно также, какъ она одна даетъ вѣрнѣйшій способъ для изученія и всѣхъ прочихъ свойствъ души. Опытная психологія несомнѣнно доказала двѣ истины, которыя должны и могутъ быть основаніями ученія о безсмертіи: *а*), что душа есть субстанція, отличная отъ организма, имѣющая свою самостоятельную личность, проявляющуюся въ сознаніи и волѣ; *б*), что она безпрестанно усовершенствуется.

Изъ этихъ двухъ истинъ, посредствомъ цѣпи умозаключеній, выводятся доказательства безсмертія души человѣческой. Разсмотримъ сначала первое положеніе.

Если душа есть субстанція самостоятельная, а не временное свойство, или частный видъ бытія другой субстанціи: то смерть ея можетъ быть только двоякая: или она должна умирать подобно тѣлу, т. е. разложившись на составныя части, или должна уничтожиться отъ дѣйствія какой либо посторонней субстанціи. Но ни тотъ, ни другой образъ смерти для нея существовать не можетъ.

Душа не можетъ умереть подобно тѣлу, ибо она не состоитъ изъ частей. Наше тѣло умираетъ отъ того, что стихійныя его начала разлагаются, взаимная ихъ связь, сила, которая ихъ заставляла жить въ извѣстной формѣ, ослабѣваетъ, органы его, такъ сказать, стираются подобно колесамъ машины и всѣ составныя его части возвращаются въ первоначальное свое состояніе, а именно въ землю, въ воздухъ и пр. Но душа есть субстанція простая, чуждая всякому смѣшенію. Въ ней нѣтъ не только никакихъ частей, но ничего матеріальнаго; она — нѣчто противоположное матеріи; слѣд., она не можетъ разложиться.

Второй родъ смерти, т. е. уничтоженіе отъ дѣйствія какой либо посторонней силы, не можетъ имѣть мѣста не только по отношенію къ душѣ, но и по отношенію самой даже матеріи: ибо и она изъята отъ уничтоженія. Если мы въ природѣ замѣчаемъ безпрестанное исчезаніе однихъ тѣлъ и возниканіе другихъ, то это вовсе не значить, чтобъ при этомъ на самомъ дѣлѣ исчезали самыя составныя части тѣлъ. Исчезаетъ ихъ частный видъ бытія, частное, случайное соединеніе, но не самое ихъ со-

держаніе. Если тысячи деревъ сгниваютъ въ землѣ, или даже сгораютъ въ огнѣ, то исчезаютъ деревья, но не углеродъ, не кислородъ, и не другія ихъ составныя части. Болота и рѣки высыхаютъ, но вода ихъ испаряется въ воздухѣ и снова возвращается въ землю. Словомъ, масса матеріи на земномъ шарѣ всегда одна и та же: ибо всякій отдѣльный атомъ существуетъ постоянно, только въ разныхъ видахъ и соединеніяхъ. Если же уничтоженіе невозможно для матеріальнаго атома, то оно тѣмъ менѣе возможно для души. Ибо кто или что въ состояніи ее уничтожить? На нее не имѣютъ вліянія стихіи міра; что же касается до существъ разумныхъ, то одинъ только Богъ въ состояніи лишить ее бытія; но разумѣется, что Онъ этого не сдѣлаетъ.

§ 198.

ДУША ЕСТЬ СУЩЕСТВО БЕЗПРЕРЫВНО СОВЕРШЕНСТВУЮЩЕЕСЯ.

Душа человѣческая есть существо непрерывно совершенствующееся и въ этомъ отношеніи она, быть можетъ, еще болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, противоположнѣе со всѣми матеріальными и видимыми существами. Всякой матеріальной субстанціи положена извѣстная форма развитія, далѣе которой она не можетъ перейти. Всякій родъ растенія развивается только до извѣстныхъ предѣловъ, за которыми начинается обратное движеніе; всякое животное точно также возрастаетъ и совершенствуется по наружной формѣ до извѣстныхъ предѣловъ. Но совершенствованіе души не можетъ

имѣть предѣловъ въ отношеніяхъ теоретическомъ и практическомъ.

Въ первомъ отношеніи душа можетъ и должна безконечно усовершенствоваться: ибо мысль человѣческая не знаетъ предѣла, умъ человѣскій не только не удовлетворяется извѣстною степенью развитія и извѣстною суммою познаній, напротивъ того, съ каждымъ новымъ познаніемъ онъ дѣлается, такъ сказать, ненасытимѣе, каждое новое приобрѣтеніе становится для него основаніемъ и ступеню къ другимъ завоеваніямъ въ области наукъ и открытій. Таковы же всѣ способности души. Воображеніе человѣка не знаетъ для себя границъ; память его не ослабляется и не подавляется множествомъ свѣденій; словомъ, все доказываетъ намъ, что душа въ самыхъ способностяхъ и силахъ своихъ заключаетъ возможность и залогъ для вѣчнаго бытія и вѣчной дѣятельности. Способности души непохожи на колеса и пружины машины, которыя стираются и уменьшаются ежеминутно; напротивъ, чѣмъ болѣе и дольше онѣ работаютъ, тѣмъ становятся крѣпче и сильнѣе. То явленіе, что способности человѣка ослабѣваютъ на старости, нисколько не противорѣчитъ сказанному здѣсь. Ибо очевидно, что это видимое ослабленіе способностей происходитъ отъ ослабленія органовъ мышленія, отъ которыхъ способности души находятся въ столь тѣсной зависимости, какъ это было сказано выше.

Еще замѣчательнѣе способность человѣка къ постоянному, нравственному совершенствованію. Человѣческая душа непрерывно и вѣчно можетъ дѣлаться выше и лучше въ нравственномъ отношеніи, утверждаясь въ добрѣ, приближаясь мыслями и желаніями къ Творцу, къ

этому безконечному идеалу, который, чѣмъ ближе мы подходимъ къ Нему, тѣмъ кажется далѣе отъ насъ. Разумѣется само собою, что противоположное состояніе, т. е. непрерывное и вѣчное пребываніе во злѣ столько же возможно для души, какъ и вѣчное совершенствованіе въ добрѣ.

Но на землѣ, какъ всякому извѣстно, душа далеко не достигаетъ совершенства ни въ теоретическомъ, ни въ практическомъ отношеніи. Не говоря о людяхъ необразованныхъ и о дѣтяхъ, кои едва начинали жить: но даже и тѣ, кои достигли до высшей степени развитія, доступной для человѣка на землѣ, очень живо чувствовали, что они только положили слабое начало своему совершенствованію, и что имъ остается безконечное поле для будущей дѣятельности.

§ 199.

Нравственное доказательство.

Но самое высшее и лучшее доказательство безсмертія души есть доказательство нравственное, т. е. заимствованное изъ разсматриванія земной жизни человѣка по отношенію къ вѣчной правдѣ Божіей.

Не нужно много усилій ума и наблюдательности, чтобъ замѣтить, что земная жизнь человѣка представляетъ тысячи несообразностей съ нравственнымъ закономъ неизмѣнной Божеской правды. Не распространяясь много, довольно сказать, что на землѣ весьма часто, даже большею частію, добродѣтель не находитъ себѣ вознагражденія, а зло наказанія, что люди достойнѣйшіе въ нравственномъ отношеніи терпятъ часто всѣ

несчастія и лишены утѣшенія, а злые и порочные наслаждаются полнымъ благополучіемъ. Всякій прямой и безпристрастный умъ понимаетъ, что такой порядокъ не естественъ, а можетъ быть временнымъ, и что должно наступить время, когда безусловная правда нравственная должна воцариться вполнѣ, а это возможно лишь при безсмертіи души нашей.

Если разсматриваніе физическаго міра приводитъ человѣка къ мысли о Богѣ, премудромъ Творцѣ и благомъ Промыслителѣ, и доказываетъ намъ, что весь физическій міръ управляется имъ: то тѣмъ болѣе должны мы предположить, что и міръ нравственный, міръ нашихъ дѣяній, долженъ имѣть такого же Правителя, ибо нравственный міръ выше міра физическаго. Но предположивши это, не должны ли мы согласиться и съ тѣмъ, что Творецъ и Правитель нравственнаго міра долженъ вознаградить и исправить эту нравственную несообразность земной жизни чрезъ будущія воздаянія.

§ 200.

О значеніи человѣка.

Если же душа человѣческая безсмертна, и если она, въ слѣдствіе своей сущности способна къ непрерывному усовершенствованію, то изъ этого легко можно заключить о назначеніи человѣка. Назначеніе это, безъ сомнѣнія, въ томъ и состоитъ, чтобы непрерывно и безконечно усовершаться, какъ въ умственномъ, такъ въ особенности въ нравственномъ отношеніи. Эту утѣпительную истину, о которой умъ нашъ можетъ лишь гадать, вполнѣ объясняетъ и несомнѣнно доказываетъ

Христіанская вѣра. Опираясь на Божественное откровеніе, она учитъ насъ, что человекъ во всемъ своемъ составѣ, т. е. и по тѣлу и по душѣ, сотворенъ для вѣчной жизни, сообразной съ его земными заслугами. Она внушаетъ намъ, что земная жизнь есть только приготовленіе для будущей вѣчной жизни. Кто въ продолженіе своей земной жизни приучилъ свою душу къ добру, тотъ и въ будущей жизни найдетъ для себя высшую награду въ томъ самомъ добрѣ; но чья душа прониклась зломъ, для него послужитъ наказаніемъ, на томъ свѣтѣ, самое зло. Но эта высокая мысль, которую внушаетъ намъ Откровеніе, поразительнымъ образомъ соотвѣтствуетъ тѣмъ результатамъ, до которыхъ доходитъ психологъ, наблюдающій и изучающій природу и свойства души.

